

Николай Николаевич Прокошев

Семь крестов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11634550

*Семь крестов : [приключенческий роман] / Н. Н. Прокошев ; худож. : Живем; Калининград; 2013
ISBN 978-5-903400-28-7*

Аннотация

Пруссия... 1410 год от Рождества Христова. Дворянин Гектор Бронте приговорен к виселице за убийство тевтонского рыцаря. Накануне казни ему является загадочный дух, обещающий освобождение. При одном условии – придется выполнить семь сложных заданий. И чтобы спасти свою шкуру, а заодно и душу, Гектор мгновенно соглашается...

Правда, какой ценой дастся это спасение, герой и не предвидел. Волей судьбы он окажется в рядах Тевтонского ордена и примет участие в Грюнвальдской битве, где кровью и потом добывались слава и деньги. Временной портал на Куршской косе отправит героя в прошлое к своим предкам, где он узнает истинную цену человеческой жизни. Астроном Николай Коперник покажет изнанку нашего мира, а волшебник Вицель продемонстрирует колдовские чары.

Сможет ли с помощью дружбы и любви, вопреки предательству и горю, наш герой получить семь крестов? Или все-таки дух Бэзил низвергнет Гектора навечно в адские чертоги?

Содержание

Пролог	6
Крест первый	10
Монах	10
Наемники	23
Церковь Святого Георга	35
Крест второй	48
Важные документы	48
Родственники	65
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Николай Прокошев

Семь крестов

© Прокошев Н. Н., текст, 2013

© Федоров С. Ф., илл., 2013

* * *

Посвящается Наталье и Николаю

XXIX. Об испытании тех, кто желает вступить в этот Орден

Тому, кто желает вступить в это честное братство, должно дать испытательный срок, достаточный, чтобы он понял и познал все тяготы, ожидающие его на службе Ордену, а братья могли узнать характер его, если только не желает он избежать этого испытательного периода и поручитель его согласен, в каком случае ему должно принести обет полного послушания. Затем комтур или священник должны дать ему плащ с Крестом, освященный простым благословением и окропленный святой водой, ибо получает он одеяние Ордена с Крестом и ничто более не отличает его от тех, кто пришел в Орден ранее его.

Устав братьев Госпиталя Св. Марии Германской в Иерусалиме

Пролог

Пруссия, лето 1409 года

Бледный, призрачный свет луны, нависшей над громадиной орденового замка в Кёнигсберге, слабо пробивался сквозь прутья решетки на узком окне. Это тусклое сияние, будь оно даже в тысячи раз ярче и теплее, вряд ли смогло бы согреть узника темного и сырого каземата, уже долгие часы безразлично глядевшего на пепельный шар.

На рассвете Гектора Бронте, потомственного прусского дворянина, должны были казнить. От его руки погиб не кто иной, как брат Тевтонского ордена. Одного этого чудовищного злодеяния было вполне достаточно, чтобы отправить преступника на эшафот. Но впридачу присовокупились и прошлые нелады Гектора с законом. Бельмом на глазу духовной организации, безраздельно властвовавшей в средневековой Пруссии вот уже полтора века, вечно пьяный прусс стал уже давно.

Минувшие три месяца хмельной Бронте практически жил в конвентхаузе¹. Постоянные драки, хулиганства, бесчинства и мелкие кражи любому другому гражданину – немцу ли, поляку, литвину – стоили бы нескольких лет колодок. Да только провинностями всех пруссов занимался непосредственно орден, зачастую проявлявший, как и подобает божьему слуге, милосердие к коренному народу. Тем не менее всякому терпению рано или поздно приходит конец.

Однажды во время очередной попойки в «Рыжем петухе» прусс заметил, как один из тевтонов, изрядно надравшись, стал нагло приставать к служанке, разносившей пиво. Возмущившись безобразным поведением рыцаря, которому, согласно принятому обету целомудрия, следовало вести себя более сдержанно, Гектор сделал замечание. Не удосужившись ответить, пьяный брат схватил первую попавшуюся табуретку и попытался приложить ею прусса по голове. Завязалась потасовка.

Поскольку пиво в тот день отпускали за полцены по случаю приближения праздника Вознесения Господня, в кутерьму вязались и прочие посетители трактира. В воздух легко, словно щепки, взмыла мебель, миски и кружки разлетелись в стороны, как крохи хлеба голубям, какие бросает радостный мальчишка. Треск костей, глухие удары кулаков и жуткую брань вдруг заглушил отчаянный вопль той самой служанки, послужившей причиной сырбора.

Прикрывая рукой рот, с перекошенным от ужаса лицом девушка в сдвинутом набекрень чепце, забрызганном топленным салом, указывала в центр обеденной залы. Там, покачиваясь, с удивленным выражением на лице держался за живот тевтон – зачинщик беспорядка. Через три секунды он с грохотом рухнул на спину, успев повалить вскинутыми руками всю посуду на соседних столах. Жидкий фонтанчик крови из колотой раны божьего слуги постепенно заливал его белый кафтан.

Три десятка голов одновременно повернулись в сторону изрядно помятого Гектора. Сначала он не понял, чем заслужил всеобщее внимание, но, опустив глаза, едва не намочил штаны от испуга. Оказывается, Бронте сжимал окровавленный нож. Воцарилась напряженная тишина. Орудие убийства резко выпало из мокрой ладони, а в дверях трактира стремительно сверкнули пятки дворянина.

В связи с тем что прусс не просыхал третий день, он не мог составить четкий план отхода. Да что там – ноги в конце концов заплелись, и его обмякшее тело само упало в любезно подставленные руки стражи. Через четверть часа, несмотря на громкую ругань

¹ Конвентхауз – административная часть замка.

и вялое сопротивление, Гектора бесцеремонно водворили в темную, сырую и холодную камеру тюрьмы орденской крепости.

Как же такое могло случиться? Ведь еще каких-то полгода назад все было иначе. Торговые дела, которые Бронте вел вместе со своим дядюшкой, шли в гору, пока в один прекрасный момент тот бесследно не исчез, оставив племяннику лишь кучу долгов, тяжким бременем свалившихся на его плечи. Жизнь с того момента показала Гектору иную, чрезвычайно неприглядную, сторону. Куча непривычных и порой невыносимых обстоятельств сыграла свою роковую роль и опустила прусского дворянина на самое дно кёнигсбергской жизни.

Две недели, пока шло расследование, протянулись как два года в мрачных застенках, и, когда наконец ему сообщили, что назавтра на виселице подготовили свободное местечко, Гектор даже испытал некоторое облегчение. В конце концов, он сам виноват: незачем было дожидаться такого бесславного завершения разгульной жизни. Надо было давным-давно бежать куда-нибудь в Наварру или даже княжество Рязанское. Но что толку попусту горевать – ведь петля уже маячит перед красными от нервного напряжения глазами, а палач вот-вот выбьет бочку из-под ног.

– Ну что, Пес, неохота подышать? – Гектору показалось, что его сознание в ожидании смерти начало играть с ним злую шутку, ведь этот голос не мог быть голосом другого человека. – Да ты не крути башкой, не крути.

– Кто это? – сухую глотку Пса моментально разорвал кашель – это были первые сказанные им за две недели слова, из-за чего пересохшие губы и язык отказывались слушаться. – Откуда знаешь мое прозвище? Ты кто такой?

– Любая собака в городе знает твое прозвище. Благодаря им ты, кстати, его и получил.

Действительно, голос не ошибался, поскольку Гектор только и делал, что слонялся по улицам, подобно бродячим собакам, поэтому во всей округе его иначе и не называли. Но что-что, только собственная репутация, а уж тем более внешность, его как раз мало заботили, особенно учитывая сложившуюся весьма непростую обстановку.

На самом деле Гектор-Пес был вполне симпатичным малым, двадцати восьми лет, высокого роста, правда, скорее жилистым, чем атлетического сложения. Правильные черты лица подчеркивали некогда аккуратные усы и борода, в тюрьме превратившиеся в грязные скомканные клочья, напоминающие свалившуюся шерсть собаки. Густые темно-русые волосы стали больше походить на затасканную и почерневшую от грязи метлу, нежели на достойную уважения шевелюру.

– Необязательно разговаривать вслух. – Теперь осужденный понял, что голос этот он слышит не ушами, чужие слова, как мысли, сами появляются в его мозгу. – Я тебя и так прекрасно понимаю, поверь мне.

– Видать, я и вправду рехнулся, если в мою башку лезут посторонние голоса, – на этот раз Гектор не стал произносить фразу вслух.

– Нет, Пес, пока еще ты в своем уме, хотя, если посмотреть, – такого начудил...

– Я не пойму, кто ты такой и какого черта тебе от меня надо?

– Ах да, прошу извинить мои манеры, – в бесстрастном голосе появились насмешливые нотки, – меня зовут Бэзил. Я могу протянуть тебе руку помощи, правда, ты ее не увидишь, но зато почувствуешь. Интересует?

– Ну вот – доигрался, теперь меня взаправду посещают демоны. Или ангелы? Черте что. И чем же я обязан такой чести, уважаемый призрак Бэзил. Ты ведь призрак, верно? – от раздражения Гектор сплюнул.

– Пусть будет так. В общем, слушай – завтра тебе необязательно умирать. Всегда успеется. Я предлагаю меня выслушать. Конечно, ты вправе отказаться, но с рассветом сюда зайдет очень неприветливый тип. Этаким Харон...

– И чем же ты можешь мне помочь? – Где-то далеко-далеко, в подсознании, у Гектора слабым огоньком затеплилась надежда.

– Помочь себе можешь только ты сам, Гектор. Я лишь твой проводник, – голос Бэзила, не принадлежавший ни мужчине, ни женщине, заставил заклятого скептика и атеиста Пса судорожно сглотнуть слюну. – Мое предложение заключается в следующем: я помогу тебе отсюда выбраться, а за это ты пообещаешь выполнить семь моих поручений.

– Вообще-то ради своего спасения я готов выполнить хоть тысячу поручений, но, сдаётся мне, удрать из этой темницы не поможет никто. Разве что сейчас из земли до неба вырастет лестница, как в сказке.

– Во-первых, те задания, которые ты должен будешь выполнить, несравнимы ни с чем из того, что ты можешь себе представить. А во-вторых, выбраться из этого склепа проще, чем высморкаться. Только, если ты согласен, твердо пообещай, что сделаешь все, о чем я намереваюсь тебя попросить.

– Даю слово дворянина. Ты, главное, поскорее меня освободи, а я в долгу не останусь, – широкая улыбка расплзлась по лицу Пса, насколько позволяли потрескавшиеся губы.

Жажда жизни овладела Псом как никогда раньше, и поэтому он уверенно пообещал Бэзилу сделать все что потребуется. Ну что такого может ему поручить этот щедушный дух? Молиться трижды в день за спасение душ всех правоверных? Подавать милостыню нищим на паперти? В конце концов, всегда можно будет отказаться – не зашвырнет же он его обратно в этот треклятый каменный мешок.

Как только Пес согласился на условия невидимки, то с удивлением обнаружил, что чувство голода и жажды бесследно исчезли, в мускулах невесть откуда взялась прежняя сила, а ссадины и ушибы перестали ныть. Он распрямился, насколько позволял низкий потолок, и с хрустом размял конечности.

– Ну что, Псина, полегчало? Обратного пути уже нет, я тебя предупредил.

– Да-да, я понял, – торопливо закивал Пес. – Ну и как отсюда выбираться? Башкой стены пробивать?

– Совсем головушку не жалко, а вдруг пригодится еще? То место, где ты сейчас находишься, служит хозяйственным нуждам многоуважаемых братьев. Однако строителям не подвезли вовремя известняк, глину и песок, поэтому один участок в стене они просто заложили не промазывая. – При этих словах надежда полноправно утвердилась в сознании Гектора, и он внутренне возликовал. – Видишь, сзади тебя из стены немного выпирает кирпич?

Неожиданно в темноте то место, куда указал Бэзил, стало отчетливо видно Гектору, как если бы он обладал даром ночного видения. Не переставая удивляться чудесам, узник осторожно вытащил кирпич и как можно тише положил его на пол. Через десять минут прусс разобрал достаточную, чтобы в нее пролезть, щель в стене. Оглядев на прощание свою камеру и сплюнув на пол, Пес аккуратно втиснулся в проем.

Помещение прежнего зернохранилища, где в одной из комнат обустроили тюрьму, находилось в юго-восточной части внутреннего двора крепости, единственные замковые ворота Оберес Тор – в верхней части восточной стены. Выходило, что Псу пришлось бы бежать до ворот по открытой местности не менее ста шагов. Часовые на стенах обязательно бы заметили беглеца и забили тревогу, не говоря о привратниках, постоянно дежуривших у главного въезда.

Из кёнигсбергской крепости в Альтштадт² вела также маленькая калитка в правом углу южной стены. Пес мог незамеченным вдоль стены пробраться к выходу, но и там всегда

² *Альтштадт* – вплоть до 1721 года название Кёнигсберг носила только крепость. Однако задолго до этого горожане, для удобства, объединили под это имя три окружавших замок города: Альтштадт, Лёбенихт и Кнайпхоф.

стоял стражник, да к тому же ночью калитка постоянно была закрыта. Ее открывали только для срочного сообщения с крепостью. Маленькой лазейкой пользовались в основном почтовые гонцы и сборщики налогов, регулярно посещавшие замок в любое время суток.

Осторожно осмотревшись по сторонам, Гектор, крадучись, обогнул недавнее место заключения и через несколько секунд оказался в нешироком проеме между стеной тюрьмы и стеной, окружавшей крепость. Где-то наверху в окнах замка горели огни, слышались отдаленные голоса и смех, а звуки стрекотавших насекомых потихоньку возвращали Гектора к жизни на воле. Он полной грудью вдохнул свежий ночной воздух и, прищурившись, ухмыльнулся луне. От свободы его отделял только привратник, задремавший в столь поздний час у спасительной калитки.

– Ну и что делать дальше? Ты наделишь меня даром проходить сквозь стены?

Времени у прусса с каждой минутой оставалось все меньше: скоро наступит рассвет.

– И правда, твоей бестолковой башкой только кирпичи ломать, – Бэзил не переставал насмехаться. – Внимательно посмотри под ноги, увидишь там полуразобранную бочку. Отрви одну доску покрепче.

– И что, я на ней, как на метле, должен перемахнуть через стену? Или, может, я сыграю на ней, словно на дудке, и ко мне прилетит волшебная фея?

– Были у меня, конечно, подозрения, что ты слабоумный, но чтоб настолько... Все гораздо проще: этой доской ты оглушишь охранника, заберешь ключи и помчишься как можно дальше.

Оглушить охранника? А впрочем, как еще можно отсюда выбраться? Только вдруг стражник не спит? Как к нему подойти, духу-то легко – он невидимый, а вот человек не умеет ни летать, ни становиться прозрачным. То место, где скрывался Пес, находилось в крошечной темноте, и заметить беглеца никто не мог. Привратника тоже не было видно, пришлось идти наудачу.

Крепко сжимая взмокшей рукой сосновую доску, Гектор бесшумно приближался к цели. Вскоре беглый прусс увидел сидящего на табуретке возле калитки и опирающегося на копьё привратника. Голову страж склонил к груди – спал он или нет, поди разбери. Чтобы проверить, Пес тихонько свистнул – охранник не пошевелился. Тогда он свистнул погромче – охранник не реагировал. Гектор еще раз осмотрел стены наверху – как будто никого. Набрав побольше воздуха, узник в четыре прыжка оказался возле стражника.

Действовать следовало стремительно – привратник мирно посапывал, шевеля губами. Взгляд Пса сразу же упал на сыромятный ремень, на котором болталась увесистая связка ключей. Прусс отложил доску в сторону и хотел было отцепить пояс стражника, как тот открыл глаза и, моментально сообразив, что происходит, выхватил длинный кинжал. Но пустить в ход его не успел – Гектор оказался проворнее.

Схватив с земли палку, узник огрел привратника по голове так, что она с треском разлетелась на две части. За сломанной доской на брусчатку рухнул и оглушенный страж. Осмотревшись и не обнаружив никакой видимой угрозы, Пес быстрым движением стянул с распластавшегося сторожа ремень.

– Сейчас начнешь греметь и лязгать, – Бэзил торопился не меньше беглеца. – Вон тот ключ – черный, короткий, с одним отворотом.

– Да уж разберусь как-нибудь без твоих советов.

Лихорадочно подобрав нужный ключ и отперев калитку, Гектор, будто призрак, растворился в темноте.

Крест первый

Монах

– Ты не поверишь, дружище, чего я только не повидал, но такого еще точно не было, – Гектор допивал вторую плошку говяжьего бульона, заботливо сваренного другом его дяди. – Я сам не могу понять, как это произошло.

– Подожди, сынок, не спеши, – тучный, но очень подвижный мужчина с колючей щетиной снял с огня ароматные медовые лепешки. – Ты говоришь, что освободиться тебе помог какой-то дух. Как его звали? Бэзил? Твой дядюшка был страстный фантазер, а вот от тебя я ничего подобного раньше не слышал. Странно это все.

Бальтазар Прустовский принадлежал к давнему купеческому польскому роду – известной семье Прустовских. Из четырехсот восьмидесяти тысяч жителей Пруссии сто сорок тысяч были поляками. В основном они, конечно, жили на приграничных территориях, но многие в силу разных причин оказались также и в глубине орденских земель. Как это водится, в семьях, занимающихся торговлей или содержанием различного рода заведений, дела передаются от отца к сыну. Так и Бальтазару постоянный двор «Медный ворон» достался в наследство.

– Да я и сам был крайне удивлен, когда у меня в голове зазвучал его голос. Со мной никого не было – ни одной души. Ну сам подумай, откуда бы я знал все эти тайные ходы? А если бы и знал, то разве сидел бы я там две недели? К утру меня хватятся, если стражник не оклемается раньше. Что начнется...

– Не переживай, Бронте, – Бальтазар почесал массивный подбородок. – Завтра же ярмарка. Никто не захочет отменять праздник, когда перед утренней мессой не досчитаются одного висельника. Тебе надо пока спрятаться здесь.

– Спасибо тебе, Бальтазар. Ты мой единственный друг, всю жизнь меня поддерживаешь, – вылизав, как собака, миску, Гектор запихнул в рот сразу два куска пшеничного хлеба и довольно крикнул.

– Караульного быстро найдут. Сейчас ночь на дворе, шерстить здесь не будут. С утра обшарят, не раньше. Несколько часов у тебя есть. Я дам сигнал, если что.

Заплетающимися ногами Пес поднялся на второй этаж к покоям постояльцев. Его излюбленную маленькую комнатку на чердаке Бальтазар никогда не сдавал, и Пес, не раздеваясь, устало плюхнулся на лежанку. По сравнению с гнилой соломой мешок, набитый гусиным пером, казался поистине царским ложем. Гектор с шумом выдохнул. В какие только передраги он ни попадал, но так близко к тому свету прусс еще не находился никогда. И этот странный голос исчез с того момента, как он переступил порог дома Бальтазара. Вспомнив еще раз про ярмарку, Пес искренне понадеялся, что дальше все будет хорошо.

– А с чего ты взял, Гектор, что все хорошо будет? – От неожиданности бывший висельник аж подпрыгнул. – Ты и вправду поверил, что я исчез? Ей-богу, как маленький. Я бы на твоём месте на это не рассчитывал.

– Послушай, даже не знаю, как назвать тебя, э-э, Бэзил. У тебя других дел нет, что ли? – Озираясь по сторонам, Пес присел на краешек лежанки. – Зачем ты ко мне привязался? По хорошему прошу – исчезни, и так тошно.

– Мы, видимо, друг друга не так поняли – я тебя освободил, а ты мне что пообещал?

– Да плевать я хотел на свои обещания. Спасибо, что избавил меня от петли, ну и чего ты еще хочешь? Приходи завтра... потом приходи, а лучше вообще провались навсегда.

– Вот уж ты воистину дурак, Пес. Не ожидал я от тебя, хотя от такого отребья что угодно можно ожидать. Я же как лучше хотел. – Гектору показалось, что он услышал некоторое сожаление в голосе духа. – А правильно все-таки говорят, что люди сами себе намеренно создают трудности. Подписывай тогда – и до свидания, вот тут вычеркни, а вот тут подпиши.

Внезапно перед глазами Гектора прямо из воздуха появилась сначала одна пара рук – чистых, ухоженных, в белых кружевных рукавах, а затем и вторая – темно-красная, с длинными узловатыми когтистыми пальцами и черными вздутыми венами. Обе пары рук держали по книге: от той, что была в светлых дланях, исходило нежное сияние и тихая приятная музыка, а от другой пахло серой, и страницы были обожжены по краям. Пес заметил, что в обеих книгах, помимо кучи других, было написано и его имя.

– Что это такое, черт поberi? – прусс шлепнул себя по щеке, чтобы проверить, не спит ли он.

– Это книги жизни и смерти. Из жизни ты себя вычеркиваешь, а в смерть записываешь. Все предельно просто, если откажешься, тебя разорвут пополам. Как же тебя делить будут? Другого не дано.

– Подожди, ты мне ничего не говорил про какие-то книги...

– Я все говорил – это ты не слушал, я тебе два раза объяснил условия нашего договора. Если откажешься подчиниться, твоя душа будет низвергнута в ад, а что там тебя ожидает, я думаю, ты догадываешься. Придется ответить за все свои преступления: алчность, пьянство, блуд, азартные игры и дальше по списку... – Пес поднял глаза, пытаясь сосчитать количество выпитых кружек, проигранных монет, обманутых им людей, и вздрогнул. – Останься ты болтаться в петле, там, в Чистилище, может, и извернулся бы как-нибудь, а тут, дружок, извольте проследовать в преисподнюю. С теми, кто нарушил условия, шутить не любят. Давай быстрее, не тяни, вычеркивай себя.

– Стойте! Стой, Бэзил, я не хочу в пекло, – Гектор в страхе отшатнулся от рук с книгами. – Обождите, я пока ничего не нарушал! Это была шутка такая. А вы мне сразу книжульки подсовывать, нет уж, дорогие мои. Договор в силе! Что надо делать? Убери свои талмуды, Бэзил, не дури. Я тебя внимательно слушаю...

– Вот этот разговор мне нравится больше, – дух заставил так же мгновенно исчезнуть реестры, как они появились. – Это будет твой первый крест. То есть первое задание. Если выполнишь – пойдем дальше, а если нет – извольте на прием к Асмодею.

– Какому Асмодею? Ничего такого в договоре не было, а тут откажешься – поджарят, не выполнишь – то же самое, – не скрывая отчаяния, Гектор обхватил руками голову. – Я бы не согласился никогда. Уж лучше и вправду подохнуть в петле...

– Хм, в тюрьме ты был совсем иного мнения. Ты был готов на все, лишь бы избежать казни. Пожалуйста, мне не трудно вызвать книги в последний раз. Условия ты знаешь, так что решай. В случае успеха сможешь от всего отказаться... конечно, если выживешь. – После этих слов с глубоким вздохом, проклиная все на свете, беглец от правосудия спрятал лицо в ладонях. – У тебя будет возможность отказаться три раза за всю нашу кампанию. Первый раз наступит после первого креста, всего их будет семь. Семь крестов – семь заданий.

– Христос еле дотащил один крест, и что с ним случилось? А ты на меня хочешь семь навесить! Ладно, я пройду это первое испытание, а потом пошлю тебя и твои книги в эту самую глубокую... адскую бездну. Чтоб вы там сдохли все скорее, тьфу! На кой черт мне семь, если можно выполнить только одно? Что там надо делать? Давай быстрее покончим с этим!

– Хорошо, что мы нашли общий язык, Пес. Ты когда-нибудь слышал о человеке по имени Гзанда?

Находясь в подземелье, Гектор совсем потерял счет времени и напрочь забыл о Троицкой ярмарке. В честь праздника Троицы устраивали самую большую трехнедельную

ярмарку у ворот Лаакентор на выезде из Альтштадта. Все крестьяне и торговцы считали своим долгом посетить это грандиозное мероприятие. Здесь можно было впрок, до следующего года, запастись как провиантом, так и скотиной.

Купцы съезжались сюда со всей округи. Не оставались в стороне и представители со всей Ганзейской Лиги: ехали из Любека, Бремена, Кракова, Ревеля³ и даже Стокгольма. Эта ярмарка поистине была самым крупным событием в хозяйственной жизни Кёнигсберга, однако, помимо делового люда, сюда также стягивался и весь европейский сброд.

– Через десять лет приходите еще, обязательно! Я вас жду, – с наглой ухмылкой проводив очередного посетителя, рыжий коротышка сгреб со стола горсть монет к себе в пухлый кошелек.

– Приветствую вас, милостивый господин, – мужчина средних лет беззастенчиво отодвинул еще одного страждущего – горбатого старика – и отдернул полог, открыв вход в крохотный шатер Томаса. – Я слышал, вы... помогаете людям? Ищу вашу лавку с самого утра.

– Именно так, мой любезный друг. Прошу вас, проходите. Что беспокоит?

– Да вот что-то в этом месте как-то странно покалывает, раньше такого никогда не было, – мужчина указал себе на область живота. – Что это может быть?

– Известно что – ничего хорошего! – Рыжий всплеснул руками. – Сколько вам лет? Тридцать восемь? Да, я понял, пять лет назад у меня был подобный случай. С такими же жалобами пришел господин. Купил пятилетнюю грамоту, недавно приходил продлевать.

– А сколько мне осталось?

– Месяца два, максимум три...

– Не может быть, – мужчине показалось, что у него закружилась голова, – может, это просто временное недомогание? Такое же бывает...

– Тихо! Что вы там бормочете? Какое временное, я же вижу, на вас написано – от силы восемьдесят дней. Слышите? Но я могу вам помочь! Мои грамоты освящены самим, – покрытый рыжими волосами палец многозначительно замаячил перед носом больного мужчины, – понимаете? Вам повезло – только сегодня, в честь открытия ярмарки, особая цена на мои услуги. Пришли бы завтра, заплатили бы вдвое больше...

– Сколько?

– Пять лет – один фирхен⁴. Десять – шиллинг⁵ и два денара⁶, а за двадцать извольте выложить хальбшоттер⁷. Но это сущие пустяки по сравнению с тем, какие муки вас ожидают перед смертью. Черный огонь пожирает вас изнутри, а мои грамоты не только продлят вам жизнь, но и избавят от невыносимых страданий. Выгоднее брать сразу на двадцать лет – так дешевле.

– А если я все-таки умру раньше?

– Этого не случится. Разве что вас придавит обрушенный балкон или зарежут в подворотне, от таких напастей я не спасаю – только от человеческих недугов. Итак, на сколько лет вы хотите получить?

– Давайте на десять, но учтите, – теперь палец клиента уперся в грудь Томаса, – если, не дай Бог...

– За кого вы меня принимаете? Никто еще ни разу не пожаловался! – Томас осторожно отстранил руку напористого господина. – А впрочем, ваше дело, не хотите – не надо. Помо-

³ Ревель – ныне город Таллин, Эстония.

⁴ Фирхен – серебряная монета весом 0,75 грамма.

⁵ Шиллинг – серебряная монета весом 3,2 грамма.

⁶ Денар – серебряная монета весом 0,3 грамма.

⁷ Хальбшоттер – серебряная монета весом 3,1 грамма.

гаешь людям, а они... Всего вам наилучшего. Я навещу вас летом на кладбище, до свидания...

– Пойдите, извините, я не хотел... понимаете, просто такие деньги... Возьму-ка я, пожалуй, на пять, а там посмотрим. Вот ваш фирхен, берите.

– Видите ли, уважаемый, я вас не предупредил, человек перед вами, – рыжей, в веснушках рукой продавец чудодейственных грамот указал в сторону выхода, – только что забрал последнюю. Остались только на десять и двадцать.

– Тогда я вернусь через неделю, – недоверчивый покупатель встал.

– Боюсь, через неделю мы вряд ли встретимся – я отправляюсь в Рим за благословением грамот, как только продам те, что у меня есть сейчас. Можете не сомневаться – произойдет это очень скоро. Люди ведь постоянно болеют и умирают. Так уж они устроены, – рыжий коротышка тяжело вздохнул. – Тропа сюда никогда не зарастает.

А может, и сегодня даже все продам. Собирались стрелки городские зайти группой – недуги никого не щадят. Чувствую, бумаги быстро разойдутся.

– А, черт с вами, плевать, давайте на десять, гореть вам в аду на сковородке.

– Пожалуйста, возьмите, жду вас через десять лет! Осторожно, не споткнитесь.

Чех по происхождению, Рыжий Томас, завсегда охочий до наживы, не случайно оказался в Пруссии – знаменитая Троицкая ярмарка манила сюда подобных личностей. Торговал он под личиной врачевателя и якобы продавал целебные мази и порошки, на что имел соответствующую лицензию как магистр пражского медицинского факультета. Ее ему за бесценок изготовили в Дрездене.

Вскоре, задоблив серебром городские власти, Рыжий стал полноправным торговцем со своим местом на рыночной площади, закрепленным за ним на время ярмарки. В город он приехал около месяца назад и, к своему изумлению, наткнулся в «Рыжем петухе» на одного своего давнего знакомого, бездельника и гуляку.

– Разрешите? – В лавку кое-как втиснулся закутанный с ног до головы в потрепанный рваный плащ с низконадвинутым капюшоном сторбленный старикашка, которого ранее отстранил предыдущий посетитель.

– Заходи, отец, – Рыжий жестом указал старику на сколоченную наспех из неотесанных досок табуретку. – Что приключилось? Какая хворь беспокоит?

– Да вот, сынок, тело-то в порядке, душа что-то стонет только...

– А-а, обычное дело. Судя по голосу, тебе осталось не больше недели, – семь коротких, с обломанными ногтями пальцев растопырились перед носом поникшего старика. – Семь дней, не больше, отец, но я тебе помогу.

– А что, можно что-то сделать? Неужто еще чуточку протянуть можно?

– Ну а я здесь зачем? Чтобы таким, как вы, помогать, отец. Врать не буду, сразу скажу, что больше десяти лет тебе не протянуть – брать на двадцать смысла нет. Десять тебе будет за глаза. Славная цена для пожилых – шиллинг и три денара. Так и быть, еще денарик тебе сброшу.

– Да-да, конечно, сынок, сейчас посмотрю, что там у меня есть. – Вдруг с неожиданной для дряхлого старика скоростью согнутые первые фаланги указательного и среднего пальцев крепко сжали нос Томаса: – Ну что, сучий потрох? Ты и людьми теперь торгуешь? За сколько меня черно-белым продал, рыжая свинья?

– Гектор?! – гнусавый голос Томаса заставил Пса невольно улыбнуться. – Я... я не хотел. Они мне угрожали. Они меня избили, места живого не оставили, что я мог сделать? Они все у меня отобрали, я не виноват, Пес. Я такая же жертва, как и ты!

– Жертва, говоришь. – Перевернувшись в воздухе, огромный охотничий нож воткнулся в стол в опасной близости от ладони Рыжего. – Скотина, ты же мне торгаша указал, кто еще, кроме тебя, мог знать?

– А все остальные выпивохи? Ты же там мел помелом, как последняя уличная девка. Кому, как не им, про тебя болтать? Мне-то какой резон? Мы же друзья!

– Да кто эту пьянь слушать будет? На тебя орден вышел. Не смогли в магистрате в тайне твои проделки грязные уберечь. Я же все знаю. И чтоб себя спасти, тебе пришлось других продавать. Друзей, например. Забить бы тебя как кабана, да только возиться неохота.

– О-т-т-к-к-уда т-ты э-т-т-о узнал, Гектор? – Рыжий, как рыба, выпучил глаза.

– Я с недавних пор много знаю, чего раньше не знал. На нечисть всякую особенно у меня глаза открылись, тьфу.

– Чего ты хочешь, Пес? – торгош сорвался на противный писк, и его грузное тело противно затряслось. – Зачем пришел?

– Во-первых, Иуда, давай сюда все деньги. – На стол опустился развязанный кожаный мешочек. – Из-за пазухи тоже доставай, иначе пальцы отрублю не глядя. Не старайся утаить, гадина рыжая, все wygrебай.

– Да на, подавись, – со слезами на глазах Рыжий в приступе истерики стал выворачивать каждый карман и потрошить все потайные места, постепенно наполняя кошелек деньгами. – На, пусть Томас останется в нищете, он заслужил. Помогашь людям, помогашь, а они тебе таким дерьмом платят. Все забирай, подлец, мне не жалко.

– Заткнись, мразь. – Увесистая пощечина заставила Рыжего прекратить причитать и снова выпучить глаза на Гектора. – Это полдела. Теперь мне нужен Гзанда.

– Кто? – откинувшись назад, Томас не удержал равновесие и с грохотом завалился на своем складном стуле на спину. – Какой еще Гзанда? Понятия не имею, о ком ты говоришь.

– Я спрашиваю по-хорошему, Томас. В твоих же интересах ответить честно, – Пес схватил мошенника за шиворот и водрузил его обратно на стул.

– Клянусь всеми святыми – я понятия не имею ни о каком Заде, или как ты его там назвал. Я скромный торговец, работаю на законных основаниях. Конечно, по долгу дела приходится общаться со всяким отребьем, но чтоб с Фандами...

Хлесткий удар расквасил многострадальный нос Рыжего, и из него мгновенно хлынула кровь.

– Я предупреждал, Томас. Не шути больше. – В левое ухо Рыжего влетела еще одна мощная затрещина, и он вновь свалился на пол. – Я спрашиваю тебя еще раз, терпения мне хватит, поверь, – где найти Гзанду?

– Ах ты висельник, лесной червь, да ты хоть на секунду представляешь, что тебя за это ждет? – Корчась на полу и утирая рукавом разбитый нос, Томас плевался кровью: – Ты триста раз пожалеешь, что тебя намеренно не казнили. Ты не жилец, Пес! Попомни мои слова, ублюдонок. Я тебе обещаю, что...

– Ты мне однажды уже сослужил добрую службу, Томас, – Гектор с размаху пнул Рыжего в брюхо, заставив того согнуться в бараний рог. – Я повторяю вопрос: как мне найти Гзанду?

– Чтоб ты сдох, Гектор Бронте, – багровый сгусток крови вылетел из хриплой глотки торгоша. – Джанлука, монах, должен знать – его найди сначала, собака...

Сгорбленный старикашка в довольном расположении духа покинул шатер мошенника, оставив того стонать от боли, скорчившись на полу, и шагнул навстречу закату. Несмотря на то что многие торговцы уже сворачивали свои лотки, на улице до сих пор витал смешанный запах соломы, навоза, восточных пряностей, меда, дубленой кожи и пива.

Домашний скот мирно дожидался следующего утра, в то время как торговый люд переносил лавки и столы внутрь городских стен на радость местным трактирщикам и пивоварам. Крестьяне, выгодно продавшие свою живность и разную снедь, а купцы – товары, в первый ярмарочный день по традиции сели праздновать удачные сделки. Пиво и вино текли рекой, а слуги едва успевали подавать подносы с огромными кружками и закусками.

Стараясь не выделяться из толпы, Гектор аккуратно обошел гомонящих на площади горожан и свернул на ряд скорняков. С утра Бальтазар принес хорошие вести – никто не стал поднимать панику по поводу исчезновения государственного преступника. Все казни решено было перенести на три недели, чтобы не портить настроение честному народу. А тех, кто был привязан к позорному столбу, и вовсе решили отпустить в честь праздника.

Как судачили в толпе, начальник гарнизона был бесславно изгнан с должности за недо-смотр за заключенным, а переодетые в городское платье патрульные бродили по ярмарке в поисках опасного беглеца. И если бы он попался на глаза городской страже, судьба его закончилась бы весьма печально. Поэтому Бронте принял все меры предосторожности и постарался как можно тщательнее замаскироваться.

Бэзил подсказал Псу, что зимой, когда он ограбил гостившего в городе новгородского купца во время вечерней прогулки последнего, а потом попался в руки ордена и был бит плетьюми, предал его как раз Томас. Недолго думая, беглец решил навестить в вечерний час Рыжего, дабы узнать, где же разыскать этого таинственного Гзанду, а заодно и расквитаться за предательство. Осталось найти людей, которые бы вывели к самому Гзанде, человеку крайне осторожному и опасному.

– Почему ты просто не скажешь мне, как отыскать этого мерзавца? – перед походом к Томасу Гектор попытался хоть что-то вытянуть из Бэзила.

– А может, мне вообще сделать все за тебя, Пес? Это твое задание, тем более что мои руки связаны, – здесь Бэзил явно недоговаривал. – Твоя жизнь – твои поступки. Как пить и воровать – самый первый, а как мозгой кумекать – так в кусты.

– Значит, получается, что меня продал Томас, так? – пропустив мимо ушей последнюю ремарку Бэзила, Пес продолжал рыться в сундуках Бальтазара в поисках подходящего костюма. – Зачем ему это? Он же, как сам рассказывал, законно работает. Чего они к нему прицепились?

– Томасу пришлось тебя заложить, потому что его прижали орденские плащи. Деньжата шли мимо их кармана, а в ратуше у кого-то длинный язык, и этот кто-то нашептал им про Рыжего. Чтобы избежать наказания, ему предложили назвать других преступников. Ну кто, как не ты, подходил под идеального шаромыжника?

– Вот тварь неблагодарная. Я его уже лет пять знаю, даже помог ему в Тюрингии от разбойников отбиться, когда он надрался как свинья. Ну да черт с ним, а как он с этим Гзандой связан?

– Дело в том, что один человек из свиты Гзанды очень падок до азартных игр. И вот недавно они с Томасом в «Рябой кобыле» сели играть в кости. Тот проигрался в пух и прах и, чтобы не отдавать последние гроши, поведал Рыжему одну занимательную историю. Однако при этом пригрозил, что, если тот вздумает проболтаться, язык шарлатану больше не понадобится. Поэтому только чех может вывести тебя на Гзанду. Ладно, давай собирайся, начинает темнеть, если удача будет на нашей стороне – тебя никто не узнает.

Рыжий Томас указал Гектору на заведение, где он давеча облапошил странного монаха, мухлюя буквально на глазах у вдрызг пьяного святоши. Никакой надежды встретить в «Рябой кобыле» этого Джанлуку у Пса не было, ибо он знал всех монахов и священнослужителей во всех трех городах и городских слободах наперечет – итальяйцев в них не значилось. Бальтазар, которого он встретил по пути в «Кобылу», тоже никогда ничего не слышал о Джанлуке, а если кто и знал людей в Кёнигсберге, особенно новых, так это был владелец закхаймского «Медного ворона», пристанища всевозможных сплетен, Бальтазар Прустовский.

Зайдя в трактир, Пес заказал кружку «кислой служанки» и занял место в углу скупосвещенного зала. Таверна, как и большинство питейных заведений города, кроме общего обеденного помещения, имела еще и постоянные комнаты на втором этаже. Подняться туда

можно было, забравшись по широкой, с расшатанными перилами лестнице, что начиналась от главного входа и подпиралась толстенными балками, на которые по всем граням крепились железные подсвечники.

Столами служили по две положенные на козлы широкие доски. Потертые скамейки, разделенные подлокотниками на отдельные сиденья, стояли лишь с одной стороны, другую оставляли свободной для подачи блюд и напитков. Еще несколько столов на четыре места располагались по углам заведения. Отхожее место, видневшееся со входа чуть поодаль от кладки дров, представляло собой скособоченную конуру, завешенную дырявой власяной занавеской.

Посетителей было немного: какой-то ремесленник шептал что-то на ухо весело хохотавшей девице, два рыбака за кувшинчиком ягодного вина, отчаянно жестикулируя, обсуждали неожиданно взлетевшие цены на сельдь и небольшая компания бродячих музыкантов весело пропивала первый заработок своего балагана на ярмарке.

Святым духом здесь и не пахло, и, когда взору Гектора предстало плохо промытое дно пивной кружки, он в очередной раз проклял Томаса, Бэзила и Гзанду до кучи. В любом случае, независимо от того, встретит он сегодня Джанлуку или нет, Пес твердо решил напиться до беспамятства. Благо денежки появились и повод был.

Махнув хозяину, усердно делавшему вид, будто он протирает деревянные кружки, чтобы тот нацедил еще пива, Гектор глубоко вздохнул, вспоминая свои лучшие годы. Когда дядя был жив и Пес еще не скатился в пропасть блуда и долгов, они занимались ввозом русской пушнины, шведской меди, венецианского стекла, племенного голландского скота и норвежской рыбы. Они держали свою контору, и никаких проблем с законом тогда и возникнуть не могло.

Под Шонвальде у них даже было почти сто пятьдесят хуф⁸ земли, где в трех деревнях работали крестьяне, исправно платившие оброк. Последние из оставшихся Бронте жили ни в чем себе не отказывая, пока однажды к дяде в дверь не постучали. Вдруг отчетливый стук по дереву вернул Пса из сладких объятий воспоминаний, навеянных кружкой слегка прокисшего пивка.

– Не стучи так громко, бес тебя возьми. – Двое человек мрачноватого вида, пару минут назад присевшие за соседний от Гектора стол, чем-то громко брякали по дереву.

– Да тут все равно никто не слышит, Теодор, не обращай внимания. Ну что? По маленькой для начала? – Один из новых посетителей, здоровенный детина, своим внешним видом не внушающий ни малейшего доверия, волосатой ручищей вытряхнул из кармана на стол несколько игральных костей.

Второй, с виду ничем не примечательный игрок, был невысокого роста, с бегающими бесцветными глазами и потрескавшимися губами. Запыленная одежда, серого цвета лицо – казалось, исчезни, никто и не вспомнит, как он выглядел.

– Слышит – не слышит, какая разница? Надо всегда быть начеку, понял, верзила? – Только теперь Пес заметил, что у второго игрока в голосе явно проскальзывает какой-то иностранный акцент. – Начнем с шиллинга, а там посмотрим. Эй, хозяин, а ну-ка, обслужи гостей!

После того как на их столе появилось пиво, листья салата с горчицей и жареный поросенок, наштигованный гречкой и ветчиной, парочка подозрительных личностей, перешептываясь, стала как можно тише кидать кости на стол. Гектор понял: вот он – шанс, и вероятно, единственный. Ведь монах сказал Томасу, что скоро собирается покинуть город, чтобы и дальше продолжать свою священную миссию, возложенную на него самим Господом.

⁸ Хуфа – мера площади, равная 17 гектарам.

Застать его сегодня здесь было великой удачей, ведь не обязан же он возвращаться в эту самую корчму, в конце концов. Молнией в голове прусса пронеслась мысль: а может, это Бэзил заботливо подсобил своему подопечному горемыке? Захватив с собой кружку, прусс не спеша подошел к их столу.

– Прошу прощения, уважаемые господа, я тут краем уха случайно услышал обрывок вашего разговора и понял, что люди вы серьезные. Да и такой богатый стол. Разрешите составить компанию?

– Чего тебе, букашка? – здоровяк наполовину обернулся в сторону Гектора. – Не видишь, мы отдыхаем? Проваливал бы подбру-поздорову.

– Подожди, Эрих. Вдруг у него что-то важное, давай послушаем, – человек, представившийся Теодором и говоривший с чудным заграничным акцентом, пригласил Пса к себе за стол.

– Спасибо, великодушный господин. Я тут слегка разжился серебром на ярмарке и, будучи человеком немного искушенным в игре, хотел предложить свое скромное участие в вашей честной партии.

– А сколько у тебя серебра? – Эрих с подозрением оглядел чужака. – Как ты правильно понял, люди-то мы серьезные, на мелочевку размениваться не станем.

– Для начала грошенов⁹ десять достаточно?

– Хм, вполне... – Щуплый человечек по имени Теодор острым взглядом долю секунды изучал прусса, затем вытер губы после очередного глотка: – Пока мы играем по шиллингу. Три дубля подряд забирают ставку, играем тремя костями с засученными рукавами. Все ясно?

– Чего тут непонятного, я согласен, шиллинг так шиллинг. – Монетка с изображением гохмейстера¹⁰ опустилась в общую копилку.

Игра шла с переменным успехом. С головой погрузившись в бросание костей, Гектор на какое-то время даже забыл о своей задаче. Сейчас его больше заботил выигрыш, чем выуживание необходимых сведений. Здоровяку Эриху везло как утопленнику, и он проиграл почти все свои деньги. Спустив основной запас, верзила стал шарить по укромным местам в своем затрапезном одеянии. Монетки, как из-под ловкой руки фокусника, появлялись на свет то из какого-то потайного кармана на спине, то из башмака.

В конце концов он потерпел полное фиаско, постоянно выбрасывая самые низкие комбинации. Редко его кости выпадали больше, чем на десять, в то время как у Теодора почти никогда не показывали меньше этой цифры. Гектору везло с переменным успехом, и в итоге больше всего денег сосредоточилось именно у щуплого игрока.

Обозленный проигрышем Эрих, проклявший слишком коптящую свечу и не вовремя чихнувшего рыбака, попросил не продолжать игры без него. Он пообещал, что вернется через полчаса с новой порцией серебра. Перед тем как покинуть «Рябую кобылу», гигант одарил соседей по столу недобрым взглядом и, бормоча проклятия, стремглав выскочил за дверь.

Меж тем Пес, все-таки вспомнив, зачем он здесь, раздумывал, как наилучшим образом использовать эти драгоценные минуты. К тому же, судя по неприличным шуткам Теодора, тот был уже изрядно пьян. Как бы его вынудить назвать свое имя? А может быть, это вообще не тот человек? Вдруг Пес обознался? Как проверить? Где же этот Бэзил: когда он нужен – его нету, а когда провалиться бы ему – так он тут как тут. Ладно, есть только один способ разговорить этого дохляка.

⁹ Грошен – серебряная монета весом 1,6 грамма.

¹⁰ Гохмейстер – также гротсмейстер, Верховный магистр, глава ордена.

– А кто такой этот Эрих? Не похоже, чтоб вы были закадычными друзьями. – Гектор лишь слегка пригубил пива, все-таки благоразумно решив совсем не напиваться.

– Кто? А, этот никчемный забулдыга? – Неприятный господин с акцентом, напротив, казалось, решил выпить все пиво в таверне, то и дело заказывая себе очередную порцию «служанки». – Я его толком не знаю, познакомился с ним только сегодня вечером, когда он тут за углом приставал к продажным девкам. Я заметил у него в кошельке деньги, и у меня возникла приятная мысль переложить их в мой. Играет он, согласись, скверно.

– Это уж точно. По-моему, я как-то видел его в порту. Похоже, грузчик.

– Грузчик не грузчик, но, судя по разговору, он еще тот разбойник.

– А вы, позвольте узнать, Теодор, из каких краев к нам прибыли?

– Тебе что за дело? Сидим, играем – чего еще надо? – Несмотря на то что Теодор был уже предельно близок к тому, чтобы лбом ткнуться в стол, оказалось, его пронзительный взгляд не утратил своей ясности. – Был тут недавно один рыжий боров, раздел меня до нитки. Вот сегодня приходится отыгрываться. Ладно, зачем нам ждать этого громилу? Давай по хальбшоттеру. Сколько можно мелочиться.

Гектору ничего не оставалось, как согласиться. У его соперника к этому моменту денег скопилось вдвое больше, но отступить было нельзя, невзирая на большие шансы повторить вчерашний подвиг Томаса. Пес вовремя смекнул, как надо действовать дальше, и совсем перестал пить, лишь по мере опустошения бокала Теодора он снова и снова угощал его пивом.

Когда щедушный игрок наконец клюнул носом в тарелку с поросенком, прусс, не мудрствуя лукаво, смел половину выигрыша противника себе в кучу. Теперь у него монет стало вдвое больше. Нечленораздельное бормотание Теодора, когда он очнулся, судя по всему, должно было означать злобную брань в сторону Фортуны.

Не прошло и пяти минут, как точки на ребрах костей стали отчаянно двоиться в глазах иноземного гостя, и Гектор на свое усмотрение стал называть значение суммы, выпавшей на трех кубиках. Спустя некоторое время Теодор поставил свой последний грошен. Эриха все еще не было, хотя прошел уже час с момента его ухода.

Если верить рассказам Рыжего, то Джанлука вчера так не напивался и был способен говорить, а сейчас, трясущейся рукой дотягиваясь до вожденной кружки, иностранец, пуская длинную слюну, мычал что-то невнятное.

– Я не хочу забирать у вас последние деньги, Теодор, – изображая на лице жалость, Пес отодвинул монету назад хлюпику. – Они наверняка вам нужнее. Я не могу...

– А что же ты хочешь, прусское отродье? – От неожиданности Гектор оцепенел, когда что-то холодное и очень острое уперлось ему в пах. – Не дергайся, иначе хозяйство вмиг окажется на полу. Кто ты такой и кто тебя подослал?

– Я-я-я никто, бродячий торговец из Мемеля¹¹. – Гектор едва поверил своим глазам, когда увидел перед собой абсолютно трезвого человека. – Зовут Генрихом. Здесь оказался случайно. Решил немного подзаработать.

– И чем же ты торгуешь, Генрих, лживый негодяй? Я всегда знаю, когда люди мне врут. И обычно – это последний раз, когда они врут в своей жизни. Но тебе я дам еще один шанс, – лезвие уперлось еще сильнее в тело Пса, – кто ты такой?

– Хорошо, Теодор, убери свой нож. Я скажу правду. Меня действительно зовут Генрих, только я не торговец, а игрок. У меня есть друг – Рыжий Томас. Он сегодня рассказал мне о том, как обыграл тебя намеренно вчистую. Я тоже захотел попытать счастья в надежде, что ты опять появишься здесь.

– Что еще тебе рассказал этот рыжий болтун?

¹¹ Мемель – ныне город Клайпеда, Литва.

Кинжал до сих пор находился под столом в непосредственной близости от причиндалов Гектора.

– Что тебя зовут Джанлука. Больше ничего, – на этот раз Пес не обманывал ставшего неожиданно опасным противника, поскольку на самом деле больше ничего не знал, ведь избитый Рыжий не стал вдаваться в подробности своей встречи с монахом.

– Вчера я, и правда, немного надрался. Перед этим, правда, в монастыре мы попробовали немного вермута. Ладно, Генрих, я верю тебе. А теперь верни мое серебро, а заодно и свое тоже, грязный мошенник, и пошел вон отсюда, пока я не выпустил твои несчастные кишки.

Хилый с виду Джанлука-Теодор ловким пинком выбил стул из-под Гектора, заставив того с грохотом рухнуть на давно не мытый пол под дружный гогот всех посетителей «Кобылы». Перед выходом Пес сыпанул несколько монет, из тех, что утаил от обидчика, хозяину заведения за пиво и поспешил ретироваться, чтобы не привлекать ненужного ему внимания.

Свое первое поручение он с треском провалил. Перед глазами мгновенно встали две книги, а следом за ними черти и адские котлы с грешниками. Воображение продолжало рисовать ужасающие картины дьявольских изуверств до тех пор, пока Гектор не вспомнил основное слово, произнесенное тщедушным человеком: «монастырь». Рыжий сказал, что Джанлука монах, а тот утверждал, что пил вино в каком-то монастыре. Какой это может быть монастырь? Зачем Бэзилу какие-то монахи? Чертовщина какая-то.

Гектор отошел за угол трактира и присел на корточки, чтобы попытаться сложить воедино догадки и факты. Из какой общины Джанлука? Кармелит или францисканец? Только почему итальянец, это редкость в здешних краях. Что-то тут нечисто.

– Эй, милейший, эта блоха еще там? – грубый голос заставил Пса вернуться в реальность, и он поднял глаза. Перед ним стоял их недавний партнер по игре – великан Эрих.

– А, это ты. Да, он там, ободрал меня как липку. Я еще, когда ты был с нами, заметил, что он жульничал, но не хотел об этом говорить. Не был уверен. А сейчас сомнений нет.

– Мне тоже так показалось. Не мог же я так по-дурацки проиграть. Знаешь, что я тебе скажу? – Эрих обхватил голову Гектора своими руками, будто яблоко, и приблизился к его уху: – Когда он выйдет, мы затащим этого пройдоху в подворотню, и я отделаю его так, что родная мать не узнает. Такое не прощается. Серебро делим поровну, согласен?

На секунду Пес задумался, рассматривая всевозможные варианты развития событий. На миг им овладела жажда наживы, но, опять вспомнив про книги, он выбросил эту мысль из головы. Можно отказаться и спрятаться, а когда здоровяк надает дохлецу по роже и довольный смоется с деньгами, подойти к монаху, якобы с целью помочь. Можно силой заставить рассказать правду, пригрозив убийством. Можно просто отправить наглеца на тот свет и сказать Бэзилу, что это все Эрих, а он ничего не успел. Так ничего толком не придумав и решив действовать по принципу «будь что будет», Пес предложил верзиле немного обождать, пока монах выйдет. В противном случае зайти в «Кобылу» и под каким-нибудь предлогом выманить его наружу.

Они прождали около получаса, но из питейного заведения выходил кто угодно, кроме нужного им человека. Тогда Пес, сообщив Эриху, что тот улизнул из кабачка не заплатив, предложил ему сходить внутрь и посмотреть, что там происходит. Через минуту верзила появился на улице с неутешительным ответом – Джанлуки внутри не было. Эрих проверил черный ход, он был заперт на засов снаружи. Значит, доходяга мог уйти только через номера и дальше на крышу.

Но зачем ему это надо? Почему монах не вышел как все нормальные люди через дверь, неужели он мог что-то заподозрить? Все становится весьма опасной авантюрой. Прав был дух, что дело обычной увеселительной прогулкой в пивную не обойдется. На пару с Эрихом

было принято решение обойти «Кобылу» вокруг с двух сторон, осмотреться и встретиться у запасного выхода.

Факелов у них не имелось, приходилось идти почти наощупь. Вдруг до Пса откуда-то сверху донесся звук трескающейся доски, а затем тихое проклятье. Этот акцент невозможно спутать ни с чем. Прусс мгновенно прижался к стене, вспомнив про кинжал монаха, — сам-то он был безоружный, а ведь хотел взять из дома Бальтазара какой-нибудь нож, но в последний момент передумал.

Глаза уже немного привыкли к темноте, и очертания бочек и ящиков стали видны отчетливее. Темный силуэт спрыгнувшего на тележку с сеном монаха показался впереди. Не отставая от Теодора, Пес шел за ним шаг в шаг, стараясь как можно тише огибать ведра, колеса и оглобли, беспорядочно расставленные у стены трактира.

Дойдя до угла, Гектор осторожно высунул голову. Видимость здесь из-за отсутствия какого-либо света не превышала длины вытянутой руки. Эрих не мог слышать передвижения монаха и наверняка ждал прусса в условленном месте — у запасного выхода из «Рябой кобылы». Пес, все так же прижимаясь к стене, обогнул здание и направился навстречу детине. Неожиданно он заметил, что звуки стихли.

Скорее всего, Джанлука свернул в какой-нибудь проулок, чтобы бесшумно скрыться в темноте. Соблюдая меры предосторожности, прусс пробрался к черному ходу и позвал Эриха. Ответа не последовало. Тогда он на всякий случай решил пройти еще немного дальше. На втором шаге Пес споткнулся обо что-то громоздкое.

В сердцах он пнул препятствие и с удивлением обнаружил, что этот предмет оказался мягким, как набитая тряпками кукла. Гектор наклонился, чтобы отодвинуть преграду. Сначала он нащупал какие-то засаленные портки и не понял, зачем кому-то складывать здесь пугала. По мере того как его руки продвигались выше и наконец наткнулись на жесткую щетину, Псом овладело очень скверное предчувствие.

Для полной уверенности он подвинул руку в сторону и нащупал самые настоящие пальцы, на которых были надеты кольца. Сомнений не было: перед ним лежало человеческое тело. Он поднес ладонь к носу человека, чтобы убедиться, дышит ли тот, но от волнения не смог почувствовать дыхание у бедняги.

Судя по густой растительности и многочисленным кольцам, это был Эрих. Гектор принялся хлопать здоровяка по щекам, но безрезультатно. Опустившись рядом с ним, Пес на миг задумался, как поступить дальше, но вдруг Эрих начал вздрагивать и как-то странно захрипел. Мгновенно ухо Пса оказалось у губ захлебывающегося великана.

Булькающие звуки постепенно начали стихать, и в последний момент на щеку Гектора попало что-то вязкое и липкое. Пес провел пальцами по густой жиже и, ожидая самое худшее, поднес руку к горлу Эриха. Ошибиться было невозможно — вся шея и земля вокруг его головы были залиты кровью. В ужасе Гектор отпрянул от тела и пополз назад.

— Куда собрался? — Узнаваемый по акценту монах одной рукой схватил его за волосы, а другой приставил уже знакомый кинжал к горлу: — Так и знал, что нельзя тебе верить, прусская нечисть. Кто тебя подослал? Братья? Бюргеры? Кто?

— Стой, убери нож, я скажу, — голос Пса задрожал как у ребенка-проказника, пойманного отцом. — Это Бэзил, дух. Он меня направил по твоим следам. Бэзил, клянусь!

— Кто? — вопрос прозвучал с неподдельным удивлением. — Какой еще Бэзил? Какой дух? Что ты несешь? Последний раз спрашиваю — потом полосну, отвечай, уродец!

— Клянусь всеми святыми — это дух, он меня из тюрьмы вытащил и заставил найти какого-то Гзанду, — в этот момент Пес отчетливо почувствовал, как монах вздрогнул. — Я ничего не знаю, отпусти, умоляю.

– Откуда ты узнал про Гзанду, негодяй? Кто такой Бэзил? Как он о нас узнал? – Тонкой струйкой из-под ножа засочилась кровь. – Быстро отвечай, разбойник! Где мне найти этого Бэзила? Кто это? Или тебе Рыжий напел? Вот мерзавец, сегодня же зарежу!

– Да заткнитесь вы, пьянь, ночь на дворе! – кто-то из постояльцев не выдержал и распахнул ставни. – Дайте поспать, иначе скажу хозяину, чтобы спустил собак.

Воспользовавшись тем, что Джанлука от неожиданности ослабил хватку, Гектор отвел нож и перебросил монаха через плечо. Не дав негодяю опомниться, Пес что есть силы рванул руку, державшую нож, себе на колено. Тут же послышался треск костей и хруст разорванных суставов.

Затем Гектор мгновенно заткнул ладонью Джанлуке-Теодору рот, толкнул того на живот, нащупал на земле нож и по рукоятку загнал его монаху в бедро. Навалившись всем телом, Пес заставил раненого негодяя мычать тише. В довершение своего удачного приема он повернул нож в ногу злодея против часовой стрелки.

– Ну что, Теодор, или как там еще, теперь я задам тебе пару вопросов, – свободной рукой Пес двинул монаха по ребрам. – Как тебя зовут на самом деле и кто ты такой? Ответишь – я тебя отпущу.

– Я – Пес Божий, Господней милостью. Имя мне – брат Джанлука, – оказавшийся все-таки Джанлукой, убийца-монах с силой выдавливал из себя слова. – Я служу великой цели здесь, в Пруссии.

– Какой цели? Кто такой Гзанда и где мне его найти?

Из сбивчивого рассказа монаха Гектору удалось выяснить некоторые неизвестные ему подробности духовной жизни определенных лиц. Оказывается, согласно секретной булле антипапы¹² Климента XIII, изданной в декабре 1402 года, надлежало учредить специальную инквизиционную комиссию для действий «во имя Господа, святой церкви и процветания христианского королевства» на территории Пруссии.

Этот религиозный отщепенец, как и многие его предшественники, был крайне трусливым человеком и свято верил в то, что недобитые еретики и колдуны готовят вселенский заговор с целью его физического уничтожения. Другой целью, которую он преследовал, было досадить официальному папе римскому, под чьей властью находились земли Священной Германской Империи. Такой шаг замыслился, чтобы расшатать спокойную обстановку в Пруссии, где более-менее терпимо относились к инакомыслию.

Отряд насчитывал шесть человек, и руководил ими Гзанда Зоркий, сицилийский монах-доминиканец, отправивший на костер по меньшей мере сто пятьдесят человек. Прославившись невиданной жестокостью и нетерпимостью к колдовской заразе, Гзанда, с точки зрения Авиньона, как нельзя лучше подходил на эту роль. И он не подвел своих покровителей.

Разворачивать святую деятельность Гзанда решил именно в Самбии¹³. В этой части государства у него существовали определенные связи с долей клира, лояльно расположенной к ложной кафедре Святого Апостола Петра. Благодаря негласной поддержке среди отдельных представителей местного духовенства, зародилась тайная сеть осведомителей. Местом ведения процессов служила какая-то церковь «у воды», куда под всяческими предложениями заманивали ничего не подозревающие жертвы.

¹² *Антипапа* – в результате Великой схизмы католическая церковь раскололась на два лагеря. Один папа продолжал оставаться в Риме, второй находился во французском Авиньоне. Они обвиняли друг друга в ложном наместничестве и пребывали в вечном противоборстве.

¹³ *Самбия* – также Земландия, область Пруссии, занимающая Земландский полуостров и ограниченная на западе рекой Деймой.

– Где находится этот монастырь? Как туда попасть? Гзанда живет там или где-то еще? – терпения у Пса было предостаточно, но он не был уверен, что Джанлука сможет долго находиться в сознании от сильной боли и потери крови. – Говори, и я тебя отпускаю.

– Гореть тебе в аду, мерзкий червь, больше я не скажу ни слова!

Приходилось напрягать слух, чтобы понять, о чем говорит монах.

– Ладно, и на том спасибо. Жить, наверное, будешь, только придется тебе похромать немного, брат Джанлука. Сам виноват, я по-хорошему просил, – Гектор отпустил тайного брата и уже хотел было исчезнуть во тьме.

– Я все равно найду тебя, собачий сын. Из-под земли достану... – С непонятно откуда взявшимися силами, как будто ему помогал сам дьявол, Джанлука предпринял попытку подняться, его голос звучал злобно и твердо: – Горы сверну, но найду, пройду все моря, вытащу тебя из самой преисподней. Шкуру с тебя спущу, выпущу кишки и переломая кости. Я сварю из тебя бульон и отдам свинье. Ты – мертвец, прусс.

Решение возникло мгновенно. Меньше всего Гектор хотел сейчас слышать угрозы от убийцы-монаха – эта ночка и так выдалась невероятно тяжелой. Утерев ладонью пот со лба и преодолевая отвращение, Пес придавил коленом спину Джанлуки к земле, дернул его голову за подбородок и чиркнул кинжалом по шее.

– Это тебе за Эриха, брат Джанлука. Да возьмет Сатана твою черную душу.

Наемники

На всякий случай, прежде чем вернуться к Бальтазару, Гектор попетлял в темноте по улочкам и в свой новый дом добрался без каких-либо происшествий. Было уже далеко за полночь, и Бальтазар, провернувший на ярмарке несколько удачных сделок, сладко спал, лишь оглушительный храп здоровяка нарушал ночную тишину, царившую в его захаймских чертогах.

Весь остальной люд – постояльцы и обслуга – тоже мирно почивали. Пес тихой поступью проследовал в свою комнату, заменил масло в лампаде и, охваченный тяжкими раздумьями, сел за старый, потертый дубовый стол. Он не жалел убитого им мерзавца, поскольку тот, по его мнению, ничего другого не заслуживал. К тому же, останься Джанлука в живых, неизвестно, чем это могло обернуться: недостигнутой целью или собственной гибелью, что было равнозначно.

Однако с потерей этой единственной ниточки в мир Гзанды надежда изловить душегуба изрядно таяла. Как теперь его найти?

К кому обращаться? Где этот монастырь? Правда, существовала одна зацепка – перед смертью монах обмолвился, что эта ужасная церковь находится где-то неподалеку от моря. Значит, все жуткие убийства колдунов и ведьм происходили как раз там. Может, он имел в виду не море, а залив? Или озера вдоль Прегеля¹⁴, парочку из которых в самую пору окрестить морями. Да только разве есть там какие монастыри, черт их дери...

– Ну что, Пес, призадумался? – знакомый голос заставил прусса встрепенуться. – Забил монаха, как свинью. И что же ты дальше делать собираешься? Без единой капли жалости по горлу полоснул...

– А чего его жалеть? Он человека хорошего на тот свет отправил, и неизвестно еще, сколько людей они там сгноили в убежище своем дьявольском. – Гектор встал, размял конечности и выглянул в окно: – Туда ему и дорога, пускай его там судят.

– Так и тебя там судить будут за душегубство, не боишься?

– Да пусть, а я скажу, что это ты меня на убийство толкнул, и тогда судить будут тебя, мой дорогой Бэзил. Как тебе такой поворот событий, а?

– Меня, друг сердечный, уже давно осудили. Поэтому я и здесь. Ну да ладно, как дальше действовать собираешься? Я тебе вот что могу сказать – церковь эта здесь недалеко, пешком дойти можно. Джанлука лошадь проиграл и с тех пор пешком ходит... то есть ходил. Будь церковь далеко, стал бы он почти каждый день здесь появляться?

– А братья его не могли ему лошадь дать, что ли? – цокая и подражая акценту убитого монаха, Пес изобразил, как тот, согнутый в три погибели, скачет на лошади. – Они же заодно, как я понял.

– Не смейся, как только они узнали, зачем он в город ездит, сами его чуть не закопали. Ты за них работу выполнил, выходит, они должники твои. Не забудь им напомнить потом про должок.

– А что я вообще там делать должен? Ну, найду я этого Гзанду, а дальше? Что мне с ним делать? Убить его или заставить раскаться? Так ведь их там шесть человек, вернее, пять уже. Как ты себе это представляешь? Хотя, выбора у меня, видимо, нет, так ведь?

– Совершенно верно, Гектор. Ни малейшего выбора у тебя нет. Зато у тебя есть я. – Пес уловил нотки гордости в голосе духа. – И я помогаю тебе, хотя не обязан. Нравишься ты мне все-таки. Правда, засомневался я там, в подворотне, но, признай, когда он за башку тебя

¹⁴ Прегель – ныне Преголя, река, протекающая через Кёнигсберг и впадающая в Вислинский залив.

схватил и нож к горлу приставил, ты ведь чуть не обделался со страху? Про меня вспомнил, смельчак этакий.

– Да я его отвлекал просто, – стараясь не выдавать волнение, Гектор вызывающе сплюнул в открытое окно, – с толку хотел сбить. Видишь, получилось. Сам ты струсил, а я не трус.

– Если б постоялец из окна не крикнул, валялся бы ты сейчас рядом с Эрихом, аккурат по той же причине. Тоже мне герой, но ты все правильно сделал. Правда, это только начало. И если суждено тебе выжить, то многое увидишь и поймешь. А если будешь и дальше меня слушать, тогда точно еще поживешь, мой любезный друг.

При этих словах Бэзила Гектор, как никогда раньше, почувствовал всю силу пронизательного невидимки и невольно поежился от осознания того, что его охраняет некто очень могущественный, да еще к тому же принадлежащий к неизведанным мирам.

Жаркое полуденное солнце застало Пса еще в постели. Нехотя он стащил с себя медвежью шкуру, служившую ему одеялом, и пошел вниз на кухню умываться. Бальтазара уже не было, лишь мальчишки, служившие подавальщиками, проворно бегали из кухни в обеденный зал и обратно, таская овощные похлебки и куриные ножки на столы зевающим вчерашним гулякам. Слуги не обращали на странного господина ни малейшего внимания, поскольку Прустовский сказал им, что к нему с визитом прибыл дальний родственник.

Не решившись выходить в общую столовую, Гектор наскоро перекусил вареными яйцами и молоком прямо на кухне. Затем он измазал руки и лицо печной золой, чтобы больше походить на кузнечного подмастерья, напялил на себя грубую тиковую накидку с капюшоном и стремительно вышел во двор, где беспорядочно бегали куры, а за ними важно вышагивал огненно-рыжий петух. Собака Бальтазара приветливо помахала старому знакомому хвостом, и Пес не удержался от того, чтобы погладить престарелую дворнягу, которую он помнил еще щенком.

Конкретного плана действий беглый прусс не имел, но каким будет его первый шаг, он знал наверняка. Его путь пролегал в лёбенихтскую кирху Святой Барбары, где служил Господу один его старый знакомый. Гектор Бронте и Михаэль Шваббе дружили с самого детства. Оба мальчишки получали образование в одной семинарии в Магдебурге, только особого выбора у Михаэля не было – его родители, обычные горожане, которым повезло получить по наследству право на пивоварение, несколько лет копили деньги, чтобы отдать сына на обучение священникам. А дядя Гектора отдал его в школу только для того, чтобы племянника научили читать, писать и понимать по-латыни.

Молодые люди вернулись на родину уже не разлей вода, правда, постепенно их пути разошлись, поскольку Пса больше привлекал купеческий образ жизни, а Бога по совету дядюшки он отверг еще в отрочестве, хотя держал это в секрете. Однако Михаэль об этом, конечно, знал, что только больше увеличивало пропасть между друзьями. Как ни старался Шваббе приобщить друга к Священному Писанию, все его усилия оказывались тщетными.

Вскоре товарищи рассорились окончательно и почти перестали видеться. Встречались они лишь несколько раз в году, когда дядька, для поддержания образа примерного горожанина, ходил по праздникам в церковь и таскал племянника с собой. По воскресеньям же их там видели редко, ибо дядюшка, ссылаясь на занятость, предпочитал отделяться штрафом за непосещение службы.

Сблизились Гектор и Михаэль снова, когда первый, разбазарив все семейное добро, попался за драку. Священник как мог заступался за друга перед орденом. Каждый раз в трудную минуту прусса поддерживал клирик кирхи Святой Барбары. Он регулярно просил пожалеть и простить вечно пьяного гуляку. Мольбы и просьбы Михаэля находили у рыцарей отклик, и долгое время Гектору все выходки сходили с рук. Самым большим, на что осуждали Пса, было публичное порицание и несколько ударов плетью.

Терпение братьев лопнуло, когда давно опорочивший свою честь дворянин уколошил одного из них. Но священнослужитель не сдался даже в такой немислимо трудной ситуации – он лично добился аудиенции у маршала¹⁵ ордена и просил не казнить оступившегося прусса. В ответ прозвучало, что «этот кознодей не оценил по достоинству оказанную ему ранее без того сверх всякой меры милость и наплевал на закон, хотя за нелады с оным был предупрежден и наказан не единожды». Тогда Михаэль написал прошение самому гохмейстеру в Мариенбург, но письмо дойти так и не успело.

Так что Шваббе был уже бессиле, и в ночь перед побегом отпустил другу все грехи, не спрашивая у того разрешения. И до самого утра, не смыкая глаз, священник молился за спасение души Гектора, а когда услышал, что тот сбежал, едва не подпрыгнул на месте от радости. Михаэлю было неважно, как совершил побег его давний товарищ. Он сердечно благодарил Господа за еще один шанс, подаренный нерадивому другу.

Священник искренне полагал, что беглый прусс должен был быть очень далеко... Поэтому он не на шутку удивился, когда у алтаря его окликнул снова ставший родным за последние две недели низкий голос. На этот раз Шваббе все-таки не удалось сдержать эмоции, и он бросился обнимать друга.

– Гектор, грешный сын Божий, ты здесь? – священник крепко схватил Пса за плечи.

– Тише, тише, брат Михаэль, не кричи, – Гектор тоже обнял товарища. – Кто-нибудь может услышать. Мне сейчас лишнее внимание ни к чему.

– Наша скромная духовная обитель сейчас пуста – все добрые прихожане на ярмарке. Почему ты до сих пор не оставил город, ведь тебя же в любой момент могут схватить? Что заставило моего безрассудного друга здесь появиться?

– Я пришел к тебе по делу, мне сейчас пока нельзя бежать. Правда все ушли? А где твой викарий? Поди, монашек опять по углам тискает, старый кобель.

– Твой острый язык, как всегда, не знает пощады, Гектор, – теплая улыбка Михаэля немного подбодрила Пса. – Иоганн сейчас в отлучке – он отбыл обучать детишек в Георгенбург. Но как тебе удалось избежать...

– Хвала Господу, – кривая ухмылка напoлзла на лицо прусса, – он один обо мне и заботится. Ладно, у меня немного времени. Скажи, что ты знаешь о человеке по имени Гзанда?

– Гзанда? Какое необычное имя. Если бы мне довелось его ранее слышать, обязательно бы запомнил. Однако, кто этот славный муж? Священнослужитель?

– Хм, в некотором роде. – Гектор приблизился к уху Михаэля: – Это инквизитор. Он и его шайка действуют где-то здесь, в Самбии.

– Кто? Инквизитор? Здесь? Вздor, Гектор. Это невозможно, – в растерянности Шваббе отстранился от Гектора. – Откуда у тебя такие сведения? Это полнейшая несуразица. В Самбии определенно нет никакой инквизиции. Вероятно, ближе к Германским землям, в Бранденбурге, да и то...

– Замолчи и послушай меня, брат Михаэль.

Пес как на духу выложил другу всю вчерашнюю историю, поведенную ему Джанлукой. Рассказал прусс также и про Бэзила, на что священник удрученно покачал головой. По его мнению, Пса рано или поздно все равно ожидало заточение из-за его разгульного образа жизни. Создатель решил, что злодеяниям непутевого дворянина пора положить конец. Людей ангелы не посещают, скорее всего, разум узника помутился из-за долгого пребывания в тюрьме.

Спорить с другом Пес не стал, но попросил того вспомнить, не происходило, часом, каких-нибудь необычных событий в округе. Ненадолго задумавшись, Михаэль припомнил,

¹⁵ *Маршал* – второе лицо ордена после магистра в том, что касалось битв и сражений. Отвечал за военные операции рыцарей.

что одна женщина как-то обмолвилась, что у ее знакомой в Шрефтлакене около месяца назад пропали две дочери. Да и сам Шваббе бывал в том приходе несколько раз по долгу службы и недавно заметил там на проповеди странного человека, которого раньше никогда не видел. Человек этот имел неприметную внешность, но в поведении его было нечто особенное.

Под конец вечерней мессы этот мужчина опустился на колени перед распятием и, сложив ладони вместе, стал читать молитвы. Но что больше всего запомнилось Михаэлю, так это его акцент, похожий на итальянский. Его нельзя было спутать ни с каким другим: на своем веку молодому священнику доводилось встречать народ со всего света – от ирландского Ульстера до Трапезундской империи¹⁶.

Пока что все совпадало. Теперь следовало отправиться в Шрефтлакен, расспросить крестьян о том человеке и найти наконец, если повезет, логово Гзанды. Как же все-таки полезно иметь друзей в церкви, отметил про себя прусс. В очередной раз его выручил священник, посвятивший жизнь тому Богу, существование которого Пес под влиянием дяди отверг много лет назад.

– Спасибо тебе, мой добрый друг Михаэль, – Гектор еще раз обнял товарища напоследок. – Мне надо идти туда. Уж не знаю, кто там меня посетил – ангел или черт, или мне показалось, но будь уверен, моя рука не дрогнет. Я разорю бесовское осиное гнездо и каленым железом выжгу позорное клеймо на их рожах!

– Храни тебя Господь, как можно заносить меч возмездия, Гектор? – Округлив глаза, Михаэль взял Пса под локоть: – Ни в коем разе нельзя самолично прибегать к насилию! Надлежит учредить особую комиссию, правомочную определить степень обширности действий инквизиции на нашей земле. Столь тонкие вопросы должно решать лишь с позволения Епископата, а быть может, самого Понтифика...

– Брось ты свои проповеднические штучки. Как только я найду этого Гзанду, я сразу же исчезну отсюда куда подальше. Но с тобой попрощаться обязательно зайду, брат Михаэль. Я рад, что ты у меня есть. Удачи тебе и добрых прихожан.

– С Богом, Гектор. Я всенепременно буду за тебя молиться! В добрый путь, друг. – Клириком овладело нехорошее предчувствие, когда Пес скрылся за массивными дверями Барбаракирхе.

Теперь у Гектора появилась существенная зацепка относительно расположения логова черного инквизитора Гзанды. Однако идти туда в одиночку было бы делом крайне безрассудным и чреватым тяжкими последствиями. Все-таки там оставалось пять готовых на самые решительные действия людей, встреча с одним из которых едва не стоила ему жизни. Прежде чем отправиться в это опасное путешествие, следовало заручиться силовой поддержкой одного давнего знакомого.

Швед Магнус, с незапамятных времен проживавший в Кёнигсберге, владел рекрутской конторой. Этот пузатый, с густой темной бородой с заплетенными косичками по краям, лежавшей у него на груди, коренастый, что не обхватить, викинг служил посредником между купцами, а иногда и рыцарями и наемниками. В распоряжении Магнуса постоянно имелось до сотни расквартированных солдат – шведов и датчан, но при заблаговременной просьбе он пригнал бы еще две сотни.

Основательно подготовленные воины со своими лошадьми с берегов Северного моря за звонкую монету готовы были пойти на службу хоть к Богу, хоть к черту. К их услугам постоянно прибегали торговцы, нуждающиеся в охране своих обозов, и зачастую даже орден не гнушался их поддержкой во время оборонительных и наступательных действий в польские и литовские земли.

¹⁶ Трапезундская империя – территория современной Турции.

Свои деньги бородачи отрабатывали сполна и секлись на топорах до тех пор, пока враг не сложит свою буйную голову или же пока их самих не изрубят в капусту. Магнуса Гектор знал с самого малолетства, поскольку у его дяди со шведом были заключены договоры на охрану имущества, которое покупалось или продавалось в чужеземье. Сам прирожденный воин, Магнус доброжелательно относился к пруссу и не всегда брал с него деньги наперед. Именно на это и рассчитывал Гектор.

Рекрутский дом Магнуса Густавссона находился в самом центре Альтштадта, на северной стороне рыночной площади, и занимал отдельное двухэтажное здание. Над входом имела вывеска с изображением двух перекрещенных топоров на фоне круглого викингского щита. Верх композиции украшала горизонтальная жестяная ленточка со словами «Мы рождены, чтобы воевать», а чуть пониже более мелким шрифтом было дописано: «но не бесплатно».

У двери, по обоим сторонам, стояли два корыта с водой для лошадей, однако сами лошади, как и вся остальная крупная живность, находились за городскими воротами в целях гигиены. Вода была нужна, когда раненого всадника из похода привозили верхом и затем помещали в лазарет, а лошадка после долгой дороги имела возможность утолить жажду.

Внешнее и внутреннее убранство конторы выполнили в неповторимом нордическом стиле. Во-первых, само здание, изначально построенное как фахверковая¹⁷ конструкция, после переделки приобрело совершенно другой вид. Первый этаж оставили, но скосили углы, чтобы предать дому округлую форму. А на втором поставили еще один цилиндр, диаметром поменьше, где размещались жилые помещения, и сверху прилепили совсем маленький цилиндрик с флюгером, сугубо в декоративных целях. Таким образом, здание стало выглядеть как настоящая миниатюрная цитадель скандинавских народов.

На первом этаже находился кабинет Магнуса, столовая и кухня для его солдат.

И если столовая ничего необычного собой не представляла – обычный зал с длинными столами и скамейками, то кабинет хозяина внушал уважение. Основным атрибутом прусского пристанища шведа являлась шкура белого медведя, расстеленная мордой ко входу. Правда, изрядно потоптанная сапогами посетителей, она утратила свой первоначальный цвет, но все равно навряд ли кто-то в округе мог бы похвастаться чем-то подобным.

Стены же были сплошь увешаны заморскими трофеями: здесь находились персидские ковры и янычарские ятаганы, арагонские литавры и армянские доспехи. Полки ломились от всевозможных баночек-скляночек с разноцветными жидкостями – результатов опытов итальянских алхимиков. Диковинные кельтские балахоны с замысловатыми рунами, надетые на деревянные манекены, притягивали восхищенные взгляды визитеров.

Но самым ценным экспонатом в кабинете капитана наемников, конечно же, считалась развернутая грамота датской королевы Маргариты¹⁸ с похвалой за добрую службу, которую Магнус заключил в рамку и выставил всем напоказ по соседству с распятием у себя на столе. Еще одним восхитительным украшением в этой пестрой и удивительно привлекательной комнате была золоченая клетка с огромным красно-зеленым попугаем, добытым, судя по слухам, где-то в Индостане или даже в Африке.

– А не маловато ли пятьдесят человек? В Богемию, герцог? – Магнус поглаживал свою роскошную шелковистую бороду. – Побьют вас чехи почем зря.

– Изобьют, как воры забулдыгу, ар-ар. – Попугай, судя по натяжному крику, не собирався оставаться в стороне.

¹⁷ *Фахверк* – вид постройки зданий, при котором в качестве несущей базы используются деревянные балки, размещенные под разным углом.

¹⁸ *Королева Маргарита* – правила странами Кальмарской унии, куда помимо Дании входили также Швеция и Норвегия.

– Так у меня за воротами еще две сотни дожидаются. – Невысокий мужчина с тоненькими усиками, в узорчатом камзоле из броката и бархатном берете, с золотыми шпорами на щегольских сапогах надевал перчатки. – Сейчас южнее пойдем – там доберем. А ваших мне очень рекомендовали соседи, отличные боевые отзывы.

– Ну как скажете, полсотни так полсотни. Туда и обратно вам месяц пути. Тридцать суток, пятьдесят человек, столько же коней, броня и оружие – итого двести пятьдесят прусских марок¹⁹, устраивает?

– Вполне. Ульрих, пусть тащат серебро. – Герцог махнул сутулому пареньку, робко переминающемуся с ноги на ногу у входа. – Вот, Магнус. Надеюсь, ваши люди меня не подведут.

– Ну что вы, герцог. Десять моих сорок ваших превратят в требуху, будьте уверены – лучше отряда вам не найти! – Массивный стол вздрогнул от удара тяжелыми кулаками. – Будете возражать, разделают прямо здесь. Ха-ха, шутка!

Перед входом к Магнусу Пес ненадолго остановился, чтобы выпустить приезжего герцога и собраться с духом. Среди огромного количества кредиторов его дядюшки швед стоял в первой пятерке. Только сейчас Гектор вдруг осознал, в каком он тяжком положении. Несмотря на то что дядя умер, долги его продолжают жить, и по счетам придется платить ему, племяннику, как единственному наследнику.

И никого не интересует, что все его наследство – это куча обязательств и долговых расписок покойного родственника. Притом Магнус был еще не самым отъявленным скупердьяем из внушительного списка людей, которым придется платить. Как с ними разбираться, Гектор не имел ни малейшего понятия, но в том, что делать это придется, он ни капли не сомневался. Свести счета с Гзандой и скорее убежать в другие земли – иного выхода прусс пока не видел.

– Приветствую тебя, мой добрый друг Магнус, – Пес исподлобья глянул на шведа, не зная чего от него ожидать.

– Гектор! Давненько мы не встречались, приятель! – протянутая волосатая ручища немного ободрила слегка трясущегося прусса. – Какими судьбами? Надеюсь, ты с добрыми вестями? Я уж думал, плакали мои денежки, тебя же вздернуть должны были на днях. Ну, думаю, как дядька, так и племяш следом утянул в могилу мои кровные. Неужели помиловали?

– Дурачок в петле, пиши пропало! – пернатый горлопан вскинул крылья.

– Бежал, – с глубоким вздохом, стараясь не смотреть Магнусу в глаза, Гектор опустился на красивый резной стул, доставленный сюда из самого Иерусалима. – Поиски, кажется, не ведутся – думают, что нет меня здесь давно. Дело есть. Сколько тебе мой дядька был должен? Пятнадцать марок? Двадцать?

– Ты что, смеешься? Только за прошлый год сорок. И в начале этого он в Норвегию за сельдью ходил, пока не... Да, значит, так, хм, пятьдесят пять – по старой дружбе я не драл с него по три шкуры. Ровно пятьдесят пять марок этот старый пройдоха мне задолжал, – пальцы шведа барабанили по столу, что служило не самым добрым знаком. – Дядька исчез, но долги остались. Ты понимаешь, что это значит, дружище?

– Вполне. Ясно как белый день. Но и ты меня пойми, Магнус, – я же почти голый из темницы бежал, у меня ничего нету, – Пес оттянул края рубахи кончиками пальцев. – Отсиживаюсь у Бальтазара на его харчах. Дела делать открыто не могу, поймают – и тогда точно денежки твои плакали. Из Пруссии мне надо бежать, но повторяю – я пришел к тебе по делу.

– Я тебя, конечно, послушаю, Бронте, но имей в виду: если ты со мной не рассчитаешься, найду, из-под земли достану. – Уже второй раз за последние сутки Гектор слышал

¹⁹ Прусская марка – денежная мера, равная 216 граммам серебра.

подобные угрозы. – А если убьют, воскрешу с помощью моих чудесных зелий, нарублю в полоски и скормлю свиньям. Потом зимой слеплю из их навоза твою фигуру, залью водой и разнесу ее из пушки. Говори.

– Только не вздумай нам лгать, глупый оборванец! – С крутым нравом попугая кто только не боролся, но поделаться ничего не смог.

– У меня есть достоверные сведения, что здесь недалеко орудует новая банда. Обитают они в одной церкви, прикидываясь святошами. Наводят страх на всю округу; в подвале сундуки набиты золотом и серебром. Их пять человек, особо опасные разбойники.

– Хорошо, от меня ты чего хочешь? Людей, что ли? А если нет там ни брактеата²⁰? Как рассчитаешься? – С облегчением Пес заметил, что предложение зацепило шведа. – Хорошо. Будь ты неладен, последний раз иду навстречу вашему семейству. Что от дядюшки, что от тебя так и несет враньем за милую. Сейчас ты пойдешь на ярмарку, Бронте, найдешь мой лоток – там два парня стоят, Гуннар и Тронд. Скажешь им, что я их с тобой отпускаю. Берете лошадей и мешки, скачете туда. Если там есть золото, набираете, сколько войдет. Потом с телегой еще раз съездите. Но если там ничего нет...

– Все там есть! Спасибо, Магнус, еще до вечера обернемся, – Гектор был уже в дверях. – Как их зовут? По-человечески, что ли, не можете детей называть?

– Ты лучше пошевеливайся! Самого-то как зовут! К вечеру жду с обещанным.

Пробираясь между повозками с овощами и фруктами, клетками с курами и кроликами, лавками с оружием и доспехами, лотками с целебными снадобьями и мазями, Пес вспоминал, как они с дядькой каждый год занимали здесь свое, отведенное муниципалитетом место. Их обширный участок исправно снабжал горожан и заезжих купцов всевозможным скотом, лошадьми и домашней птицей. У них были свои постоянные покупатели, поскольку качество их продукции было известно далеко за пределами Самбии. Еще дед Пса добился возможности ставить знак качества клеймом в виде медвежьей лапы на бочках с провизией, за что приходилось доплачивать особый налог.

Работавшие на них торговцы круглый год колесили по соседним странам в поисках товаров, отпускаемых по низким ценам, и продавали их по всей Пруссии. В порту за ними была закреплена отдельная ластади²¹, где предприимчивая семья хранила бочки с рыбой и древесину, которую затем распределяли в соседние комтурства. Что и говорить, дела у Бронте тогда шли очень хорошо. Шли отлично, на зависть всем остальным прусским дворянским родам.

Гектору стало обидно до слез, которые он даже не старался скрывать, пока ходил по торговым рядам. Все эти запахи, лица и обстановка – все ему было знакомо, все это когда-то было неотъемлемой частью его жизни. Вот косоглазый торнский торговец, что ломит непомерные цены за своих овец, вот скрюченная трагхаймская старуха-гадалка, а вон чуть поодаль стоят Дармитас, литовский здоровяк-кузнец, и все такой же маленький, как и пять лет назад, Арвидас, его сын-подмастерье. Сердце прусса защемило от нахлынувших воспоминаний, слезы потекли ручьем, только сильнее размазывая золу по его небритым щекам, а руки задрожали как у мальчишки.

Так, весь разбитый и опустошенный, он просидел у загона с козами добрых полчаса, пока наконец не взял себя в руки. Будучи в данный момент на самом дне, Гектор понимал, что судьба подарила ему шанс на спасение и он будет полным дураком, если его не использует. Да, все сейчас из рук вон плохо: долги, побег из-под стражи, из близких почти никого нет, но это не значит, что надо сдаваться и добровольно идти на эшафот. Не для этого его

²⁰ *Брактеат* – самая мелкая серебряная монета весом 0,2 грамма.

²¹ *Ластади* – небольшой портовый комплекс, оборудованный складскими помещениями и противовесным подъемным складом.

вытащили из казематов, не для этого он убил подлого монаха, не затем он собирался отправиться в змеиное логово, правда, пока так и не понимая зачем.

Только в эту секунду, в первый раз в своей жизни Гектор Бронте четко понял, что у него появилась цель. Пусть пока размытая и невнятная, но она, по крайней мере, появилась. А ведь раньше ничего подобного он не ощущал. Он просто жил, помогал дяде, изучал торговое дело, считал деньги и узнавал им цену.

Когда дядя умер, Пес начал стремительно падать вниз: без малого за четыре месяца промотал все накопления, пил, гулял, играл, дрался, предавал и обманывал друзей и, наконец, в трактире в пьяной драке нечаянно убил этого чертова брата. Каждый человек хозяин своей собственной судьбы, и его поступки напрямую влияют на ее превратности. Гектор осознал, что все те последствия, которые ему довелось прочувствовать на своей шкуре, были ничем иным, как закономерной чередой его падений. Так вот зачем появился этот странно-ватый невидимка Бэзил – он хочет помочь ему достичь заданной цели!

– Доброго вам дня, господа, – воспрянувший духом Пес подошел к указанному Магнусом лотку. – Я с посланием от великого и могучего шведского воина.

– Он не понимает по-немецки, со мной говори, – широкоплечий молодой скандинав, высокого роста, с глубоким шрамом поперек безбородого лица грозным голосом привлек к себе внимание прусса.

Прямой противоположностью ему казался стоявший рядом такой же молодой, но приземистый и улыбчивый датчанин, весело разглядывающий проходящих мимо дам. Оба викинга были одеты одинаково: в суконные рубахи с глубоким вырезом, по щиколотку башмаки из козьей кожи, шерстяные чулки, облегающие льняные штаны, подвязанные у колен, и полотняные плащи, украшенные замысловатым шитьем из металлических нитей.

– Ну, с тобой так с тобой. Ты Гуннар или Тронд?

Искусственная улыбка, натянутая на лицо Гектора, не вызвала у викинга ни малейшей эмоции.

– Тронд.

– Очень хорошо, Тронд! Я безумно рад нашему знакомству, а это, должно быть, Гуннар, – Пес аккуратно указал пальцем на все так же щерящегося молодца, только теперь в сторону самого прусса. – Я вижу, у тебя хорошее настроение, бравый Гуннар.

– Он не понимает по-немецки, со мной говори, – казалось, что у Тронда двигались лишь губы, остальные мускулы на лице даже не шевелились.

– Ах да, я забыл, прости, уважаемый Тронд. Значит, дело обстоит так – Магнус приказал вам поехать со мной в Шрефтлакен, чтобы там расправиться с шайкой опасных преступников и забрать их накопленные разбоями и грабежами богатства. Вкратце обстоятельства таковы. Но если у вас здесь есть незаконченные дела...

Не успел Пес договорить, как Тронд уже бойко шагал к месту, где были привязаны их лошади, а Гуннар молниеносными движениями разбирал лоток и складывал флаг конторы Магнуса. Через пять минут все трое галопом скакали по направлению к местечку, названному Михаэлем. Пути туда было от силы часа полтора: сначала сквозь ельник вдоль ручья, потом по просеке и по тихому зеленому лугу.

Все время, пока тройца ехала в нужном направлении, Гектор не переставал удивляться скорости и выдержке северных воинов. Тронд за всю дорогу не проронил ни слова, а Гуннар так и продолжал с улыбкой озираться по сторонам, дивясь окружающим их пейзажам. Наконец из-за холма показались тонкие струйки серого дыма, означавшие, что нужное им селение находится уже совсем близко.

Спешившись у небольшой церквушки, Гектор зашел внутрь, а воины Магнуса остались у входа верхом на лошадях. Пока Пес отсутствовал, пару викингов со всех сторон облепила босоногая детвора, кривляясь и изображая дуэль меченосцев на тонких деревянных

прутиках. Родители шикали на своих чад, но те раззадоривались только больше и дошли до того, что стали палочками тыкать в конных воинов.

Гуннар подыгрывал ребятишкам и делал вид, что его ногу или руку проткнули и оттуда хлещет кровь, и, как раненый, прижимался к шее лошади. Тронд же, напротив, не проявлял к детям ни малейшего интереса, а лишь смотрел куда-то вдаль, сделав над глазами козырек из ладони.

Вдруг один мальчишка отошел подальше и с размаху запустил в Тронда свою палку, как копье. Несмотря на то что датчанин не мог этого видеть, поскольку повернулся к шутнику спиной, он немного наклонил голову в сторону, и копье прошло в трех пальцах от его головы. Никто не успел заметить, как палка, едва успевшая пролететь вперед, распалась на две половинки, упавшие аккуратно по обе стороны шеи его лошади. Удар можно было определить лишь по звуку меча, водворяемого обратно в ножны.

– Что здесь происходило, пока меня не было? – Гектор вышел как раз под изумленные возгласы толпы крестьян. – Служитель ничего не знает. Попробуем спросить у местных жителей.

– Что случилось, добрый господин? Потеряли что-то? – откуда-то из глубины толпы донесся слегка напуганный голос.

– Можно и так сказать. Слушайте, братцы, – ловко запрыгнув на коня, Пес стал неспешно разворачивать его по кругу, – до нас дошли слухи, что у вас стали пропадать люди. Мы прибыли из Кёнигсбергского комтурства²², чтобы провести должное расследование. Если кто-то что-нибудь знает, скажите.

По толпе прошел гулкий ропот, все пожимали плечами и смотрели друг на друга удивленными глазами. Казалось, что они впервые об этом слышат.

– Была здесь одна сумасшедшая, кричала, что у нее дочери пропали. Но ее сюда временно с епископства перевели, дочерей ейных мы в глаза никогда не видели. Так ее здесь нет уже с неделю, однажды ночью куда-то сама пропала. Как в воду канула.

– Стойте, я знаю, куда она ушла, – мужчина с залысинами и дружелюбной улыбкой смелым шагом вышел из толпы навстречу Гектору. – Она на голову слаба была, по ночам здесь бродила. На озеро ходила. Я ее там недавно видел, пойдемте покажу.

Лысый крестьянин оседлал своего тощего коняжку и, то и дело подхлестывая его тростинкой, повел Пса с сопровождающими к ольховому леску. Ребятишки еще некоторое время помельтешили под копытами коней северных всадников, но как только Гуннар бросил в их сторону какой-то черный блестящий камушек, тут же гурьбой ринулись на заморскую диковину.

Селяне махали троице вслед, желая всадникам счастливого пути и доброй погоды. И делали это совершенно не зря, ведь на горизонте сбивались в кучу огромные черные грозовые тучи, затягивая собой безбрежное синее небо. Крестьянин с блестящей потной лысиной вел их как раз по направлению к самому центру зарождающейся бури.

Однако Гектор совершенно не обращал на близкий шторм никакого внимания – он прикидывал, что их может ожидать в убежище Гзанды. Скорее всего, никакого золота там нет, откуда у монахов ему взяться, надо придумать, как извернуться перед викингами, а главное, их хозяином.

Наконец, четверо путников пересекли рощицу и выехали к небольшому песчаному кратеру, на дне которого скапливалась дождевая вода, образуя некое подобие искусственного озера. Тронд спешил первым, за ним спрыгнул Гуннар. Держа руки на клинках, скандинавы стали осторожно обходить кратер с двух сторон. Когда они исчезли из виду, Гектор

²² *Комтурство* – также командорство, территориальная административная единица ордена.

почувствовал себя одиноко. Он уже привык к двум молчаливым бойцам и считал их полными членами своей команды, так что, когда они скрылись, ему стало слегка не по себе.

Деревенщина, зажав травинку в зубах, спокойно сидел на лошадке и исподлбья наблюдал за прыгающими по песку звонко щебетавшими птичками. Вдруг птичек разогнал свист одного из викингов. Прусс и провожатый немедленно бросились за возвышенность навстречу звавшим.

Стоило им только обогнуть кратер, как лысый проводник завалился назад, заставив коня подняться на дыбы, и, в конце концов, слетел с животины. Но тут же моментально вскочил и, издавая утробные звуки, согнулся в три погибели, после чего на песок вывалился весь скудный крестьянский завтрак. Гектору все же удалось сдержать подобные позывы, но кишки все равно завязались узлом.

Взору прибывших открылась ужасная и отталкивающая картина. На земле лежало тело, судя по платью, принадлежавшее женщине, и все бы ничего, но у бедолаги напрочь отсутствовала голова. Лоскуты почерневшей кожи обрамляли зияющую рану, как лепестки дьявольского тюльпана, на которых то тут то там копошились мелкие кучки опарышей. Из шеи торчало несколько окровавленных позвонков, прилегающих к гортанной трубке.

– Труп пять дней, может неделя, – Тронд без тени брезгливости оглядывал окоченевшее тело.

– Когда ты ее видел? – недоверчивый взгляд Гектора уперся лысому прямо между кустистых бровей. – Она была жива?

– Конечно, иначе я бы в фогство²³ сообщил, – лысый низом рубахи утирал себе рот. – Когда? Как раз около недели назад. Я сюда за водой хожу, себе и Трудяге. Она тут вкуснее. Пришел один раз, когда она уже исчезла, смотрю – эта несчастная здесь сидит. Ну, пусть, думаю, сидит, раз нравится. Не стал ее трогать.

– Кому-нибудь в деревне говорил?

– А зачем? Ее слабоумной считали, она все время в слезах ходила, что-то про дочерей бормотала. Когда она пропала, все только вздохнули с облегчением, чего уж греха таить.

– Надо бы ее обыскать, может, найдем чего, – Пес неловко покосился на Тронда.

Викинг с нескрываемым презрением оглядел прусса и, что-то буркнув на своем языке, кивнул Гуннару. Тот со своей непревзойденной улыбкой лишь пожал плечами, опустился на колени и начал проворно шарить по карманам убитой. Спустя пару секунд на свет были извлечены несколько серебряных монет, грязный вонючий кусок какой-то тряпки и крохотный нательный крестик.

Очевидно, недовольный своим уловом, Гуннар перевернул труп и запустил руку покойнице под платье. Пока он, единственный знаток причин своего довольства, обшаривал труп со спины, улыбка так и не сползала с его лица. Вдруг на секунду улыбка сменилась недоуменным выражением, но как только он достал предмет из-под одежды женщины, она снова вернулась на свое постоянное место. В руках у Гуннара находилась небольшая деревянная трещотка, какие обычно носили прокаженные, на грубо отесанной, в занозах ручке.

– Что-то не похожа она на прокаженную, – смутные сомнения начали постепенно закрадываться в душу Гектора. – Здесь где-то рядом есть лепрозорий?

– Есть. При церкви Святого Георга. В Повундене, отсюда рукой подать. Идете на восток, пока не увидите в роще старый дуб, и от него на север всего ничего, – лысый проводник на песке палочкой рисовал простую карту, как пройти к очередному небольшому селению. – А я вам, наверное, больше не нужен. Так что удачи в пути, добрые господа. С Божьей помощью желаю вам изобличить и наказать преступников, да возьмет их Сатана!

²³ *Фогство* – область, подчиненная фогту. Фогт – местный управитель, в чьи обязанности входило исполнение судебных, административных и фискальных функций.

– Стой, пойдешь с нами, – безапелляционный тон Тронда заставил съездившегося проводника развернуть Трудягу в их сторону. – Не нравишься ты мне, лысый черт. Положить бы тебя с ней рядом, нечестивца. Ладно, пошли, показывай дорогу.

Гектор хлопнул себя по лбу – конечно, как же он не догадался раньше. Папа прислал инквизиторов, якобы, как братьев ордена Святого Лазаря для госпитализации и лечения прокаженных. Туда ни за что никто не сунется; днем они исправно несут службу в церкви, а ночью в помещении госпиталя чинят свои ужасные расправы.

Воистину лучше прикрытия не найти. Значит, дочерей этой женщины упекли в лепрозорий, а они как-то сумели ее об этом известить. Но монахи опередили мать, прежде чем та успела сообщить куда следует, и ее убрали в укромном месте. Но почему тогда она ничего не сказала лысому? Может, дожидалась вестника из деревни или у нее не было доказательств? А этот тип действительно вызывает подозрение, а возможно, он просто боится – не каждый же день видишь обезглавленные тела. Пес решил отпустить деревенщину, когда он их доведет до места. А пока за ним нужен глаз да глаз.

Повунден оказался совсем не селом, а небольшим городком, обнесенным стеной. Часовой из горожан на въезде поинтересовался касательно цели их приезда, на что Гектор потребовал немедленно пропустить их, так как они расследуют убийство женщины, совершенное неподалеку отсюда, и все следы ведут в их город. Это обеспечило им беспрепятственный проезд. Стражник, очевидно, опешил от такого известия и напрочь забыл спросить у посетителей доверительное письмо с комтурской печатью.

Отсутствие какой-либо цивилизации бросалось в глаза сразу же при въезде в город: невыносимая вонь от навоза, человеческих испражнений и мусора прошибла носы всей четверке. Помои валялись прямо под окнами жилищ, густые потоки нечистот текли по улицам. В некоторых местах положили корявые доски или огромные булыжники, служившие мостиками с одной стороны на другую. В тех местах, где, не утопая в дерьме, пройти было невозможно, люди ловко перебирались через вонючие ручьи на ходулях.

В отличие от Кёнигсберга домашний скот, весь облепленный огромными зелеными мухами, находился не за городом, а прямо под боком у хозяев. Сами же люди источали едкое зловоние, их одежда больше походила на грязные лохмотья, а кожа покрылась толстым слоем грязи. Волосы женщин и бороды мужчин слиплись колтунами, напоминая больше куски распущенной мокрой веревки, вывалянной в глине. Пес с содроганием представил, как живут бедняги в лепрозории, если обычные горожане выглядят словно дикари давно прошедших времен.

– Эй, варвар, а где тут у вас церковь? – Гектор, поморщившись, тронул носком сапога проходящего мимо косматого горожанина.

– Так это вам к кургану надо. – Единственный гнилой зуб в обветренном рту прохожего опять чуть не вызвал рвоту у лысого провожатого. – Старая церковь сгорела. Святые отцы построили новую за городом. Там же и госпиталь, чтоб нас не заразить!

– Тебе это не страшно, пугало. Какой курган? Как добраться?

– Прямо по жиже до других ворот, там вверх по горке, и тропинка выведет.

– Хотел еще спросить, – нос приходилось зажимать, чтобы не последовать примеру лысого, – у вас тут люди не пропадали? Сестры, например?

– Да мне почем знать, – поковырявшись в ноздре, прохожий вытер палец об лохмотину, очевидно, некогда служившей ему рубахой. – Я не пропадал, мои соседи тоже. Хотите, у отцов спросите.

Кривой, в грязных коростах палец с обломанным ногтем указал на небольшой, с закопченными стенами замок, принадлежащий Самбийской епархии, на противоположной стороне рыночной площади. Вокруг него вдогонку за тощими стриженными овцами неуклюже бегали с задранными выше колен рясами толстоногие монахи. Откуда-то со двора доносился

протяжный собачий вой, и, когда из коровы, стоявшей к нему задом, шлепнулась увесистая лепешка, всякое желание разговаривать со зрителями полузаброшенной крепости у Пса пропало напрочь.

Лысого решили отпустить со строгим наказом – никому ни о чем не рассказывать, пока проводится расследование. Тот, откланявшись, так резко погнал захудалую лошаденку по кличке Трудяга прочь из города, что брызги нечистот полетели из-под копыт во все стороны выше его роста. Единственным утешением для оставшейся троицы стал начавший накрапывать дождь, слегка сбивший вонищу. Тучи сгущались, и Тронд предложил переждать непогоду в церкви, представившись усталыми путниками, а заодно разведать там обстановку.

Сопоставив в уме факты, Гектор пришел к заключению, что старую церковь, скорее всего, сожгли сами инквизиторы, дабы иметь повод творить свои темные дела вдали от людских глаз. К тому же держать лепрозорий внутри города было невозможно. Все время, пока путешественники поднимались по узкой тропинке на курган, Пес испытывал неприятные ощущения внизу живота. Он очень волновался, поскольку развязка неотвратимо приближалась. Его подмывало рассказать правду викингам, но он понятия не имел, какова будет их реакция и как в их краях относятся к обманщикам.

Желание пришлось подавить и оставить признание на потом, если того все-таки потребуют обстоятельства. Вдруг все обойдется, как знать. Навстречу всадникам с вечерней службы по домам спешили чумазные горожане. Поскольку дождь усиливался, всем хотелось быстрее запастись водой и, наконец, помыться и постирать свои лохмотья. Когда встречный поток жителей стал мало-помалу иссякать, Пес обратил внимание на тяжелую поступь лошадей – становилось ясно, что они устали и им необходим отдых. Слава богу, уже почти доехали.

Церковь Святого Георга

Шпиль готической церкви первым возник из-за вершины кургана, а затем на фоне кучи серых облаков, изрезанных вспышками молний, показалось и само пристанище Гзанды. Кирха была типичной готической конструкции и сравнительно небольшой по размеру. Она представляла собой вытянутое в длину строение с высоким пятиугольным фасадом. Продолговатые, шедшие по всей длине стены окна с закругленными вершинами застеклили красно-синими витражами. Над главным входом крепилось массивное распятие. О наличии лазарета не свидетельствовала ни одна деталь.

Путники спешили и привязали лошадей к вкопанной в землю перекладине. Дождь, переросший в ливень, уже нещадно хлестал по непрошеным гостям. Раскаты грома пугали лошадей, заставляя их пронзительно ржать и брыкаться. Растрепывая волосы и гривы, шквальный ветер зловеще свистел вокруг церкви и продрогших странников.

– Могу ли я вам чем-нибудь помочь, добрые люди? – навстречу троице из приоткрытой двери выглянул монах, придерживая сдуваемый капюшон.

– Да, святой отец, – Гектор поклонился священнику. – Мы с дальней дороги, наши лошади устали, и нам не помешало бы отдохнуть. Позвольте переждать непогоду в вашей скромной обители.

– Конечно-конечно, церковь всегда рада помочь страждущим. Пиетро, – монах позвал в глубь монастыря, – скорей иди сюда, отведи лошадей в стойло, дай им овса и воды. Совсем с дороги на ногах не стоят. Проходите, друзья, что же вы стоите мокнете?

– Спасибо, святой отец, – ежась от холода, путешественники вошли внутрь.

– Меня зовут отец Джузеппе. Я являюсь здешним настоятелем. Мы с братьями собирались отужинать, не откажитесь разделить с нами скромную трапезу, ниспосланную Защитником нашим?

Гектор украдкой глянул на Тронда, тот молча мотнул головой из стороны в сторону. Краем глаза Пес также заметил, что, хотя Гуннар и продолжал улыбаться, одну руку он твердо держал у пояса, к которому крепились ножны.

Внутреннее помещение, как и думал прусс, оказалось совсем небольшим – шагов пятьдесят в длину и пятнадцать в ширину. Внутри церкви стояли семь рядов деревянных лавок, разделенных посередине проходом. По бокам от входа располагались две кабинки для исповедей. В алтарной части, у тыловой стены постройки, находилось еще большее, чем на входе, распятие и небольшая трибуна для богослужений. С потолка на цепях спускались большие кованные люстры. Два монаха, стоя на высоких лестницах, зажигали от лучины свечи, вставленные в подсвечники.

– Благодарю за предложение, святой отец, однако наши съестные припасы еще не закончились. Мы прибыли сюда с инспекцией. Нас отправили проверить, как подготовлены к возможному пожару, ограды и защиты Пресвятая Богородица, в некоторых городках и селах, – Пес поймал на себе удивленный взгляд Тронда. – У вас, кстати, все в порядке? Наготове ли ведра? Далеко ли колодец с водой? Песком запаслись?

– Все в полном порядке, я вас уверяю, – отец Джузеппе слегка засуетился.

– Не сомневаюсь, снаружи мы осмотрели – там все хорошо. Правда, в городе нам сказали, что вы содержите госпиталь для больных проказой. Что-то я его здесь не вижу. Может быть, он где-то в другом месте?

– Нет-нет, он здесь – в подвале. Горожане туда не допускаются, все в соответствии с предписаниями. Освещение там слабое, всего несколько факелов, прикрепленных к стенам. Возможность пожара полностью исключена, – монах развел руками и расплылся в улыбке, подмигивая тоже улыбающемуся Гуннару.

– Святой отец, все-таки давайте пройдем туда – не приведи Господь, что случится. Нам же потом... – теперь Тронд, проведший большим пальцем вдоль горла, поймал на себе изумленный взгляд Гектора. – В общем, нам не сдобровать. Одна церковь у вас уже сгорела, как знать, не повторилось бы новой беды.

– Ну что ж, как пожелаете, великодушные господа, только как же я сразу не вспомнил-то, – почесав небритую щеку и подбородок, Джузеппе скинул с себя капюшон, – мы ведь в храме Божьем. Как сюда с оружием? Попрошу сдать ваши железки брату Пиетро, он их на время уберет.

Стоило появиться пред их очами брату Пиетро, Тронд и Гектор взволнованно переглянулись. Первый из них подумал: хорошо бы прямо сейчас изрубить всех этих святош на корм собакам, но если прусс вдруг ошибается и они посекут безвинных монахов, тогда такая же участь, бесспорно, ожидает и их самих.

Второй несколько не сомневался в злонамеренности святых отцов, но понимал, что если Гзанда где-то и прячется, так это в подвале. И только Джузеппе сможет их туда провести, а начни они здесь сечу, так это может спугнуть инквизитора, и ищи-свищи его потом.

Псу пришлось кивнуть Тронду, тот что-то опять шепнул Гуннару, и все трое оказались безоружными в полумрачной кирхе, абсолютно тихой внутри и раздраемой диким воем бури снаружи. Святой отец поднял вверх свою лампадку и жестом пригласил путников за собой.

Поскольку монахи наверху еще не успели зажечь все свечи, освещения от лампады Джузеппе хватало лишь на то, чтобы разглядеть пространство в нескольких шагах впереди от него. Поэтому время от времени он поворачивался, подсвечивая дорогу викингам и пруссу, которые шагали, держась за руки, чтобы не отстать друг от друга в темноте.

Они шли по направлению к алтарю, и если у входа еще хоть что-то было видно, то здесь наступала крошечная тьма. Монахи, как будто намеренно, не зажигали ту часть люстры, которая была обращена к распятию, а были заняты разговорами на итальянском языке, забравшись почти под самую крышу.

Первым за Джузеппе шел Тронд, и ему было лучше всех остальных видно место, куда они все подошли. Слева от алтаря, в полу, находились тяжеленные деревянные двери с громадными коваными черными петлями.

– Вот мы и пришли, друзья. Добро пожаловать в лепрозорий церкви Святого Георга, – озаряемое теплым светом лампады, лицо отца Джузеппе уже не казалось таким добрым.

В подвал вела узкая кирпичная лестница, с очень короткими ступенями – в один кирпич, так что ногу приходилось ставить параллельно ступенькам. Как смекнул Пес, инквизиторы намеренно построили вход в подвал таким образом, чтобы наверняка исключить возможность побега, да еще в такой темноте. По неудобной лестнице спускались довольно долго. В конце пути их ожидала еще одна дверь, поменьше той, что была наверху, но в отличие от лестницы, где разогнуться во весь рост было невозможно, здесь места вполне хватало.

Отец Джузеппе постучал два раза и затем еще раз – в левой створке двери открылось крохотное окошечко, но лицо сторожа, скрытое мраком, путникам разглядеть не удалось. Монах что-то пробормотал на своем языке, после чего стало слышно, как внутри снимают громоздкий засов, и несколько мгновений спустя двери со скрипом распахнулись. Пес увидел перед собой длинный коридор, на стенах которого на расстоянии семи шагов друг от друга горели факелы. Дальше последнего факела простирался мрак – скорее всего, там, в темноте, находилась еще одна дверь.

– Святой отец, как вы осторожны, – прусс поежился от холода. – Неужели больные лепрой настолько опасны?

– А вы как считаете? – Джузеппе повернулся, чтобы осветить лица инспекторов и пересчитать их – все ли на месте, после чего двинулся вперед. – Несчастных отпели еще

при жизни, положили в гроб, опустили в могилу, забросали землей, вытащили и привезли сюда, в их настоящий склеп. Отсюда обратной дороги нет – Господь оставил их за грехи при жизни, но пощадит, когда они вознесутся.

– А сколько здесь человек?

– Около полусотни, не так много, как, например, в Вармийских землях. Там есть лечебницы и на полтора места, страдальцев хватает. А сюда, гремя трещотками, чтобы оповещать здоровых, некоторые пришли сами, – шаги святого отца заметно ускорились. – В города их не пускают, вот они и идут к нам со своими трещалками.

Последнее слово Джузеппе прозвучало уже после того, как он задул светильник. Трое искателей приключений в это время проходили как раз мимо факела и, когда священник исчез, дружно, как по команде, прижались к стене. За их спинами послышался звук водворяемого на место засова и тихие шаги по направлению к «инспекторам». У Пса поплыло перед глазами и коленки предательски заходили ходуном.

Вдруг возле первого факела тенью мелькнула темная фигура, закутанная в длинную рясу с широким капюшоном. Каждый из викингов, не моргнув глазом, достал из потайных складок плаща резак длиной в полплеча: первый встал лицом к входной двери, второй – к той, куда ушел Джузеппе. Теперь звук засова послышался с обратной стороны. Нервы у датчан не выдержали, и они с боевыми кличами рванулись в разные стороны. Гектор, находившийся на грани, отделяющей панику от безумия, беспрестанно вертел взмокшей головой по сторонам.

Темная фигура, к которой побежал Тронд, стояла спокойно, будто дожидаясь его. С противоположного конца коридора, куда полетел Гуннар, из дверного проема вышел еще один человек с зажатым в руке лампадой. Первым исчез улыбчивый викинг: Гектор увидел, как он замахнулся, чтобы метнуть нож, а затем прыгнул на едва видимого противника. Звук упавшего тела прусс не услышал. Вопль Тронда оборвался, когда он вступил в неосвещенное пространство ближе ко второму факелу. Сам воин тоже как сквозь землю беззвучно провалился.

Вот только секунду назад Пес видел его широкую спину, и вдруг опять темнота. Гектор попытался оторвать от стены факел, но тот был слишком крепко вмурован, и он лишь сильно обжег себе ладонь. Насколько плохи его дела, стало понятно, когда раздалась итальянская речь. Получалось, два его новых друга действительно оказались обезвреженными.

– Выйди на свет, сын мой, не бойся, мы не причиним тебе зла, – голос принадлежал отцу Джузеппе. – Нам показалось, что вы разбойники, но если ты докажешь обратное, то уйдешь с миром.

– Какие мы разбойники, если оружие сдали? – Пес буквально подскочил с места и твердо встал в пяточок, освещенный факелом, в надежде, что сумеет вразумить притких святош. – Мы из пожарной инспекции. Проверяем...

Прусс не успел договорить – ровнехонько в затылок ему с глухим стуком влетела толкушка для семян, лихо запущенная вторым братом. В глазах Гектора потемнело, слабый свет по краям тоннеля раздвоился. Слова Джузеппе доносились до прусса глухо и невнятно, как если бы Пес находился под водой. Упав сначала на колени, с нестерпимой головной болью Пес рухнул в сторону. Неизвестно, сколько времени он провел без сознания, но, очнувшись, очень горько пожалел, что затеял эту авантюру.

Пес обнаружил себя в сидячем положении, прикованным к стене цепями за обе руки на манер Прометея. Шею его сдавливал тугий железный ошейник, также вмурованный в эту стену. Рот был заткнут кляпом, в голове болезненно звенело. Он находился в помещении, где было достаточно светло, в отличие от коридора. Судя по предметам, находившимся здесь, цель оказалась достигнутой – Гектор попал в самые, что ни на есть, мрачные и ужасающие чертоги инквизиторов. Правда, в несколько ином качестве, чем предполагал.

В изуверской палате присутствовал весь арсенал, необходимый для вытягивания признательных показаний. Чуть справа от Пса стояла небольшая дыба в виде колеса, на котором обычно растягивали человека, привязав его ноги к полу. Еще правее виднелся некий замысловатый механизм – массивный груз с веревкой, пропущенной через петлю на потолке. Напротив узника, у дальней стенки, покоился черный железный стул с маленькими шипами, под которым тлели угли. По левую руку находилась «железная дева» и передвижной столик с различными инструментами: клещами, зазубренными резцами, миниатюрными пилами и тонкими иглами для прокалывания.

В самом центре комнаты вертикально стояла лестница с привязанной к ней обритой наголо молодой женщиной. Вокруг нее суетились два человека – отец Джузеппе, а другой повернулся к Гектору спиной. Еще один монах, совсем мальчишка, сидел за столом с разложенными на нем бумагами и держал в руке перо. Рабочее место секретаря дополнительно освещалось двумя длинными восковыми свечами, расставленными по краям стола, между которыми находилось тяжелое бронзовое распятие.

– Ты зачем той полоумной башку отпилил, кто тебя просил? – хриплый голос принадлежал человеку, которого Пес не видел, и раздавался откуда-то со стороны дыбы.

– Клянусь святыми апостолами, это не я, – монах, стоявший около двери, подошел к лестнице с женщиной, и Гектор увидел, что это был тот самый лысый проводник из Шрефт-лакена. – Гзанда, когда я ее резал, голова у нее была на месте.

– А кто же тогда? Ладно, где те двое?

– Их сейчас разделявает Циклоп. Позвать его?

– Нет, сначала с этими разберемся, – высокий человек, чьего лица упорно избегал колеблющийся свет, переместился к столу с писарем. – Джанлука еще не появлялся? Где его черти носят? Пиетро, давай начинать. Только перед открытием заседания я хотел бы освятить с Божьего благословения все те инструменты, что могут быть использованы во время процесса.

– Здесь начинается процесс, рассматривающий обвинения против некой женщины Терезы. Для всех тех, кто может увидеть этот настоящий документ, поясняется, что на процессе присутствуют братья-проповедники воли Господней под покровительством святого Доминика Карло, Джузеппе, Джанини, Пиетро, писарь и брат Гзанда, Божьей милостью прокурор Прусской инквизиции, муж величайшей набожности и благочестия, известный знаток Священного Писания. Дано в Повундене в шестой день июня, вторник после Святого праздника Троицы, одна тысяча четырехсот девятого лета Господнего. Итак, мы начинаем. Во имя Господа, аминь, – брат Пиетро повторно обмакнул перо в чернильницу.

– Признаешься ли ты, Тереза, в своих связях с дьяволом? – один из мучителей, что стоял возле женщины, держал зажатую в щипцах раскаленную докрасна длинную иглу.

– Я вам повторяю, вы ошиблись, – до смерти перепуганная Тереза, захлебываясь рыданиями, казалось, не могла отчетливо произнести ни единого слова. – Я никогда не состояла в связях с дьяволом, я верна своему мужу и Господу Богу.

– Тереза, против тебя существуют неопровержимые улики. Не стоит попираť Божье имя, присягая ему на верность, – главарь секретного отряда положил руку на плечо писаря. – Однажды впустив в свою душу дьявола, ты навсегда предала Господа и церковь. Признание существенно облегчит твои страдания.

– Признавайся, тварь, все равно не отвертишься, – игла на два пальца вошла в плечо раздетой донага женщины.

– Господи, я же вам говорю, что никогда не признавала дьявола и всегда верила лишь в единственного спасителя нашего – Вседержителя, – срываясь на отчаянные вопли, когда

монах прикладывал к ее телу иглу, женщина извивалась на лестнице. – Я ни в чем не виновна и заявляю, что кроме Бога не признаю никакого другого Спасителя.

– Брат Карло и брат Джанини, будьте добры, определите подсудимую на страппадо. Я думаю, с предварительным допросом мы покончили.

От будничного тона Гзанды кожу Гектора покрыло липким потом.

Пес не мог наблюдать за дальнейшими мучениями Терезы и лишь бессильно поник головой. Невольно в памяти всплыли недавние события, те, когда он сидел в орденской тюрьме. Уж лучше бы его повесили в крепости, чем над ним будут измываться эти выжившие из ума фанатики. Что же ты не придешь на помощь, дорогой друг Бэзил? Видимо, ты уготовил смерть еще более жуткую и мучительную, чем ту, что ожидала в Кёнигсберге.

Вдруг стало обидно и горько, как никогда раньше. Ведь с самыми лучшими намерениями он доверился этому чертову невидимке. Чем же он думал? Очередной ужасный вопль женщины заставил и самого Пса отчаянно завопить. Но кляп пропустил лишь жижу вспененной слюны.

Неотвратимо довлело чувство, что он будет следующим. Вместе с этим, Бронте ощущал, как постепенно впадает в неистовое безумие – настолько окружающее сделалось невыносимым. Выпучив, как рыба, глаза, он начал биться в припадке, звеня цепями и изрыгая мутную пену. Мышцы напрягались и сокращались в сильных спазмах, и через мгновение перед глазами стали возникать разноцветные круги, то и дело сменяясь одни другими.

– Нам доподлинно известно, что ты заключила договор с дьяволом и, неоднократно натираясь мазью, изготовленной по его наущению, верхом на свинье посещала ведьмовские шабашы. Отпираться нет никакого резона, – не обращая ни малейшего внимания на конвульсии Пса, Гзанда сначала сам лизнул, вытащив откуда-то, колосок ржи, затем передал его писарю, и тот, тоже лизнув, отдал его брату Джузеппе.

– Пресвятая Дева Мария, прости их, ибо не ведают, что творят, – искалеченная женщина едва шевелила губами. – Я не ведьма!

О, Боже, избавь меня от этих страданий...

– Господь оставил тебя в тот час, когда ты запятнала Его имя этим позорным демоническим договором. Твоя кара неотвратима, признайся в ведовстве и уповай на прощение Божье. Иначе я сотворю с тобой такое, что от жалости заплачет даже камень.

Несколько раз теряя сознание и вновь приходя в себя, Пес слышал отрывки реплик упорствующей Терезы и проклятий инквизиторов.

В конце концов мучительные пытки ненадолго прекратились – монахи, видно, сами устали. Однако через некоторое время, счет коему Пес давно потерял, женщина все-таки еле слышно прошептала признание.

Гзанда довольно усмехнулся, остальные хлопнули в ладоши. Сквозь мрачное хитро-сплетение пляшущих силуэтов прусс мельком углядел изможденное лицо несчастной: расплавленная смола, подобно огненным слезам, разделила его на три обожженные части, кожа, как тонкий воск, местами отслоилась...

– Таким образом, получив признание от богомерзкой ведьмы Терезы, я, Гзанда Зоркий, властью, данной мне Господом, – при этих словах инквизитор соединил ладони, – повелеваю с сего времени исключить ее из причастных церкви как отравленное чернокнижием отродье. Однако, учитывая времена и обстоятельства, смертный приговор колдунье будет приведен в исполнение прямо здесь. Сжальтесь над ней, любезные братья, и окажите ей милость в виде удушения.

Повинуясь своему наставнику, братья Карло и Джанини спустили Терезу сверху и оттащили ее в противоположный угол, туда, где стояла плаха с воткнутым в нее топором. Карло опять лизнул колосок, отдал его Джанини, после чего подобрал с пола палку с продетой в нее петлей. Затем брат Джанини обхватил то, что осталось от еще живой молодой женщины

и надел петлю гарротты ей на шею, а брат Карло стал прокручивать палку вокруг оси. Петля все сильнее сжималась вокруг шеи страдальцы, и вскоре хрип совсем прекратился. Вряд ли кому-нибудь удавалось спастись из этого насквозь пропахшего страхом жертв и молитвами палачей подвала.

– Да что ж вы так дрожите? – отец Джузеппе окатил мерзкой застоявшейся водой из протекающего ушата пришедшего в себя Пса. – Я вижу, вам страшно. Не бойтесь, мы вас отпустим, только зададим несколько вопросов.

– Я один раз уже поверил, спасибо, – к пруссу постепенно стало возвращаться чувство реальности. – Где мои друзья и что вы сделали с этой бедной женщиной? Чем она заслужила такую ужасную смерть?

– Она нанесла чудовищное оскорбление Божественному величию, связав себя порочными путями с сатаной, – теперь в сторону Пса повернулся Гзанда – овальное лицо, тонкие губы, прямой нос и впалые щеки этого человека делали его более похожим на болезненного университетского магистра, чем инквизитора. – Будучи развращена, пленена искусителем и покинута Создателем, она искала помощи у дьявола, а посему благочестивая паства должна быть очищена от подобной скверны. Проявив свою слабость, ведьма навлекла на себя гнев Всемогущего, давшего нам право на возмездие.

– Карло, помоги мне, – Джанини подошел сбоку к прикованному Псу и освободил одну его руку, вторую отцепил брат Карло, он же расстегнул ошейник и вытащил кляп. – Давай его на место этой уродливой твари.

«Добрый» священник, отец Джузеппе, вылил еще одно ведро на лестницу, к которой ранее была привязана Тереза, чтобы смыть ее запекшуюся кровь. Затем два живодера-инквизитора волоком дотащили Гектора в центр помещения и закрепили его конечности на деревянной конструкции, положенной теперь горизонтально. Сил сопротивляться у прусса не было, да и попробуй высвободиться из лап пятерых крепких мужчин.

Голова все еще саднила от колотушки, запущенной кем-то из монахов, во рту пересохло, спазмы внизу живота каждую секунду болезненно напоминали о том, что все происходит взаправду, а сердце так и норовило предательски выскочить из груди. Перспектива разделить судьбу растерзанной Терезы казалась гораздо более ясной, чем ступить на помост лобного места каких-то пару дней назад. А ведь истинный дурак – сам же прискакал сюда, можно сказать, даже улегся на эту лестницу.

– У тебя могло сложиться о нас ошибочное мнение, – на лоб Псу легла холодная, как у покойника рука, – якобы мы какие-то мясники и изуверы. Это отнюдь не так. Допрос совершенно необязателен, если согласишься все рассказать добровольно. Ты не еретик и не чародей, тебе не обязательно страдать.

– А что вы хотите услышать? – попытавшись натянуть на себя некое подобие улыбки, Гектор решил, что сделает все возможное, чтобы не показаться напуганным, и заметил, как все стоявшие вокруг удивленно переглянулись. – Я из инспекции, нас скоро будут искать, все знают, что мы поехали в эти края. В городе нас видели, мы спрашивали сюда дорогу, через день-другой здесь появятся суровые мужчины с крестами на плащах.

– У меня впереди целая ночь, господин инспектор, и в моем распоряжении здесь находится внушительный инструментарий, – Гзанда схватил связанного по рукам и ногам прусса за кадык двумя пальцами, заставив того гулко закашляться. – Ты, видно, забыл, что брат Джанини привел вас сюда. Из какой же вы инспекции, когда искали нашу церковь еще в Шрефтлакене? Как ты узнал об этом месте? Что ты здесь ищешь?

– Ладно, вы меня раскусили! Мы из особого орденского отряда, расследуем исчезновения людей. Концы вели в вашу церковь. Нас будут искать.

– С каких пор викинги стали входить в особые отряды? Это же наемники, – глава инквизиторской группы махнул рукой, и братья подняли камень, что недавно служил гру-

зом для Терезы, затем, кряхтя от натуги, положили его Гектору на грудь. – Я тебе предлагал отвечать по-хорошему, кто ты такой и как ты на нас вышел.

– Я говорю правду, – на заплеванную рубаху Пса теперь добавились еще и капельки алой крови, когда он начал заходиться в хрипе и сухом кашле. – Они были наемниками, а сейчас на службе у ордена за подвиги в боях. Снимите камень, я не могу дышать. Клянусь самим Господом, что это правда.

– Не упоминай имя Господне всеу, грабитель и преступник. Ты рассчитывал найти здесь чем поживиться, но мы тебя опередили, подлый мерзавец.

Вдруг через секунду обезумевшим взглядом Пес заметил, что все инквизиторы, включая писаря, начали как-то странно искривлять и выгибать конечности, будто в них вселился какой-то бес. Сначала раздавленному в прямом и переносном смысле пруссу показалось, что все сборище палачей и сумасшедших этой бесовской пляской издевается над ним, как бы подражая его мукам и боли.

Вскоре они стали водить вокруг него хоровод, сначала еле слышно, а потом все громче и громче читая на непонятном языке псалмы и молитвы. Он понял это, уловив в их сбивчивой речи имена разных святых. Вот тогда ему стало действительно страшно, даже показалось, что тени, отбрасываемые свечами на забрызганные кровью стены, заплясали в такт убийцам.

Проходя около пленника, священники наклонялись к его ушам, чтобы прошептать какие-то таинственные слова. И от ужаса, который вселяли своим ритуалом черные инквизиторы, накрепко привязанный к лестнице прусс начинал извиваться. Мысль о том, что его хотят принести в жертву неким темным божествам, безотчетно захватила рассудок Пса, в животе прощальным набатом зазвенели колокола, и вены отчетливо проступили сквозь побледневшую кожу.

Его существом завладел первобытный ужас. Из груди, казалось, вот-вот должен был вырваться наружу древний зверь, наконец-то почувствовавший прямую угрозу своему бытию. Бессильное мычание Гектора тонуло в звучном монотонном гуле, исходящем от пяти помутившихся разумом священнослужителей. И когда его глаза чуть не лопнули от напряжения, в дверь постучали. Громкий стук как будто вернул инквизиторов в явь – они, как по волшебству, все разом остановились и замолчали.

– Кого там еще принесло? – первым подал голос отец Джузеппе.

– Это я – Циклоп. Откройте.

– Что за спешка такая, подожди, мы скоро выйдем.

– Нет, здесь кое-что случилось, вам лучше открыть. Не тяни Джузеппе, открывай. Дело серьезное, – стук повторился.

– Черти тебя дери, что там еще? – Гзанда подошел к двери и отворил в ней маленькое зарешеченное окошечко. – Что стряслось?

– Эти двое викингов, – Пес медленно повернул голову в сторону двери и на мгновение замер, – они сбежали.

– Что? Что ты сказал, уродливая скотина? – У Гектора немного отлегло от сердца, когда Гзанда стал брызгать слюной и перешел на визг: вот она, призрачная надежда, хоть бы его новые знакомые не исчезли насовсем. – Как сбежали, да я с тебя шкуру спущу!

Главарь шайки зазвенел ключами и, когда нашел нужный, распахнул дверь, но сразу же об этом пожалел. Сокрушительный удар обрушился на челюсть Гзанды, его отбросило в другой конец комнаты, а зубы инквизитора стремительно разлетелись по полу. Пес видел, как в помещение ворвались три человека – двое викингов и один незнакомец, в длинной, до пят, одежде и с закрытым, как у сарацина, лицом.

Писарь Пиетро мгновенно исчез под столом, отец Джузеппе забился в угол, а братья Джанини и Карло схватили со стола ножи и встали бок о бок у дальней стены. Однако

боевой пыл монахов заметно поубавился, когда в руках викингов появились их счастливые топоры, украшенные военными рунами, не раз спасавшие им жизнь в смертельных баталиях.

Первым не выдержал Карло, он, как недавно гости с севера, кинулся навстречу своей незавидной судьбе, с ножом в вытянутой руке. Подножка, вовремя подставленная Гуннаром, точно направила излишне резвого монаха на страшный удар Тронда, нанесенный его могучим кулаком. Возликовавший Гектор с удовольствием, насколько позволяло его состояние, наблюдал сначала отрыв от земли, а затем и сам полет прогнувшего спину назад брата. Приземлился тот уже без сознания.

Джанини, дрожа от страха, выронил нож и тоже опустился на колени рядом с отцом Джузеппе. Циклоп помог викингам спихнуть камень с Пса и отвязать его. Спасители перенесли прусса к столу, из-под которого пинками выгнали Пиетро, и усадили настрадавшегося Гектора на место писаря.

Через пять минут расстановка сил изменилась кардинальным образом: на месте Терезы висел брат Карло, внутри «железной девы» находился еле живой от ужаса брат Джанини, к дыбе привязали отца Джузеппе, к лестнице – дрожащего как осиновый лист брата Пиетро, а на стул с шипами усадили самого Гзанду.

– Но как вам удалось?.. – Пес до сих пор не мог поверить в свое счастливое освобождение, он даже был готов расцеловать всех спасителей, включая прокаженного Циклопа.

– Долго рассказывать, – Тронд раздувал искру под стулом Гзанды, – в двух словах: спасибо Циклопу. Он здесь главный у больных. И он не очень-то доволен своим начальством, но его можно понять.

– Гзанда, я должен был это сделать давным-давно, но боялся, – вся в огромных волдырях, гноющаяся рука Циклопа взяла Гзанду за слабую челюсть. – Ты вселил в меня страх, настала твоя очередь бояться!

– Да избавит вас Господь от этих жутких заблуждений, – слезные мольбы братьев еще больше развеселили Гуннара. – Мы воплощали исключительно волю Божию. Всем отступникам ниспослана Его кара. Мы невиновны, только Бог вправе нас судить – не приведи Господи вам меня послушаться.

– Мне очень хочется знать, – в разговор вмешался Пес, – а эту несчастную женщину и всех остальных безвинно убитых кто судил: Бог или вы? Как там говорится? Не судите, да не судимы будете! Сейчас судить будут вас.

– Ты не имеешь права, – Джузеппе перешел на визг. – Как смеешь ты обвинять нас в несправедливости, когда мы огнем и мечом преследовали колдовскую заразу? Я кричу изо всех сил, возвещая заповедь Господню: «ведьмы не оставляй в живых». Одумайся, ибо в противном случае Божий гнев обрушится на твою безумную голову!

– Заткнись, Джузеппе! – этот голос принадлежал женщине, и Пес невольно обернулся в сторону двери, ровным счетом ничего не понимая: там стояла миловидная девушка, как две капли воды похожая на Терезу. – Ты убил мою сестру, вы все ее убили. И нет вам, извергам, прощенья и пощады! Гореть вам в аду! Но сначала испытаете все страдания, на которые обрекли многих ни в чем не повинных женщин и мужчин.

– А это кто? – появлению здесь женщины Гектор удивился не меньше, чем появлению викингов и Циклопа в самый нужный момент.

– Тоже долго рассказывать, – Циклоп осматривал инструментарий, заботливо приготовленный на инквизиторском столе. – Сестра Терезы – Анна.

– А я – Гектор... – пришедший в себя прусс сразу же осекся, когда поймал на себе не очень дружелюбный взгляд Тронда. – Хм, так вот, отец Джузеппе, я никогда не верил в вашего Бога. Но раз ты на него так уповаешь, то пусть он тебе и помогает.

– Я проклиная вас всех, каждого из вас в отдельности и весь ваш род, – Гзанда понимал, что времени у него осталось немного, поскольку костер под ним уже хорошо разго-

релся, капли пота стекали у него со лба, и он решил произнести свои последние слова. – В геенне огненной вам уготована участь всей той скверны, что мы, правоверные христиане, туда отправили. Ваши души сгнили изнутри, как труп бродячей собаки, когда вы подняли руку на Божьих посредников. Будьте вы прокляты!

– Все сказал? – викинг подложил еще пару дров в жаровню под Гзандой. – Неплохой стульчик соорудили, правда? Подмигни, если что, я еще полешко подброшу.

Гуннар на пол-оборота прокрутил колесо дыбы, и мгновенно послышался дикий вопль отца Джузеппе, когда его плечи и стопы вышли из суставов. Циклоп ногой посильнее прижал дверцу «железной девы», отчего у брата Карло из сотни мелких ран струйками засочилась кровь. Немного отдохнувший Пес встал из-за стола и выдернул табуретку из-под груза, который мгновенно повторил для брата Джанини участь бедной Терезы.

Писарь Пиетро лежал на лестнице ни жив ни мертв от сковавшего его ужаса. Кошмарное зрелище парализовало соучастника изуверов, превратив его лицо в кусок гранита. Даже слезы не текли из перепуганных глаз, лишь непослушные губы бессвязно шептали молитвы.

И в мгновение ока волосы совсем молодого монаха стали седыми, когда он увидел обезображенное лицо Циклопа, наклонившегося, чтобы поцеловать его в лоб. Затем старший среди прокаженных раскрыл Пиетро рот, вытащил оттуда язык и резким взмахом ножа отсек его.

Кровь Гзанды, вытекшая от шипов на поверхность стула, начала быстро сворачиваться под воздействием жара, но он, не издавая ни звука, лишь неотрывно смотрел на Гектора. Псу стало не по себе, и он надел инквизитору на голову мешок, из которого предварительно вытряхнул увесистую охапку ржи.

Вспомнив, что все пятеро монахов лизали зачем-то колоски, он взял один из них и поднес его к глазам. Среди остьев наверху колоска он заметил маленькие черные рожки, как будто во ржи жили крохотные рогатые чертики. Инстинктивно Пес собрал всю охапку и бросил в топку под Гзандой, решив, пускай этот дьявол во плоти унесет своих демонов с собой в ад.

К запаху горелых злаков скоро добавился и запах горелой человеческой плоти, но, ко всеобщему удивлению, Гзанда не проронил ни звука. Тогда Тронд увидел в углу, где раньше сидел отец Джузеппе, вязанку хвороста. Викинг обмакнул ее в воду и добавил ко ржи, брошенной в огонь Гектором. Тем самым датчанин обеспечил инквизитору-убийце долгую и мучительную смерть на сыром хворосте.

Позже все-таки решили не сжигать Гзанду окончательно, ему, как, впрочем, и всем остальным, кроме Пиетро, уготовили другую участь. Наконец у Пса появилась возможность узнать обстоятельства побега храбрых воинов из лепрозория.

Как выяснилось из рассказа Тронда, их тогда оглушили и перенесли в помещение лечебницы. Не считая полусотни разлагающихся заживо человек, там находилось также и несколько клеток, в которых содержали корм для больных. Словом, инквизиторы вели у себя в убежище натуральное хозяйство – всех, кого они убивали, эти мясники отдавали на съедение больным.

По ночам нескольких прокаженных отпускали на волю, и они ловили грызунов и ящериц, ставили ловушки на птиц, но этой пищи на всех не хватало. Иногда в церковь забредал какой-нибудь одинокий путник, и, независимо от того, оставался он на ночлег или нет, ему был уготован единственно возможный конец.

Когда голод становился невыносимым, больным разрешали выкапывать их товарищей, недавно похороненных недалеко от церкви, чтобы утолить это нестерпимое чувство. Сами же инквизиторы спокойно жили на подаяние прихожан и за их же деньги покупали у них продукты.

Старшим в больнице назначили Циклопа, некогда огромного и могучего человека, который в результате болезни превратился в сплошную язву и потерял один глаз. Именно он заведовал распределением пищи. Убивать бедных путешественников, на свое горе забредших в эту обитель вселенского зла, также входило в его обязанности. Тем не менее, будучи по своей натуре все же человеком, а не зверем, Циклоп всегда давал жертвам последнее слово.

В благодарность Тронд плюнул ему в оставшийся глаз, а Гуннар на своем языке пожелал прокаженному как можно скорее разложиться. Неожиданно Циклоп ответил Гуннару тоже на датском. Из разговора стало ясно, что прокаженный на самом деле раньше был викингом, но однажды подцепил заразу на корабле от какого-то пленного англичанина. Их обоих немедленно высадили в Пруссии, рядом с которой проходили, и он, униженно поскитавшись по городам, наконец-то пришел сюда. Со временем за проявленные качества его назначили главным.

Циклоп рассказал, как ему все надоело – и больные и хозяева. Его, славного воина, подвергали постоянным побоям, заставляли поедать отходы. За все время, что находился здесь, он не услышал ни слова признательности, хотя часто выручал инквизиторов, когда назревало недовольство, рискующее перейти в бунт среди больных лепрой.

Недолго думая, Тронд надавил Циклопу на больную мозоль и предложил расправиться с ненавистными отцами, а Гуннар с неотразимой улыбкой поддержал товарища. Так земляк отпустил викингов, вернул им оружие и помог освободить Гектора.

Что же касается Анны, сестры Терезы, то ее история была такой же печальной, как история Циклопа. Однажды хорошенькая и скромная Тереза, по совету своей подруги, зашла в церковь на службу к отцу Джузеппе, и ей там так понравилось, что она стала приходить чуть ли не ежедневно. Само собой, братья заподозрили ее в колдовстве – раз так часто ходит, да еще из соседней деревни, значит, грешна и ведьма.

Некоторое время девушку держали в подвале с прокаженными, чтобы сломить ее волю, а затем все монахи стали использовать ее для своих плотских утех, постоянно избивая и унижая. Доверчивая Тереза успела до своего заточения сообщить Анне о чудесном приходе.

И когда сестра исчезла, Анна зашла за порог этой церкви, совершив самую страшную ошибку. Все кончилось тем, что она разделила судьбу несчастной Терезы. Хорошо еще, что девушек содержали отдельно от больных и разрешали мыться.

Циклопу милая и кроткая девушка сразу приглянулась. Он старался не кормить ее человечиною, отдавая ей лучшие куски всяческой живности. Палачи в рясах ему охотно доверяли и изредка отправляли в город за покупками к самому закрытию рынка, когда народу было меньше всего. Там он указывал на товары, которые нужно было купить, специальной тростью.

В городе прокаженный разыскал убитую горем мать сестер-близняшек и сообщил несчастной женщине, что ее дочь скоро с ней встретится. Настроенный сочувственно к Анне, Циклоп помог ей бежать из омерзительных палат лепрозория, и отважной девушке все-таки удалось увидеться с матерью у кратера около Шрефтлакена.

Однако их встреча была недолгой – по пятам за Анной следовали братья Карло и Джанини. Много прокаженных пришло в приют с трещотками, и девушка, прихватив с собой одну, успела передать ее матери. Это не помогло. Живодеры жестоко расправились с несчастной женщиной, решив не оставлять свидетелей.

Беглянку вернули в церковь и в наказание решили казнить ее сестру, но сначала почти трое суток продержали в пыточной камере ее спасителя Циклопа. Его кромсали со знанием дела, чтобы не убить, и это только сильнее разожгло в нем ненависть к мучителям. Перед тем как приступить к истязанию Терезы, в храм Божий, запыхавшись, вбежал брат Джанини

и завопил, что их логово раскрыто и сюда едут трое вооруженных и серьезно настроенных воинов.

Пес и викинги этого, конечно, знать не могли, и поэтому монахам удалось застать их врасплох. Если бы Циклоп не оказался датчанином, вся троица совсем скоро сгинула бы в желудках всеядных прокаженных. И неизвестно, что стало бы с Анной, вероятно, ее тоже заменили бы кем-нибудь, как она когда-то заменила Терезу. Как признался Циклоп, они были не первыми и наверняка не стали бы последними.

– Ну что, Пес, ожил? – голос Бэзила оборвал речь Циклопа на полуслове; все как будто замерло перед глазами Гектора и затянулось полупрозрачной дымкой: время остановилось, даже огонь под Гзандой поутих и перестал лизать железо.

– И где же ты был, любезный друг? – боль у прусса вдруг пропала, у него больше не звенело в голове, и в животе снова стало пусто. – Меня чуть не порезали на ремни и не проглотили эти голодные чудовища из лепрозория, а ты, видимо, был слишком занят.

– Я тебя один раз уже вытащил – дальше сам. Выкрутился же, чего голосить. Но вот что – сейчас для нас важно только одно – тебе надо взять этот крест.

Сквозь легкий туман Пес заметил, как на груди Гзанды что-то засветилось, лучи проходили даже сквозь его рясу. Гектор двинулся на этот переливающийся серебристо-золотистый свет, и, когда подошел поближе, стало ясно, что сияние принимает форму креста. Отогнув край платья инквизитора, прусс увидел серебряный крест размером с ладонь, висевший на толстой цепочке на груди монаха.

Дрожащими руками Пес снял с Гзанды крест, и как только распятие оказалось у него, сияние многократно усилилось. Вокруг Гектора из-под земли стал подниматься раскручивающийся по спирали смерч, распространяя зловонный смрад сотен сгнивших трупов. Присмотревшись, он разглядел в черной воронке отдельные лица, застывшие в предсмертных гримасах: их обезображенные рты были перекошены, а остекленевшие глаза выражали неизмеримую боль и пережитый ужас.

Через мгновение комната наполнилась всхлипами мучеников и вздохами всех загубленных душ. Звук постепенно становился все громче, пока, наконец, не перерос в оглушающе пронзительный крик. Призраки замученных до смерти людей, взметнувшись вверх в последний раз и разразившись нечеловеческим плачем, так же неожиданно, как появились, вихрем устремились внутрь креста, крепко сжатого липкой от пота рукой Гектора. С исчезновением последней души шум и свечение прекратились.

Только все тело Пса стремительно пронзила невыносимая боль этих ни в чем не повинных истерзанных мужчин и женщин. Он упал на колени и ощутил, как его сердце одновременно сжали тысячи холодных пальцев. Сам крест начал впаиваться в руку, усиливая страдания, причиняемые Гектору неуспокоенными душами, и, когда он окончательно вошел в ладонь, все мгновенно прекратилось.

Прусс поднялся с колен, вздох облегчения непроизвольно вырвался из настрадавшейся груди. Дымка немного рассеялась, и он увидел, что крест действительно исчез, не оставив на ладони и следа. Однако чуть выше, изнутри на левом запястье виднелся ожог в форме того самого креста, только поменьше. Удивительнее всего было то, что самочувствие Гектора стало лучше, чем даже пять лет назад, когда на нем можно было пахать. Ни в одной части своего тела он не чувствовал не только боли, но даже намека на нее и на радостях попытался сильно себя ущипнуть.

Правда, на новые травмы помощь Бэзила не распространялась, и Пес, смекнув, что лучше не испытывать судьбу дальше, осторожно потер ущипленное место. Если Бэзил не обманул, выходило, что Гектор выполнил первое задание невидимки и может быть свободен как ветер. Тем не менее осталось отыскать богатство инквизиторов, если оно, конечно, существует – не отпускать же викингов с пустыми руками. Все-таки они заслужили награду.

– У настоящих боголюбов денег нет. Можешь даже не искать, – заявление Бэзила повергло Гектора в шок.

– Как нет? А средства их жертв, а подаяния?

– Какие там средства у нищих бедолаг. Жалкие гроши немедленно тратились на провиант и выпивку. Клада здесь вы не найдете. Зато тут есть нечто гораздо более ценное, чем ты можешь себе представить.

– Что же может быть ценнее денег? – Пес устало потер ладонями лицо. – Как же мне объяснить моим друзьям, что я завел их в преисподнюю этой мерзости за здорово живешь?

– Подотри сопли, мой друг Гектор. Я не оставлю тебя в беде. – При этих словах прусс лишь горько усмехнулся. – Не для того я затащил тебя в лепрозорий. Хотя иные считают, что здесь тебе самое место... Ладно, плакса, забирай со стола их отчеты по судам и казням.

Вот это да! Как же он не догадался раньше! Если такой документ попадет на стол к римскому папе, то Бенедикту придется отвечать перед собором за противозаконные, ни с кем не согласованные действия в чужих землях. Григорий XII сможет отвесить болезненную и унижительную пощечину своему противнику Бенедикту XIII. А если повезет, то так можно даже вымолить себе прощение: человек, который принесет братьям Дома тевтонского такие документы, может рассчитывать на неслыханную милость и, вероятно, на денежное вознаграждение.

Получается, что одним камнем можно убить сразу двух зайцев. Ай да Бэзил, подсказал хитроумный выход. Пес уже не хотел решительно отвергать невидимку – как знать, вдруг ему суждено попасть в историю, пусть даже и такой дорогой ценой. Но прежде чем соглашаться на дальнейшие задания, надо выбраться из этого дьявольского логова, а дальше будет видно.

Не успел Гектор представить себе золотые горы и толпы соблазнительных женщин, как дух вернул его в реальность. Пес для вида помог викингам перевернуть всю комнату вверх дном в поисках монет, но когда их усилия успехом не увенчались, он, как бы невзначай, схватился за голову и указал пальцем на письменный стол. Недовольно хмыкнув, Тронд сгреб бумаги со стола и, уяснив, что поживиться здесь уже нечем, направился к выходу.

Зрелище, представшее глазам Пса за пределами инквизиторского подвала для допросов, удручило его до невозможности. Сам лепрозорий занимал большую площадь, чем церковь наверху.

В таком же прямоугольном помещении у боковых стен тесно друг к другу стояли деревянные нары, накрытые почерневшими от крови и гноя полотнищами. В воздухе витал запах разложения отмирающей плоти, смешанный с гнусными миазмами застоявшихся фекалий и мочи.

Одни больные лежали, другие в сомнамбулическом состоянии бесцельно бродили взад-вперед и в полумрачном помещении походили на восставшие из гробниц мумии египетских фараонов. Замотанные в истлевшие рубища, местами намертво прилипшие к мокрым язвам, они были живыми мертвецами без права на надежду и исцеление.

Те, кто находился здесь уже давно, прекрасно это понимали и смирились со своей незавидной участью сгореть от трупного огня, пожирающего их изнутри. Те же, кто попал сюда недавно, одинаково отпетые и похороненные еще при жизни, хранили надежду излечиться и покинуть этот, призванный стать их последним убежищем, приют.

Пока Циклоп вел троих мужчин и одну женщину к массивной двери, открывающейся в тоннель, идущих за рукава и за полы одежд хватали стонущие прокаженные, умоляя спасти и вытащить их отсюда на свет божий. Гектор старался смотреть в пол, пока Циклоп налево и направо раздавал затрешины, стараясь, чтобы брызгавший из волдырей гной, не попал на кожу ведомых им путников.

– Ну вот и все, друзья, давайте прощаться! – Циклоп отодвинул засов.

– Как же так? Разве ты не пойдешь с нами? – Анна со слезами на глазах смотрела на Циклопа. – Пойдем же, отыщите другой госпиталь. Как же вы, бедные, останетесь здесь?

– Найдете лошадей в стойле у северной стены. Спасибо вам, Тронд и Гуннар, за то, что открыли мне глаза и дали силу. Возьмите засов и закройте нас снаружи. Сделайте то же со всеми дверями.

– Нет, мы не можем так поступить, уходите за нами! – Обняв сопротивлявшуюся Анну за талию, Гуннар оттаскивал ее от двери. – Отпусти меня, я их не оставляю.

– Уходи, Анна. Мы – мертвецы, и никому не нужны, – обезображенное лицо Циклопа показалось в крохотном дверном окошке. – Сейчас мы начнем пировать, обед уже подогрелся. Остальных оставим на потом. А молодой брат Пиетро еще поживет с нами. Узнает, как это обрывать струпья с головы. Идите и не оглядывайтесь.

Крест второй

Важные документы

Перед тем как отправиться в Кёнигсберг, четверо спасшихся из цепких лап инквизиции наполнили свои фляги водой и запаслись в дорогу вяленой говядиной и сыром из козьего

молока. Буря уже стихла, и только звезды на небосклоне весело подмигивали путникам, будто поздравляя их с трудной победой.

Ехали молча – каждого занимали свои мысли. Тронд был не очень доволен таким сомнительным уловом. Подавленная гибелью сестры, Анна к тому же очень переживала за больных во главе с Циклопом. А Гектор, наоборот, искренне радовался счастливому окончанию опасного путешествия. И лишь Гуннар просто наслаждался свежим ночным воздухом, продолжая все так же лучезарно улыбаться.

Решили идти в обход Повундена, во избежание ненужных встреч и объяснений. Анна настояла, чтобы они прошли мимо того кратера, где убитой лежала ее мать. Бедную женщину следовало похоронить как подобает, отдав ей последний долг. Тело Терезы, которое везли викинги, должно было упокоиться рядом. Нордические бойцы высоко чтители память своих предков, павших в бою, и потому не колебались ни секунды, когда Анна завела об этом речь.

Лопаты захватили в каморке близ стойла, где хранились разные инструменты. Если бы не сложившиеся обстоятельства, бедных женщин, несомненно, упокоили бы на кладбище. Однако два трупа, притом один обезглавленный, в два счета навлекли бы на путников тень подозрений, а этой печальной ночью им меньше всего хотелось кого-нибудь встретить.

Шелест листвы и стрекотание сверчков были единственными звуками, помимо шороха обсыпавшегося под лопатами песка, которые доносились со стороны тайного могильника. Никто не осмеливался заговорить первым.

– Недостойные проводы для благочестивых христиан, – Бэзил появился, как всегда, внезапно.

– А что ты предлагаешь? Отнести их в деревню? – утирая рукавом пот со лба, Пес продолжал копать яму, находясь по колено в воде. – Я вообще, если честно, против этой затеи. Надо было сразу уносить ноги отсюда.

– Как обычно, ты думаешь только о себе, Гектор. Новые друзья все-таки помогли тебе, а ты все о своем.

– Ну да, помогли, а если нас заметят? Я же за всех тревожусь. Как мы объясняться будем?

– Да нет здесь никого, кому тут по ночам шататься? Это место вообще мало кто знает. Между прочим, дело есть. – Псу тут же вспомнилась вся история от начала до конца, стоило ему услышать эти слова. – Заканчивайте и поговорим.

Копание могил продолжалось еще с полчаса, после чего Тронд с Гуннаром аккуратно уложили тела в подготовленные ямы. Склонившие головы мужчины молча стояли, слушая отходную молитву, что читала Анна. Затем девушка бросила материнский крестик, найденный ранее путешественниками, в могилу родительнице и пожелала ей поскорее встретиться с Терезой на небесах.

Каждый из трех мужчин кинул пригоршню песка на мертвых, и затем останки благополучно закопали. Вдруг в кратере за спиной послышался тихий всплеск, как если бы ударила хвостом рыба. Не успел Гектор и глазом моргнуть, как викинги, словно белки на дерево, вскочили на края кратера и стали тыкать клинками в воду. До дна им достать не удалось, поэтому Гуннар спрыгнул внутрь. Роста он был невысокого, и ему приходилось вставать на цыпочки, чтобы голова не скрылась в воде.

Улыбка на несколько секунд исчезла с губ викинга, пока он шарил руками и ногами под водой, но как только убедился, что ничего там нет, боец вновь показал всем свои ровные зубы. Однако перед тем, как вылезти, датчанин наступил на что-то твердое и вскоре поднял со дна странный предмет – гладкий, отполированный со всех сторон угловатый камень иссиня-черного цвета.

При свете луны можно было рассмотреть местность далеко вокруг, поэтому Пес и Тронд мгновенно огляделись по сторонам – швырнуть странный камень могли только

из небольшого нагромождения бурелома в двадцати шагах от кратера. Пока Гуннар одевался, викинг с пруссом сломя голову бросились к корягам. Ошибки быть не могло: по песку, в противоположном от них направлении, тянулась цепочка следов, уходившая в сосновый бор.

За считанные минуты ни один человек не смог бы преодолеть такое расстояние, будь он даже на лошади. Значит, за ними или кто-то следил, или поджидал их здесь. Неужели это возможно? Тогда кто это и с какой целью обозначил свое местонахождение?

Четверка быстро вскочила на коней и, решив не искать шпиона, который бегают быстрее пятнистой африканской кошки, направилась в Кёнигсберг. Перед отъездом Гектор, еще раз бегло осмотрев чудной камешек, на всякий случай припрятал его в дорожную сумку.

Гектор вдруг вспомнил, как Джанини, лысый предатель, сказал Гзанде, что он не отрезал голову матери близнецов. Возможно, это сделал как раз тот молниеносный следопыт. А что, если был еще один инквизитор, о котором они не знали? Очень странная история... Непонятно, зачем он бросил камень. И как, черт его возьми, он сумел так быстро добежать до сосен?

– Началось, Гектор, – голос невидимки прервал тяжелые раздумья Пса. – Твой личный крестовый поход – он начался. В общем, нам надо серьезно поговорить.

– Давай уж, будь добр, объясни, какого дьявола здесь происходит! – Гектор едва не выругался вслух. – Что это за тип и куда ты опять меня втянул?

– Во-первых, ты сам этого хотел. Помнишь тюрьму, замок, побег? Во-вторых, настало время, как я и обещал, кое-что тебе рассказать.

– Ну, я жду. Хотя... знаешь, что? Не надо мне ничего рассказывать! Ты обещал, как только я выполню первое задание, то смогу от всего отказаться, забыл? – изредка поглядывая по сторонам, Пес крепче взялся за узду. – Так вот, я отказываюсь, понял? Все, спасибо, что помог, но больше мне ничего от тебя не нужно. До свидания, герр Бэзил!

– Право, конечно, за тобой. Но сейчас твое упрямство мало что изменит. Видишь ли, отказаться ты, конечно, можешь, но механизм уже запущен. Равновесие нарушилось, понимаешь? Ты взял свой первый крест...

– И что дальше? Ты же говорил, что можно отказаться. Взял не взял, задание выполнил – и все. Чего еще? Какое равновесие? Какой еще механизм?

– Дело в том, что, когда ты согласился там, в замке, участвовать в... этом походе, твое решение мгновенно вызвало ответную волну, – голос Бэзила стал холодным, как и спина Гектора. – Независимо от того, согласишься ли ты и дальше принимать участие, но лошадей запрягли и повозка уже тронулась. Поэтому поворачивать обратно для тебя крайне нежелательно.

– Я повторяю: плевать я хотел на твои отговорки! Дело сделано – ты обещал. Отпускай меня и сам катись в своей повозке, и притом подальше, понял?

– Я вижу, ты не понимаешь. Скажу проще. С момента нашего соглашения твоя жизнь уже никогда не будет прежней. Поскольку определенные силы уже столкнулись, то, отказавшись, ты навлечешь беду на всех, кто с тобой рядом. Пусть это всего несколько человек, но отважишься ли ты их потерять? Иными словами, выбор у тебя небольшой.

– Проклятый грязный мошенник, – в негодовании Гектор стиснул зубы. – Ты ничего об этом не говорил. Иначе я бы ни за что не согласился. Лучше бы меня вздернули. Ты опять обвел меня вокруг пальца, подлец. Значит, я должен идти дальше, если хочу спасти своих друзей?

– Именно так. – Даже намек на сожаление Пес не уловил в голосе Бэзила. – Правда, есть и хорошие новости. Если ты согласишься идти дальше, тебя ждут не только одни неприятности. Этот путь не из легких, но я уверен, что впереди у тебя немало счастливых событий.

– Это каких же?

– Например, в своем следующем путешествии ты встретишься с некоторыми членами семьи Бронте.

– Не смейся мою лошадь, герр дух, – гнев Пса начал понемногу стихать, и, поразмыслив, он понял, что делать ему все равно нечего, да к тому же молодого прусса всегда тянуло навстречу приключениям. – Я единственный человек, кто остался из нашего рода.

– Отчасти ты прав. В общем, не забывай – следующая возможность отказаться представится после третьего креста, и тогда все будет по-честному.

Бэзил оставил Пса в странном состоянии: с одной стороны, прусс чувствовал некий прилив бодрости духа, а с другой – находился в полном недоумении. Вышло все не совсем так, как ему хотелось. Придется проходить еще целых два испытания, и если они будут такими же сложными, как первое, то радоваться спасению близких, возможно, будет уже некому. Он также поймал себя на мысли, что, зная об этом раньше, все равно согласился бы. Почему же выбор пал именно на него? Чем он заслужил такое внимание? Может быть, Бэзил причастен к тому, что Циклоп оказался скандинавским выходцем? А все отдельные происшествия – это части одного целого или же череда случайностей?

В любом случае, сначала его и викингов ждет награда, а потом сытный обед и несколько кружек лучшего городского пива. И совсем не исключено, чтобы отработать свой долг перед Магнусом, он поступит к нему на службу – друзья в стане наемников у него уже есть и боевое крещение уже пройдено.

Пес представил себя в обмундировании, сражающимся с лютыми придорожными разбойниками. Заодно он устроится помощником к Бальтазару и начнет потихоньку возвращать дядькины долги. А потом Бэзил сведет его с родственниками, вдруг они окажутся богатырями – одним словом, все не так уж и плохо. Мысленно Гектор согласился пройти еще два испытания и посмотреть: если будет неважно – откажется, а если нет – как знать.

Когда путники ступили на перекресток у Нойхаузена, они направили коней в сторону лёбенихтских ворот Ростор. К этому времени луна проиграла борьбу, сдавшись упорному натиску солнца, и на горизонте забрезжил младший брат яркой звезды – рассвет. В размышлениях Пес не замечал никого вокруг, но вдруг очнулся. И если викингов уже довелось узнать немного лучше, то свое внимание на Анну прусс обратил впервые.

Одежда ее была еще хуже той, что носили люди в Повундене: все-таки недели, проведенные в застенках дьявольской церкви, наложили свой омерзительный отпечаток. Но ее лицо, выражавшее неразделенную ни с кем боль и страдания, лицо, заляпанное размазанной слезами грязью, лицо, в синяках и ссадинах от побоев, заставило Гектора посмотреть на женщину по-другому.

К своим двадцати восьми годам он ни разу не был женат и никогда об этом не думал всерьез, а вот сейчас в его сердце приятно кольнуло. Беглец представил Анну отмытую, в чистой одежде, с улыбкой на лице. От этих светлых мыслей Пес едва не свалился с лошади.

Прусс решил, что пока бывшая пленница поживет у них с Бальтазаром, ведь в таком большом хозяйстве, как у Прустовского, помощники нужны всегда. Так что работа ей найдется. Наверняка придется позаботиться о том, чтобы Анна смогла получить гражданство – возможно, за принесенные им бумаги братья-тевтоны смогут расщедриться. И хотя крестьяне нужнее ордену на полях, а не в городах, возможно, любезные рыцари согласятся на маленькое исключение.

Пока путешественники подходили к воротам Ростор, Гектор все больше думал о своих родственниках. Дядька постоянно твердил, что, кроме него да Пса, никого не осталось. Как же так? Не ошибся ли Бэзил? Вопросов было гораздо больше, чем ответов.

На удивление бодрый в такую рань, привратник долго всматривался в нарочно искривленное лицо дворянина. Не выдержав молчаливого напряжения, Тронд сыпанул стражу несколько монет в протянутую руку, и процессия спокойно двинулась в сторону рекрутской

конторы Магнуса. Мужчины вошли внутрь, а девушка, так за всю дорогу не проронившая ни слова, осталась дожидаться снаружи.

– Приветствую тебя, капитан Магнус, – Гектор протянул шведу руку, а викинги почтенно кивнули своему хозяину. – Наш поход...

– Где добыча? – Не дав пруссу договорить, хозяин конторы, неизвестно, спавший ли хоть раз за всю жизнь, сразу перешел к главному: – Что-то я не вижу у тебя мешков с золотом. Где вы таскались? Гектор, ты мне что обещал? Только не говори, что попросту гонял моих людей непонятно зачем.

– Э-э, ты понимаешь, Магнус... Мы нашли нечто гораздо более ценное, чем золото и серебро. Видишь ли, то, чем мы завладели, орден оценит сверхположенного. Вас озолотят, мне надо только показать им эти бумаги...

– Что? Ты сказал бумаги? – кустистые брови капитана наемников грозно сошлись у переносицы. – Я дал тебе двух человек, чтобы вы разорили логово жестоких, но богатых разбойников, так?

– Так.

– А ты что принес? Бумаги?

– Да, – Пес слегка стушевался.

– А теперь приложи все усилия, дабы объяснить, каким образом связаны орден, твои бумажки и мое потерянное время и деньги, которые должен мне ты!

– Знаешь, тут такое дело... Как мы убедились на собственной шкуре, да и Тронд не даст соврать, те разбойники, о которых я говорил, на самом деле оказались инквизиторами, и никаких драгоценностей мы там не обнаружили, – исподлобья глянув на Тронда, Гектор, как всегда, не увидел на его лице ни малейших эмоций, а Гуннар продолжал все так же беззаботно улыбаться. – Нам очень повезло, что мы вышли оттуда живыми.

– Честно говоря, уж лучше бы ты там подох, Бронте. – По тону Магнуса невозможно было понять, разозлился он или же у него хорошее настроение. – Ведь от тебя нет ни малейшей пользы. Ты, как комар без жала, только и можешь, что жужжать, а укусить-то нечем. И зачем я только с тобой связался? Может, скажешь мне, наконец, остолоп и пугало, чтоб тебя акулы ободрали, огородное?

Гектор не нашелся, что ответить, и пока он соображал, Магнус обратился к Тронду на своем языке. Вмешиваться в их разговор прусс не решился, и, когда они закончили, швед махнул рукой в сторону незадачливого должника. Этот жест, в отличие от тона, Псу был предельно ясен, и он незамедлительно ретировался из рекрутской конторы. Через минуту за ним вышел Тронд. Он объяснил Гектору, что Магнус дает ему самый последний шанс и, если эти бумажки нельзя обменять на деньги в замке, Тронду велено зарезать паршивого прусса в подворотне как свинью.

Даже намек на тень улыбки на лице скандинавского воина Пес не заметил и беззаветно поверил во всю серьезность намерения сурового викинга выполнить приказ хозяина. Кишки Гектора за последнее время привыкли к разнообразным кульбитам, поэтому он даже толком не обратил внимания на их очередное сальто в своей утробе, но вязкая слюна все-таки предательски застряла в сухой глотке.

Оставалось надеяться только на Бэзила, и, если он обманул, Пса ожидала скоропостижная кончина не сегодня, так завтра от рук исполнительного скандинава. Бежать бесполезно: во-первых, у него появилась ответственность за судьбу Анны, а во-вторых, новый крест искать все равно надо, ведь родственники, как сказал дух, живут где-то поблизости.

В крайнем случае, если его опять посадят в тюрьму, невидимка снова найдет способ его освободить. Перед тем как отправиться в замок вместе с викингом, Гектор уговорил Тронда, чтобы тот разрешил ему отвести Анну к Бальтазару. Пес ничего не стал объяснять другу, только попросил его присмотреть за ней, пока не вернется с хорошими новостями. Не зада-

вая лишних вопросов, добродушный поляк ободряюще улыбнулся девушке и повел отпаивать своим лучшим в слободе бульоном.

Заранее Гектор мысленно попрощался и с Анной и с Бальтазаром – как знать, что готовит ему встреча с рыцарями. Благоразумно дождавшись девяти часов пополудни на лавке у рекрутской конторы, странники направились в крепость.

Замковая башня кёнигсбергской ставки Немецкого ордена была видна с любой точки самбийской столицы, но особенно хорошо она просматривалась из Альтштадта, единственного города, из которого можно было войти в крепость. Кёнигсбергский замок, конечно, не мог по размерам сравниться с резиденцией Верховного магистра – Мариенбургом, но за сто пятьдесят лет своего существования нога врага так и не ступила на ровную брусчатку крепости.

Тому причиной служили стены шириной в полтора человеческих роста и высотой в пять. Традиционно прусские замки строились рыцарями в форме замкнутого четырехугольника. Исключением не был и кёнигсбергский, один из мощнейших оплотов тевтонской корпорации, окруженный рвом с водой со всех сторон, кроме южной. На ручье Катцбах²⁴, соединенным со рвом и огибавшим твердыню с севера и востока, стояли четыре мельницы, мирно молотившие зерно для нужд братьев.

– А ты и вправду зарезал бы меня под забором, Тронд? – до замка оставалось идти не больше пяти минут, и Гектор, отчаянно скрывая волнение, решил напоследок занять себя любым разговором.

– И глазом бы не моргнул, – викинг почесал за ухом, зорко присматривая за Псом и готовый в любой момент схватить его, если тот вдруг попытается сбежать.

– А как же все, через что мы прошли? Неужели ты не почувствовал, что мы как-то сблизились? Ты, я, Анна и Гуннар. Мы же вышли живыми из ада, разве ты не согласен? Я бы никогда не смог зарезать близкого мне человека.

– Ты думаешь, я тебя из-за великой дружбы спасал? – как обычно, лицо датчанина не выражало ни радости, ни сожаления. – Ты же сказал, что там будет чем поживиться. А там ничего не было. Значит, ты меня обманул. И не только меня. Мы рисковали жизнью даром. А так дела не делаются, если тебе нужна помощь – плати. Либо марками, либо кровью.

Путь к арочным воротам твердыни, увенчанным рельефом с изображением одного из крестоносцев, проходил через форбург²⁵. Форбург предназначался исключительно для хозяйственных нужд. Здешние постройки включали в себя бани, кладовые для фуража и пива, конюшни, кузницы, мастерские, пекарни, литейный цех, амбары и казармы.

Отсюда открывался не очень красивый вид на искусственный пруд Шлосстайх, облюбованный кожемяками с их смрадным производством и загрязненный естественными отправлениями братьев-тевтонов. Но горожане все равно любили частенько ходить на водоем в надежде углядеть там кочующих лебедей или хотя бы уток.

– Ну вот и пришли. – На пути конвоира и сопровождаемого перед главными воротами стояли два стражника с высокими пиками.

– Стоять. Кто такие? Куда идете? – охранник, тот, что с усами, смерил запыленных посетителей презрительным взглядом.

– У нас важное донесение для хаускомтура²⁶, а быть может, и самого маршала. Как знать, господа, – Пес помахал перед носом усатого свернутыми в трубочку пожелтевшими листьями. – Следует отдать лично в руки.

²⁴ Ручей Катцбах – Кошачий ручей. Названный так, по одной из версий, из-за того, что по ночам ведьмы превращались в черных кошек и облюбовали себе этот ручеек для прогулок на маленьких лодочках. Вторая версия гласит, что ручей стали именовать Кошачьим по одной простой причине – он был настолько мелок, что его могла перейти вброд даже кошка.

²⁵ Форбург – входная часть крепости.

²⁶ Хаускомтур – непосредственный управляющий крепостью.

– По-моему, я тебя где-то видел. Как твое имя? – второй стражник, с заячьей губой, подозрительно уставился на прусса, хорошо, что тот, пока был у Бальтазара, успел умыться, причесаться и переодеться. – Уж больно рожа твоя мне знакома.

– Дитрих звать. Не мог ты меня видеть, а то бы и я твою наглую харю тоже запомнил. – Поначалу Пес хотел как можно учтивее пройти внутрь крепости, но все-таки его задиристая натура взяла верх: – Слышал, что я сказал? У меня документы для братьев! Это не терпит отлагательств и настолько важно, что ты, даже раздуйся твоя бестолковая башка до размеров перезревшей тыквы, все равно бы не понял.

Стражники удивленно переглянулись, пожав плечами, и охранник, имевший особую природную отметину, повел Пса и Тронда в глубь открытой площадки. Прямоугольный замок располагал девятью настенными башнями, отдельным переходом с западным флигелем соединялся данцкер²⁷, стоявший над ручьем. Просторный внутренний двор был вымощен камнем с таким уклоном, чтобы дождевая вода стекала в вырытый здесь колодец. Раньше во дворе, до постройки нового зернохранилища в форбурге, у южной стены стоял старый сарай, где хранили посевные. Именно здесь, в отгороженном помещении старого амбара, находилась та самая тюремная камера, откуда удалось сбежать Псу с помощью невесты откуда взявшегося духа Бэзила.

Укравкой покосившись налево, Гектор увидел, что знакомая калитка, через которую он ускользнул из замка, оказалась закрытой на тяжелый замок. По телу прусса пробежала холодная дрожь, но совсем не похожая на ту, что испытывает преступник, вновь оказавшийся на месте преступления. Вспотевшими пальцами беглец перебирал заветные бумажки, как если бы они были его пропуском в мир прошлого, где некогда он жил в ладах с законом.

Вот уже как сто лет Кёнигсбергский замок являлся резиденцией орденового маршала. В связи с переездом столь важной персоны местный капитул²⁸ принял решение о расширении площади замка. Для высокопоставленного военачальника к северной стене пристроили отдельное здание, включавшее в себя все необходимые помещения: спальню, кабинет, капеллу, трапезную и комнату для слуг. Вход на второй этаж осуществлялся с внутреннего двора через крытую галерею. На первом этаже размещались кухня и оружейные палаты. Об архитектуре и убранстве маршальской пристройки племяннику как-то поведал дядя, неоднократно посещавший одно из первых лиц ордена в связи с договорами по янтарю²⁹.

Для Тронда посещение рыцарской цитадели происходило впервые, и он с интересом наблюдал за тем, что творится вокруг. Десятки людей сновали туда-сюда, каждый занятый своим делом. Кто-то катил пустые бочки из трапезной в сторону громоздких телег, а кто-то, наоборот, разгружал с них полные, чтобы откатить на склад. Одни – охапками, а другие на вилах тащили сено в конюшню. Некоторые на плече несли длинные доски на второй этаж. Кто-то рубил дрова для кухни, еще кто-то, держа под руку, прогуливал одряхлевшего рыцаря.

Но самое увлекательное зрелище развернулось в центре двора. Здесь поставили несколько чучел, набитых соломой, и орденский полубрат демонстрировал местным ополченцам как правильно надо рубить, сечь и колоть. За учениями с интересом наблюдал невысокий рыцарь в полном боевом снаряжении и поправлял полубрата³⁰, если тот делал что-то не так. Перед всей компанией на столе лежали ятаганы, палицы, дротики, щиты, шлемы и броня, из обрывков разговоров доносились объяснения о преимуществах и недостатках одного оружия перед другим.

²⁷ Данцкер – отхожее место.

²⁸ Капитул – коллегиальный совещательный орган.

²⁹ Янтарная мануфактура – монопольная добыча и обработка янтаря находилась под строгим контролем маршала ордена.

³⁰ Полубрат – появившись во второй половине тринадцатого века, полубратья не являлись полноправными членами ордена. Выполняли вспомогательные функции, а при объявлении всеобщей мобилизации брались за оружие.

Пес шел не поднимая головы, стараясь лишний раз не выдавать себя. Правда, на их троицу и так никто не обращал ни малейшего внимания. У ворот в здание конвента стояла еще пара стражников. Провожатый визитеров объяснил привратникам цель их появления в замке и, насвистывая известную песенку, отправился на свое место к главным воротам.

Трехэтажное здание конвента имело квадратную форму и располагалось в западной части замка. Судя по задушевым разговорам знакомых купцов, на первом этаже конвент-хауза находились кухня, кладовые и небольшое помещение, в котором нагревали воздух, что сквозь многочисленные отверстия в полу отапливал жилой этаж.

В восточной части второго, самого главного этажа обустроили капеллу, изображения святых в которой были призваны укреплять дух молившихся рыцарей. В западной части размещался зал капитула, того самого места, где приняли решение о казни Гектора. Между капитулом и капеллой находился архив. Северное крыло вмещало в себя спальни и покои рыцарей, здесь же оказались ворота во внутренний двор, в котором вырыли глубокий колодец, выложенный кирпичом и камнем.

Здесьняя архитектура особо не отличалась от той, что была снаружи – те же крытые галереи, те же овальные в верхней части окна, те же двускатные остроконечные крыши. Единственная разница заключалась в отсутствии рабочего люда. Зато здесь, одни во дворе на скамейках, другие – на балюстраде, присутствовали братья, настоящие рыцари-монахи – основа Тевтонского ордена.

Оделись они все свободно: черные полотняные штаны и такие же кафтаны, без доспехов и оружия. Среди братьев Пес заметил и тех, кто недавно обрек его на смерть. Легкое чувство неприязни к своим палачам на секунду овладело Гектором, но он взял себя в руки и быстрым шагом поспешил за своим новым провожатым наверх – в прихожую зала капитула.

Когда они вошли, стражник резво обыскал их и попросил немного подождать, пока он сообщит хаускомтуру о прибывших. В небольшой светлой комнатке вдоль двух противоположных стен стояли деревянные стулья с подлокотниками и высокими резными спинками, на которые присели в ожидании Пес и Тронд.

Через минуту охранник высунулся из приоткрытой двери и жестом пригласил их войти. Почувствовав непреодолимую тяжесть в ногах, Гектор, мокрый от волнения, с трудом встал. Викинг учтиво пропустил прусса вперед.

Посредине зала, того самого, где пруссу вынесли смертный приговор, стоял огромный овальный стол, во главе которого сидел сам хаускомтур Гюнтер фон Плотке, слева от него находился еще один рыцарь, которого Пес раньше не видел. Этот человек обладал решительным и цепким взглядом. На вид ему было лет сорок, седина слегка украсила его виски, а высокий лоб предполагал незаурядные умственные способности. Справа за отдельным столом восседал окруженный ворохом бумаг кумпан³¹. Стражник поспешно удалился, почти что прикрыв за собой двери. Гектор не решался первым открыть рот.

– Ну? Какое у вас дело? С чем пожаловали, досточтимые господа? – хаускомтур приветливо развел руками.

– Меня зовут Гектор Бронте. Позавчера меня должны были казнить. Уважаемый капитул приговорил меня к смертной казни через повешение, – сам того не понимая, как он сумел это произнести, Пес решил идти до конца. – Но я сбежал. И вот сейчас снова стою перед вами, только уже не в качестве преступника.

Брови незнакомого брата поползли вверх, и он потер глаза кулаками, как будто убеждаясь в реальности происходящего, а секретарь от неожиданности даже выронил перо.

³¹ Кумпан – секретарь, писарь.

– Так это ты? Надеюсь, у тебя очень серьезный повод, чтобы вот так нагло заявиться сюда, – кулак фон Плотке с грохотом обрушился на стол; писарь, склонившись над бумагой, делал вид, что занят делом, успевая при этом украдкой поглядывать на Пса.

– Даже более чем. Я сбежал отсюда лишь с одной единственной целью! – В голосе Гектора рыцарю послышалась вовсе не наглость, но отвага. – Мое сердце воспыало ненавистью к вопиющему факту самоуправства и жестокости.

– Не может быть, – незнакомый Гектору рыцарь впервые подал свой негромкий властный голос. – Очень интересно, продолжай.

– Дело в том, что некий незнакомец, посетивший меня накануне казни, поведал одну свою догадку касательно орудующей в округе шайки инквизиторов.

Теперь настала очередь удивляться фон Плотке.

– Я сам сначала не поверил, – Гектор затараторил так, что Тронду пришлось похлопать его по спине, чтобы он не задохнулся. – Но, являясь исключительно верующим и богобоязненным человеком, решил во что бы то ни стало лично проверить сказанное, для чего мне и пришлось бежать. Ведь Господь не простил бы мне бездействия, а убеждать в своей правоте почтенных братьев у меня не было времени. Да и, положив руку на сердце, вряд ли кто-нибудь мне бы поверил.

– А почему же твой посетитель сам не явился к нам?

– Он немой, а я понимаю их язык, специально меня нашел, едва не опоздал...

– Бред какой-то. Ну и что? Нашел инквизиторов? Я склоняюсь больше к тому, что ты накануне смерти тронулся умом и сейчас жгучее чувство совести привело тебя сюда, – выглянув в окно, хаускомтур крикнул привратнику, чтобы тот поднялся. – Другого объяснения не нахожу. Твой друг, если он чист перед Богом и законом, может идти, а тебе, Бронте, придется остаться. Правосудие должно быть восстановлено.

– Подожди, Гюнтер, не спеши, – жилистая рука другого брата дотронулась до рукава фон Плотке. – Он не производит впечатления полудурка. Ты нам что-то принес, давай-ка посмотрим.

Поскольку Пес стоял как вкопанный, вслушиваясь в шаги стражника, поднимавшегося к ним наверх, Тронд взял из дрожащих рук Гектора свитки и положил их на стол перед двумя рыцарями. По мере того как они изучали содержимое бумаг, напряжение в комнате возрастало. Прусс в очередной раз задумался о побеге, но бежать было некуда – путь назад преграждал появившийся в дверях охранник, а скакать на улицу через окна, как известно, чревато множественными переломами.

Пот струился по спине прусса ручьем, дыхание участилось, в конце концов ноги Пса подкосились, и от падения на холодный пол его спас вовремя подхвативший обмякшее тело Тронд. Викинг с молчаливого разрешения рыцаря усадил обессиленного Гектора на массивный дубовый стул и обхватил напарника за плечи, чтобы тот не соскользнул набок. Минуты тянулись мучительно долго – даже дольше, чем в инквизиторском подвале, и Пес почти потерял сознание, не в силах более ожидать развязки.

– Что с ним? – От острого взгляда властного рыцаря скрыть полубоморочное состояние необычного посетителя было невозможно.

– Это от духоты, у него иногда бывает, – невозмутимый Тронд растормошил Гектора, чтобы тот мог слышать, что ему говорят.

– Действительно, очень ценные документы. Но откуда они у вас? Как вы сумели их раздобыть? Они не поддельные?

– Даю слово и даже могу поклясться на Библии – свитки настоящие. Правда, они нам очень дорого стоили. Эти звери уложили троих наших. А у них семьи, дети, – Тронд, уважительно склонившись перед важными чиновниками, развел руками. – Всех надо кормить,

а кормильцев потеряли. Я не переносу детских и женских слез, как теперь смотреть им в глаза...

– Ах да, конечно, мы все понимаем. Гюнтер, разберись, пожалуйста, с этим господином. А у меня есть несколько вопросов к нашему новому помощнику, – после того как викинг и управляющий скрылись за дверями, рыцарь подсел к Псу. – Меня зовут Генрих фон Плауэн. То, что вы нам принесли, несомненно, окажет помощь в будущем. Однако сейчас важно обратить внимание на другое – наши государственные границы трещат по швам. Польско-литовская корона готовит нам сокрушительный удар. Ты меня слышишь?

– Да-да, слышу, – Гектор пришел в себя и с удивлением оглядывался по сторонам в поисках Тронда. – А где...

– Он ушел с фон Плотке решать финансовые вопросы. Слушай внимательно. Я редко ошибаюсь и сейчас вижу в тебе храброго воина, такие нам всегда нужны. Война неизбежна – это всего лишь вопрос времени. Вина на тебе еще осталась, но ее можно искупить...

– Вы уверены? А как же стража, тюрьма? – все еще потные руки Пса теребили край фламандской кружевной скатерти. – Я же преступник, и все такое...

– Ну и что? – холодный взгляд фон Плауэна уперся в удивленные глаза прусса. – Обычное дело, честно говоря, у нас здесь много оступившихся людей. Я вижу, вы дружны с этим наемником, что очень важно на поле боя. Каждый отдельный отряд может переломить ход битвы. Ну как, пойдешь к нам полубратом?

Вот это да! Какой любопытный поворот событий! Опешивший Пес не моргая смотрел на Генриха, все еще сомневаясь в такой невообразимой милости. Самочувствие прусса многократно улучшилось, когда фон Плауэн повторил предложение. Однако, сославшись на недомогание в животе, Гектор клятвенно пообещал обмозговать все как следует на свежую голову, а пока ему «надобно немного подлечиться».

Прежде чем покинуть конвентхауз, Пес поинтересовался относительно своих будущих обязанностей в качестве серого брата. Как выяснилось, ему предстояло шесть дней в неделю находиться в гарнизоне замка, в определенные дни нести дежурство и, если он не против, еще и помогать братьям с продуктовым обеспечением крепости – все-таки фамилия Бронте была в городе на слуху.

Обеты бедности и целомудрия его не касались, а значит, все свободное время он мог проводить как ему заблагорассудится, то есть жить по мирским обычаям. В свою очередь рыцари выделяли ему коня, оружие, броню и на первое время инструктора по боевому искусству. Но самое главное – с него полностью снимались все обвинения.

Попрощавшись с фон Плауэном, Гектор откланялся на выходе из зала и медленным усталым шагом направился в сторону ворот: через калитку выходить он не рискнул. Тронд как сквозь землю провалился. Скорее всего, получив денежки, викинг сразу же умчался к Магнусу. По крайней мере, один тяжелый камень свалился с плеч так настрадавшегося за последнее время прусса. А насчет службы тевтонам Пес решил призадуматься всерьез.

За принесенные документы его все равно простили, и жить он мог как раньше. Но если верить фон Плауэну, то Пруссия находилась перед лицом смертельной опасности со стороны Великой Польши и их литовских прихлебателей. Стране, где родился Гектор Бронте, уже который раз угрожала война, причем на этот раз такая, что может изменить ход истории всей Восточной Европы.

Еще ни разу Пес не призывался на воинскую службу по законам ордена. В военное время каждый крупный землевладелец обязывался прибыть на поле брани с определенным количеством воинов, лошадей и вооружения. Иначе ему было необходимо выплатить рыцарям соответствующую компенсацию, которой хватило бы на замену вельможи со свитой.

Однако в то время, когда Гектор набрал достаточную для призыва форму³², никаких серьезных конфликтов орденское государство не переживало. Его дядька и Бальтазар пару раз откупались, но и тогда ни о какой крупномасштабной войне речи не велось. Мысль о том, что родные улочки и подворотни вскоре могут захватить вражеские солдаты, а всех жителей поработить, Гектора совсем не прельщала.

Патриотом до зубовного скрежета Пес себя не считал, но родину очень любил и только сейчас понял, что рано или поздно за свободу придется сражаться, проливая собственную, а если повезет – то и чужую кровь.

Тем не менее мысль о службе Дому тевтонскому ему всегда была противна, поскольку он хорошо помнил, как рыцари сюда пришли. Сколько жизней было загублено, сколько домов разрушено и сколько страданий выпало на долю пруссов. Но той знати, которая стала сотрудничать с орденом и приняла христианство, сохранили все права и земли, поэтому его предков карающая десница не коснулась.

При всем при том рассказы, какие Пес слушал от коренных жителей в трактирах и на торговых площадях, постепенно разжигали в нем ненависть к немцам. И присягать на верность узурпаторам приравнялось для него к предательству своего народа. В то же время он прекрасно понимал, что братья принесли в эти земли определенный порядок и совершенство, обучили коренных жителей чтению и письму.

Они навсегда прекратили извечные междоусобные войны между прусскими племенами и создали единое процветающее духовно-рыцарское государство. Таким образом, на одну чашу весов ложилась любовь к родине, а на другую – пренебрежительное отношение к завоевателям этой родины. Хотя цели у него и у братьев совпадали, но встать под их знамя...

– Ты не поверишь, друг, – Гектор обмакивал ломоть пшеничного хлеба в наваристый бараний суп с капустой и морковью. – Меня пригласили служить в орден. Еще позавчера меня собирались повесить, а сейчас зовут полубратом. Как непостоянен это мир!

– Да ну, – схватив за ухо кухонного служку, подслушивающего под дверью, Бальтазар дал ему пинка. – И что ты думаешь? Пойдешь? Может, поможешь мне с их закупками: в городе судачат, что грядут тяжелые времена, ну ты знаешь этих базарных пустомель. Заказы потихоньку урезают, платят все меньше. Все откладывают на черный день. А что там в замке говорят?

– Что назревает решающая битва. Вот затем я им и нужен, хотя какой из меня воин, сам посуди. Я меч последний раз держал лет пять назад. Меня же первый поляк изрубит на куски, как ты этого барана.

– Вот тут ты ошибаешься, Пес. Раз они тебя зовут, значит, такой им нужен. Они дурачков с улицы не набирают. Ты знаешь людей в городе, можешь много чего достать, вон друзья у тебя в наемниках. Здесь только деловой подход, я думаю. На поле тебя, видно, поставят в резерв, хотя тренировать все же будут.

– Вот и думаю – ну что я один могу сделать, какой от меня толк? Вреда больше: неровен час из своих кого-нибудь нечаянно зацеплю, пока железяками махать буду. – Краник на большой пузатой бочке тихо скрипнул, и в оловянную кружку потекло золотистое пиво, наполняя кухню сладковатым запахом солода. – Ну да, Пруссия в опасности, но я-то что могу? Что, мы с двумя викингами изменим ход битвы, что ли? Да еще, как ты говоришь, в резерве.

– Будь немного поумнее, Пес, ты бы уяснил одну простую военную истину – войну делает не воевода, а солдат. Вот только представь, – одновременно Бальтазар отдавал распоряжения повару, снующему вокруг них в поисках большого тесака для разделывания косули, – если бы каждый начал так причитать? Кто бы тогда воевал?

³² Призыв в военные походы – в орден призывались физически хорошо развитые подростки возрастом от 14 лет.

– Не знаю, друг, не знаю...

– Ну что я один сделаю? – Бальтазар передразнил незадачливого друга. – И все остались бы дома горевать о судьбе своей несчастной отчизны. И что бы тогда было? Да, братья полтора-два года назад вас прижали к ногтю, но кто сейчас посмеет жаловаться? Они к пруссам лучше, чем к немцам своим, относятся.

– Ты к чему это все? Считаешь, что я должен идти? А где Анна, кстати? Оставим ее?

– Во-первых, я ничего тебе не советую, принять решение должен ты сам. Я только высказал свое мнение. А вот твоя Анна сначала замкнутая и грустная была, и я подумал, что там у вас, видимо, что-то очень страшное произошло. Но ты же знаешь, я в такие дела никогда не суюсь, поэтому налил ей разогретого вина с моими особыми травами, и вроде девчонке немножко полегчало. Сейчас поднялась в комнату, спит. Оставим или нет – смотри сам, я не против.

– Спасибо тебе, Бальтазар, ты меня всегда выручал. Никогда этого не забуду, – Пес допил пиво и отнес плошку, где был суп, чтобы прислуга помыла.

– Ладно, иди уже к себе, полубрат несчастный.

Все-таки определенный смысл влиться в орден, несомненно, имелся. Измученную и настрадавшуюся Анну Пес выгонять не имел никакого права, справедливо подозревая, что идти ей совершенно некуда. А если орден разрешал оставаться мирянином, то быть женатым не возбранялось. Гектору давно уже хотелось обзавестись своей семьей, но все время что-то мешало, а главное – не встречалось той единственной на его тернистом пути. И наконец, пусть даже при таких трагических обстоятельствах, он нашел и спас ту, за которую не жалко и не стыдно умереть.

Вдруг Псу отчетливо вспомнился брат Джанлука, поход с викингами в чертову церковь, отец Джузеппе, факелы в злополучном коридоре, Гзанда и даже капельки пота на лысине брата Джанини. Ему показалось, что все это как-то связано, но образы начали слоями накладываться друг на друга, картина получалась какая-то расплывчатая, и установить четкую связь Псу не удалось. Но сам факт, что некая взаимосвязь определенно существует, отчетливо и прочно укоренился у него в голове.

Не зря они вытаскивали из того кошмара Анну, и, может быть, обретение креста заключалось не в том, чтобы уничтожить этого выродка Гзанду, а, напротив, спасти ее? В жизни, как давно уяснил Гектор, совпадений не бывает. Что же хотел от него Бэзил? Зачем он отправил его туда? И чем больше Пес об этом думал, тем больше укреплялся в мысли, что Анна в его жизни появилась неслучайно. И это могло означать только одно – ему надлежало защищать ее. Но, прежде всего, необходимо отстоять свою обитель – Кёнигсберг, а то и всю Пруссию.

Сомнений больше не осталось – ради этой женщины он был готов перешагнуть через свою гордость и встать бок о бок с рыцарями на поле брани. Никто больше не посмеет и пальцем тронуть Анну, а он, Пес, если понадобится, отдаст свою жизнь за ее спокойное существование.

Эти два дня он решил провести с Анной: узнать ее получше, поговорить с ней, рассказать о себе, а вдруг она не захочет быть с ним? А что, если у нее другие планы и, возможно, где-нибудь остались родственники? Или она захочет скорее забыть этот кошмар и навсегда исчезнуть из этих проклятых краев?

Вот об этом Пес не подумал, поэтому в легком замешательстве зашел к себе в комнату и уселся, обняв согнутые в коленях ноги, на тяжелый кованый сундук, служивший одновременно и шкафом, и дополнительным стулом, а иногда даже и кроватью. Солнце уже спряталось за горизонтом, а он все сидел и гадал: что же будет с ними дальше и как Анна отзовется на его ухаживания?

Гектор поймал себя на мысли, что никогда так долго не размышлял о чем-то одном, никогда не углублялся во всевозможные фантазии и рассуждения, особенно по поводу женщин. Это было странное чувство, но оно ему понравилось. Когда в дверь постучали и вошел слуга, чтобы занести пруссу фрикадельки с подливкой и брагу, он стряхнул с себя оковы тяжелых дум и твердо решил, что утром обязательно поговорит с Анной.

– Анна, ты здесь? – Едва дождавшись рассвета, Пес, немного стесняясь, постучал в соседнюю дверь.

– Да, да. – Было ясно, что девушка давно уже не спала. – Это ты, Гектор? Входи.

– Э-э, я вот зашел узнать, как ты? Удобно ли здесь?

По благодарному взгляду Анны, сидевшей в изголовье кровати и закутавшейся в одеяло из овечьей шерсти, Пес предположил, что это, возможно, лучшее из всех мест, где ей приходилось бывать.

– Зачем ты спрашиваешь? Насколько я помню, мне ни разу в жизни не доводилось спать на чистой постели. Правда, воздух здесь не такой свежий, как у нас в... – бедняжка осеклась, и через секунду ее милое лицо залили слезы.

– Не нужно, Анна, все уже позади, – Гектор присел рядом и осторожно взял девушку за руку. – Надо постараться скорее забыть все, отпустить. Главное, что мы остались живы, а это самая ценная награда для наших близких.

– Ты так думаешь? – кулачками размазывая слезы, Анна с надеждой посмотрела на Пса.

– А как же, конечно, – тут прусс понял, что надо говорить быстро и решительно, чтобы не усугублять и без того напряженную обстановку. – У меня ведь тоже... хм... непростая судьба. Хочешь, расскажу?

Анна кивнула, и Гектор, поднявшись с кровати и прислонившись к стене, начал свой рассказ. Родился он двадцать восемь лет назад здесь, в Кёнигсберге, в семье зажиточных прусских дворян. Его родители, потомки древних прусских знатных правителей, владели внушительными наделами, на которых трудились крестьяне, ежемесячно снабжавшие семейство Бронте мясом, зерном и овощами. А отец продавал продовольствие либо перекупщикам, либо братьям. Так появлялись деньги, причем очень неплохие.

Пес помнил из детства, как его мать носила красивые янтарные, золотые или серебряные украшения. Они постоянно разъезжали в гости к друзьям и родственникам в Данциг, Торн, Магдебург, Кульм, Бранденбург. Семья Бронте жила дружно и счастливо, постоянно балуя своего шустрого и смышленного сынишку. Правда, здесь существовало одно «но» – Гектор о многом знал лишь из рассказов. Его родители скончались, когда ему было всего четыре года.

В результате чудовищного недоразумения семейная пара Бронте отошла в лучший мир. Как-то в одной из поездок отец Гектора сильно поранился, а мать, давно уже страдавшая от удушья, в том же путешествии почувствовала себя значительно хуже. Поэтому семье пришлось в спешном порядке развернуть повозки обратно домой.

Когда они добрались до альтштадтского госпиталя «К Святому Духу», у господина Бронте на ноге появились признаки антонова огня, а у матушки сухой кашель перемежался с громким легочным свистом. Заезжий арабский врач-путешественник, присутствовавший тогда в больнице, немедленно рекомендовал наложить мужчине повязку с лекарственной мазью. Женщине полагалось, накрывшись плотным куском материи, вдыхать заваренный настой целебных трав.

Несмотря на уверенный тон бородатого врачевателя, его советы остались неслышанными братом Дитрихом фон Коблецем, который в то время также находился в госпитале и поднял сумасбродного араба на смех. Обстоятельства сложились таким печальным образом, что главный эскулап в больнице был назначен на должность недавно и чету Бронте не знал.

Фон Коблец тоже не так давно прибыл сюда из Нижней Саксонии и, пропади он пропадом, в тот день зашел посмотреть, как ухаживают за больными. У брата было свое понимание о врачевании, и он постановил, что у мужа в ноге завелась плохая кровь, от которой надо избавиться. Рыцарь приказал врачу покрепче привязать отца мальчика и что было сил рубанул по голени мужчины своим тяжелым мечом.

А матери надлежало обрить голову, начертить на темени крест, подвесить вверх ногами и держать ее так до тех пор, пока не выйдет злобный дух, нахально поселившийся у нее в груди. В результате такого целительства супруг умер от потери крови, а его жена – от удущья. Это была еще одна причина, по которой Пес возненавидел тевтонов.

После смерти родителей опекунство над малышом Гектором, не имевшим ни братьев ни сестер, взял его дядька, живший сравнительно неподалеку – в Рагните, городе на границе с Литвой. Дела у дядюшки шли неважно, и в опеке над мальчиком он видел возможность заняться торговлей, что впоследствии и осуществил.

Когда мальчик достиг семилетнего возраста, дядя отправил его в магдебургскую семинарию учиться грамоте и счету, поскольку старому холостяку со временем нужно было кому-то передать дела. Став отроком, Пес начал вникать во все тонкости торгового дела. Он учился грамотно организовывать поставки, советовался, как приструнивать вечно жалующихся на высокие поборы крестьян, вникал во все тонкости торговли с купцами. Но самая главная наука заключалась в том, как накопить и приумножить капитал. Все шло своим чередом: Гектор изо всех сил старался помочь опекуну, но вначале этого года произошло весьма странное событие.

Прусс хорошо запомнил тот пасмурный вечер. Они с дядей сидели у очага в своем доме, расположенном между пивным двором Вернера и прядильней матушки Рохмер, и мирно беседовали о том, что сельдь стало сбывать все тяжелее, а соль, наоборот, упала в цене. Вдруг их беседу прервал тревожный стук дверного молотка. Казалось, что человек очень торопится, и, если его не впустят, он разнесет дверь в щепки. Дядюшка осторожно встал и тихой поступью направился ко входу.

Вскоре засов оказался у косяка, а задвижка с грохотом отлетела в сторону. В дом вошел странного вида господин: дождевая вода стекала с грубого шерстяного плаща прямо на порог, на лице и голове полностью отсутствовала какая-либо растительность, а глаза имели приметный миндалевидный разрез. Такой, обычно, имели заезжие с далекого Востока, коих Пес успел навидаться в жизни.

Пришлый господин и дядя разговаривали настолько тихо, что ему был слышен только их неразборчивый шепот. Гектор не подавал виду, что пытается разобрать, о чем они говорят. Вороша кочергой угли, он молча смотрел на верхнюю часть портала камина, где красовался семейный герб Бронте – встающее над морем лучистое солнце и свирепая собачья морда в нижней части.

Но все же Пес сел таким образом, чтобы краем глаза можно было видеть происходящее около двери. Вдруг гость резко дернулся и поглубже завернулся в плащ, но Гектору все-таки удалось разглядеть на щеке незнакомца небольшой шрам в виде креста. Он сразу вспомнил, что однажды, очень давно, видел нечто подобное у дядьки, только не на лице, а на лопатке. Дядя уклончиво ответил, что это родимое пятно, и с тех пор старался не раздеваться при племяннике.

Наконец разговор закончился, и неприятный человек, навестивший обитель Бронте, скрылся так же стремительно, как и пришел. Сколько Гектор ни расспрашивал дядюшку об этом странном визите, у того всегда была одна отговорка, мол, заходил старинный приятель, с которым он давно не виделся.

Постепенно эта история начала забываться, но однажды, когда поздним вечером Пес вернулся домой с полей, где присматривал за посевными работами, дядюшку он дома

не обнаружил. Не появился опекун и на следующий день и через неделю. Все его вещи оставались на месте, сам же он как в воду канул.

Основные дела семьи вел дядя, а Пес оставался лишь на подхвате. Однако после исчезновения родственника ему пришлось взвалить все хозяйство на себя. И хотя знания и навыки у Гектора были, но все как-то не заладилось с самого начала. Все вокруг стали обманывать – и крестьяне и купцы, ко всем прочим напастям произошел резкий скачок цен из-за холодной зимы. Постепенно начали разрываться давние связи с перекупщиками, так мало-помалу его хозяйство стало приходить в упадок.

Гектор продолжал неудачно вкладывать накопленные деньги, и вдруг, как снег на голову, свалилось еще весьма неприятное известие. Оказывается, дядюшка влез по уши в долги. Тогда Пес грешным делом подумал, что именно по этой причине он исчез, и вероятно, его убили. В конце концов, оставшись без должной поддержки, прусс не выдержал. Чтобы отдать часть долга, ему пришлось продать дом и земли, сам он переехал на постоянный двор. Его прежние деловые будни постепенно оттеснили недели, проведенные в пьяном угаре.

Вскоре прусс остался почти без средств к существованию, поэтому ему пришлось поселиться у Бальтазара Прустовского, старинного друга семьи Бронте. Тот разрешил Псу проживать у него бесплатно. Затем произошла та чертова драка, где он, вдрызг пьяный, случайно зарезал зарвавшегося брата, из-за чего и оказался в темнице. Остальное Анна уже знала, за исключением невидимки Бэзила, но Гектор решил пока не открывать своего тайного бесплотного покровителя.

– Какая печальная история, Гектор, – Анна поманила взволнованного, как будто заново пережившего те события, Пса присесть к ней на кровать. – У меня все было гораздо проще... кроме конца.

Действительно, рассказ девушки был типичен для людей ее круга. Деда Анны, эста по национальности, увели в плен ливы, продавшие его затем заезжему из Курляндии светскому землевладельцу. А тот, в свою очередь, подарил его и еще нескольких других невольников самбийскому епископу.

Там дедушка, тогда еще молодой крепкий мужчина, женился на такой же рабыне родом из Полоцкого княжества. С тех пор все их потомство принадлежало церкви, а точнее, лично епископу. Посему они относились к безземельным батракам и трудились на благо «Господа и верных сынов его».

Нынешний епископ вполне благосклонно относился к невольным пленникам и принял за обычай каждый год на день святых Петра и Павла³³ даровать свободу какой-нибудь семье, наделяя ее правами крепостных. Естественно, при условии обязательных оброка, барщины и десятины. Другим немаловажным условием считалось наличие хотя бы одного родственника мужского пола в семье. К сожалению, у Анны остались только мать и сестра, но доброжелательный прелат, оценив трудолюбие и кроткую доброту, принял женщин в число своей домашней челяди.

Вдруг Анна вздрогнула и зарыдала – ведь она беглая крестьянка, за это ее неминуемо ждет суровое наказание, быть может, даже каторга, а сначала розыск и позорный принудительный возврат. Искреннее доверие епископа чудовищно посрамлено – Господь такого не простит. Смущенно выслушав Анну, Гектор не растерялся и пообещал устроить все лучшим образом, переговорив со своими высокопоставленными друзьями из ордена.

– А знаешь, о чем я всю ночь думала? – казалось, девушка немного успокоилась.

– Нет. Скажи мне, – Пес опустил взгляд, ожидая услышать то, что ему так не хотелось. – Я думала о том, что очень хочу здесь остаться. С тобой, с Бальтазаром, ведь у меня больше

³³ День святых Петра и Павла – 28 июня.

никого не осталось, мне некуда идти, – тоненькие, все в синяках ручки Анны обвили шею Гектора. – Можно я здесь останусь?

– Ты не поверишь, – теперь на глаза прусса навернулись слезы, и он тоже обнял девушку, – я тоже об этом думал всю ночь. Боялся, что не захочешь. Но сейчас я тебя никуда не отпущу. Никуда.

Заглянув Анне в глаза, Пес хотел было ее поцеловать, но девушка, улыбнувшись, прижала свой палец к его губам и объяснила, что такие уловки возможны лишь после свадьбы. Все-таки она была религиозным человеком, воспитанная покойной матушкой в очень строгих правилах. Но то, что Анна намекнула на возможность пожениться, подняло Пса на седьмое небо. Вот она! Та самая, которую он ждал почти целую вечность и, пролив за нее собственную кровь, едва не лишился жизни.

Он ее полюбил – поэтому надо жениться, и как можно скорее. Как раз днем Михаэль их и обвенчает после обеденной службы. Она будет помогать по хозяйству Бальтазару, а он пойдет служить в проклятый орден, угробивший его родителей и еще не одну тысячу пруссов.

Но защита благополучия будущей семьи встала для Гектора на первое место, и он все-таки решил отбросить предвзятое отношение к братьям Дома тевтонского. Пес объявил Анне, что ненадолго отлучится, ему нужно договориться кое о чем со своим товарищем-священником, а она пусть идет завтракать вниз на кухню.

– Ну что, Псина, женушку себе подыскал, как я погляжу, – опять в самый неподходящий момент в мысли Гектора клином втиснулся Бэзил. – Хороша девчонка, только ей бы еще получше отмыться...

– А ты не лезь, куда не просят. Тебя, видно, завидки берут, – Пес вышел на неширокую вымощенную лишь около домов на тротуарчиках улицу. – Сам разберусь как-нибудь. Да, кстати, я тут подумал... Если к братьям на службу пойти, то, пожалуй, смогу ее защитить, как считаешь? А что до Бальтазара, то этот здоровяк сам кого хочешь одной лапицей зашибет. В общем, я, наверное, откажусь от твоих крестов.

– Твое дело, конечно, но вспомни, что ты видел у дядюшки на лопатке? Вспомни-вспомни.

– Это... был крест? – от неожиданности прусс чуть не запнулся о веселого курносого мальчугана, мастерившего кораблик прямо посреди дороги.

– А ты как думал? Что ему поставили клеймо?

– Опять ты меня облапошил, жалкий лгун!

– Значит, так. Можешь отказаться, но тогда, напоминаю, произойдут очень неприятные вещи. И уж не думаешь ли ты, Пес, – излюбленный насмешливый тон редко изменял Бэзилу, – что, взявшись за ржавый кинжал, сможешь защитить хотя бы себя, не говоря уже о твоей новой возлюбленной?

– Война будет через год, а то и через два. И к тому времени я буду фехтовать лучше любого мечника во всей Европе!

– Во-первых, с таким заявлением тебе гарантировано место придворного шута, а, во-вторых, кто сказал, что опасность исходит со стороны границы? И вообще, с твоего мира.

– Что-то я не пойму – куда ты меня втянул? С какого-такого моего мира? Ты рискуешь оказаться растертым в порошок, если хоть один волос... – остановившись около Барбаракирхе, Гектор погрозил воздуху кулаком.

– С нее упадет не только волос, а вообще вся голова, если будешь упираться. Тебя никто не тронет, пойми. Свое ты честно отработал, можешь уходить, но в этом случае не досчитаешься как минимум двух человек. Хочешь действительно их защитить, действуй, как я скажу.

– Хорошо, что надо делать, – Пес в очередной раз почувствовал себя букашкой по сравнению с этим чудовищным исполином Бэзилом.

– Вот это совсем другой разговор. – Гектору показалось, что дух улыбнулся. – Помнишь, я говорил тебе о встрече с родственниками? Настало время поближе с ними познакомиться. Зайди в кирху, договорись с Михаэлем о свадьбе, бери лучшую лошадь и скачи на косу³⁴. Если тебе повезет – к вечеру вернешься к себе на свадьбу.

Как объяснил Бэзил, Псу нужно было скакать на север по косе шесть миль³⁵, затем свернуть направо к заливу в сторону танцующего леса. На Куршской косе кроме нескольких рыбацких поселков и сторожевых застав никаких других поселений не было, поэтому Гектор мчался большей частью по пустынной дороге. За все три с половиной часа ему навстречу попались лишь орденский почтовый гонец и один небольшой купеческий обоз, груженный бочками с медом.

Прусс завел лошадь в сосновый лес и пробирался сквозь чащу до тех пор, пока не заметил указанное духом дерево. Эта сосна имела одно странное свойство, как, впрочем, многие другие деревья в этом лесу – в локте от земли она делала петлю и затем, снова распрямляясь, продолжала расти вверх. Именно в это необычное отверстие Бэзил и попросил пролезть Пса, шутиливо намекая, чтобы он там не застрял.

– Если я тебя правильно понял, – Гектор спешился и привязал коня к ветке соседнего дерева, – ты хочешь, чтобы я пролез в эту дыру, образованную гнутой сосной?

– Твои потрясающие умственные способности иной раз заставляют меня усомниться в прозорливости самого царя Соломона, – очередная колкость Бэзила заставила Пса с досадой сплунуть. – Ты буквально все схватываешь на лету. Полежай, полежай, чего стоять раздумывать?

– Доводилось мне в жизни делать много глупостей, но ползать на брюхе по сосновым колючкам – это впервые, – кряхтя, Гектор опустил на колени и, подобно гусенице, начал пролезать сквозь сосновую петлю. – Хотел бы я посмотреть, как бы ты здесь корячился. Вечно влезет невпопад со своими дурацкими штучками.

³⁴ *Куршская коса* – песчаная коса на Балтийском море. Обязана названием древнему племени куршей, которое жило здесь до колонизации земель немецкими рыцарями.

³⁵ *Миля* – мера длины, равная 7,52 километра.

Родственники

– Прокс? Господин Прокс, вы где? – стоило Псу протиснуться сквозь дыру, как он услышал незнакомый голос, судя по всему, принадлежавший подростку. – Ах, вот вы где, хвала богам. Я думал, вас растерзал медведь.

Гектор действительно опешил, когда увидел того, кто его искал. Перед ним верхом на сером жеребце сидел парнишка лет пятнадцати откровенно прусской наружности – светлые волосы до плеч, узкий лоб и мощные скулы. Насмерть перепуганный юноша схватился за кинжал в ожидании возможного нападения.

Прокс? Почему его называли Проксом? Кто этот голубоглазый веснушчатый мальчишка? И одет он как-то странно. Такую одежду – пышные шаровары со складками, полотняные рубахи и плащи с бронзовыми подковообразными фибулами³⁶ на плече – не носят уже лет двести, если не больше.

Неужели на косе еще остались языческие племена? Следом взгляд Пса упал на собственный костюм. Его котта, панталоны и замшевые сапоги исчезли бог весть куда. Взамен них появилось то же одеяние, что и у мальчугана, разве что с серебряной фибулой на плаще. И рукоятка короткого меча на поясе была инкрустирована золотом и янтарем. Гектор поднялся, отряхивая хвою и кору.

– Ты кто? Почему ты называешь меня Проксом?

– Что? Неужели всесильный Аушаутс³⁷ сыграл с вашей памятью злую шутку, господин Прокс, – отрок, неподдельно охая и причитая, спрыгнул с коня и начал совершать странные движения руками.

– Сейчас же прекрати махать перед моим носом! Ты кто такой? И... кто я такой? – Пес тряхнул паренька за плечи.

– Видно, вы упали с коня головой оземь, господин Прокс. Вы что, правда, ничего не помните?

– А что я должен помнить?

– Ну как же. Вы – господин Прокс, сын господина Трудевута Бронте, хозяина этих земель, – наблюдая за реакцией Гектора, подросток все-таки продолжал свои замысловатые движения руками. – Я – ваш слуга Крукше. Мы отправились на охоту, вы поскакали вперед, чтобы настичь кабана, и скрылись из виду. Я кричал-кричал и наконец нашел вас здесь.

– Ты хочешь сказать, что меня зовут Прокс Бронте? И у меня есть живой отец?

– А что ему станется? Конечно, живой. Еще нас всех переживет, хвала Окопирмсу³⁸!

– Ну хорошо, поехали посмотрим. Вот ведь как память-то отшибло.

Крукше свистнул, и через полминуты к ним прискакала изумительная аварской породы лошадь, чью сбрую украсили замысловатым плетением из бронзовой и серебряной проволоки. Гектор никак не мог сообразить, что же все это значит. Бэзил обещал ему встречу с родственниками, но чтобы с отцом... Его давно нет в живых, да и звали его отнюдь не Трудевут. К тому же и самого Пса зовут уж точно не Прокс.

Смысл происходящего пока оставался непознанным, и он молча последовал за Крукше. Когда они выехали из леса на основную дорогу, Гектору показалось, что она стала гораздо уже – здесь с трудом прошла бы даже одна повозка, не говоря о встречной. Пес удивленно хмыкнул, заметив, что никаких съездов к деревьям рыбаков не наблюдалось,

³⁶ *Фибула* – металлическая застежка для одежды, одновременно служащая украшением.

³⁷ *Аушаутс* – бог врачевания в прусской мифологии.

³⁸ *Окопирмс* – в прусской мифологии высшее божество, повелевающее небом и звездами.

а сторожевых башен не было и в помине. Неожиданно Крукше свернул к морю через ту же хвойную чащобу, но на противоположную от залива сторону.

Вскоре они въехали на прогалину, где в окружении вековых деревьев раскинулось древнепрусское поселение. Нет, такое точно невозможно. Подобные места могли еще остаться разве что где-нибудь в Великой пустоши³⁹, но чтобы на косе, прямо под боком у рыцарей...

Урочище представляло собой деревеньку в тринадцать рубленых домов на открытой вытоптанной площадке. Тот, что находился в центре, имел прямоугольную форму и самые большие размеры. Причем его крышу изготовили из гонта⁴⁰, в то время как остальные домики были покрыты камышом и соломой. Как догадался прусс, эта хижина и являлась жилищем его семьи. Все поселение окружал двойной частокол с единственным въездом, куда и направились Гектор-Прокс со слугой. Часовой на входе поприветствовал хозяина и поинтересовался, как прошла охота и как боги помогали ему.

Гектор обратил внимание, что быт у предков оказался весьма незатейливым. Кто-то прямо посередине двора латал рыбацкие сети, кто-то дубил кожу, какая-то женщина длинной иглой вышивала причудливый узор на ленточке для волос. Другая женщина доила корову, шустрые ребятишки беззаботно бегали вокруг, играя на деревянных свистульках заливистый мотив.

– Есть кто дома? – отодвинув оленью шкуру, служившую дверью, Пес протиснулся в глубь жилища.

– О, Прокс, это ты, – всплеснула руками невысокая, полноватая, со светлыми волосами и яркими серо-голубыми глазами привлекательная женщина. – Как поохотились?

Гектор внимательнее присмотрелся к своей новой матери. На ней красовалось длинное льняное узорчатое платье, русые волосы, заплетенные в косы, были собраны на затылке и заколоты костяным гребнем. Выразительные глаза оттеняли серебряные серьги, дополненные такой же прекрасной подвеской. Она ласково улыбнулась Гектору.

Настоящую мать Пес почти не помнил. Единственным отчетливым воспоминанием мог считаться только запах полевых цветов, которыми матушка украшала все комнаты в их просторном доме.

И одна незабудка неизменно выглядывала из ее роскошных светлых волос. Помимо этого, разве еще вечный кашель – женщина кашляла, не переставая ни днем ни ночью, – приходил на ум прусскому аристократу. Ни черт лица, ни походки, ни жестов Гектор воспроизвести в памяти не смог бы.

– Госпожа Скало, вы удивитесь, но Прокс потерял память, – Крукше кинулся к женщине и принялся быстро тараторить. – Вашего сына сшибло веткой с коня, он свалился на землю и, видно, крепко приложился головой. Могучий Потримпо⁴¹, помоги нам!

– Перестань горланить, Крукше, – женщина отмахнулась от слуги. – Что стряслось, Прокс?

– Я вправду ничего не помню, – Пес гадал, насколько похожа эта женщина на его настоящую мать. – Может, и в самом деле рухнул с лошади. Туго нам придется – это же сколько вспоминать придется, мама.

– Не горюй, сынок, – взяв Прокса за руки, Скало ласково заглянула ему в глаза. – Я бы тоже хотела многое забыть. Скоро с пасеки вернется отец и все тебе расскажет.

³⁹ *Великая пустошь* – юго-восточная часть Пруссии. Низовья и поймы рек Прегеля и Немана представляли заболоченную местность, а юго-западная часть дельты Немана переходила в сплошное болото. Немецкий прогресс туда добирался долго и трудно.

⁴⁰ *Гонт* – кровельный материал, состоящий из просмоленной щепы.

⁴¹ *Потримпо* – бог молодости, цветения, источников и рек в прусской мифологии.

Убранство жилища особого впечатления на Гектора не произвело: в доме имелось три комнаты, разделенные тонкими глинобитными перегородками. В одной комнате находилась большая кровать с одеялом, набитым лебяжьим пухом. Там же сложили каменную печь.

В другой поместили кровать поменьше и небольшой сундук. В третьей, где они разговаривали, стоял грубо сколоченный стол, несколько таких же стульев, два сундука и прядильный станок. Пес предположил, что в сундуках находится все богатство их знатной семьи. Не так уж и много для зажиточных прусских дворян.

Скало напонила, что сзади дома привязаны шесть лошадей.

В поселении есть кузница, где также хранится все оружие села, которое, кстати, называется Бронтекамм. Это и есть их потомственные земли. Участком они владеют небольшим, но все необходимое для жизни есть: и рыба, и зверь, и пахотное поле, и огород, и домашняя живность, и пчелы, и вода, и лес. Железо, правда, приходится либо покупать, либо обменивать на пушнину, которой здесь тоже вдоволь – куница, ласка, бобр.

В небольшом котелке, куда новоявленная мать вместе с мясом бросила раскаленные камни, она разогрела для Пса похлебку из оленины, и, когда он промокнул последние капли супа куском хлеба, домой вернулся отец. Это был высокий, крупный мужчина с грубым лицом и густыми волнистыми каштановыми волосами, закрывавшими уши. На его поясе красовался маленький топорик, украшенный местным кузнецом традиционным прусским орнаментом. В руках отец держал длинное копье с бронзовым наконечником.

Следом за ним зашел другой слуга, постарше Крукше, и спросил, сразу ли бросать тарпанье мясо в погреб или сначала, по обычаю, накормить им собак. Трудевут разрешил дать собакам немного мяса со спины животного, а остальное положить на хранение в холодный погреб. Старший Бронте расстегнул плащ и переобулся из сапог в легкие лубяные обмотки. Он лишь удрученно покачал головой, когда узнал, что его сын потерял память. Этого еще ему не хватало. После того как хозяйка налила горячей похлебки мужу, тот принялся неспешно посвящать Гектора в подробности их нелегкой жизни.

Подозрения Пса подтвердились – все-таки он попал в прошлое. Судя по отсутствию каких бы то ни было признаков нахождения здесь тевтонов, год на дворе стоял от силы тысяча двухсотый. Зная, что пруссам не ведом календарь, он не рискнул уточнить у родителей время его пребывания в прошлом. Значит, Бэзил не наврал и устроил ему встречу с родственниками. Как он умудрился перенести сознание Гектора в тело сына его предков Прокса? И зачем? Каким же будет второй крест?

Единственное, в чем дух обманул, так в том, что Пес успеет на собственную свадьбу к вечеру. Даже если он прямо сейчас сломя голову понесется к той изогнутой сосне, то, в лучшем случае, прибудет домой с первыми звездами. Да и вряд ли невидимка даст ему возможность оказаться в своем времени, пока прусс не выполнит новое задание. Поэтому Гектор-Прокс решил подождать, когда Бэзил снова заговорит с ним и объяснит, что нужно делать дальше.

Напоминая сыну недавние события, нынешний отец рассказал, что Брутения⁴² переживает далеко не лучшие времена. Междоусобные войны и постоянные набеги поляков и русичей отравляют жизнь простому люду. В этой неразберихе отправители древнего культа во главе с верховным жрецом Криве-Кривайтисом окончательно подмяли под себя власть в стране, объясняя все невзгоды гневом многочисленных богов.

Народ вспомнил старые времена, когда обстановка была спокойней под властью жрецов, и стал внимательнее прислушиваться к голосу проводников воли божеств. На деле же положение только ухудшилось, однако жрецы вопреки всему разумному продолжают совер-

⁴² Брутения – древнее название Пруссии.

шать больше жертвоприношений и бездумно посылают людей на гибель в чужие земли. Круг замкнулся, если такое продлится, страну ожидает мучительная смерть.

Из дальнейшего рассказа выяснилось, что существуют так называемые земли, которые в свою очередь подразделяются на волости. Волость представляет собой несколько таких поселков по десять-двадцать дворов и зачастую носит название по главному в ней городку. Также имеется столица земли – городище, оттуда Трудевут, самбийский король, должен управлять всей землей. Но в последнее время он чаще бывает в родовом поместье Бронтекамм.

Дело в том, что эта относительно тихая волость подчиняется только ему и не признает ничей другой авторитет. А в остальных волостных городах, да и в столице тоже, люди перестали его слушать. Они часами могут внимать рассказам жрецов и молиться на небо, чтобы пошел дождь и все беды прекратились. Такое легкомысленное отношение к жизни не для него.

Все до одного брутенские короли являются куклами в руках жрецов и не в состоянии им возразить, так что Кривайтис, пользуясь своей безнаказанностью, только разрушает страну. Порядка нет. Нужен единственный король, кто объединил бы земли. Народ-то ведь один, а все грызутся меж собой как собаки. Это же верная погибель. Вон у тех же русичей есть хотя бы видимость порядка, а здесь – сплошной раздрай.

Скоро будет общее собрание, и там Трудевут намеревался в последний раз высказать свои суждения по поводу полного разброда в землях Брутении. Пес пообещал сопровождать новоявленного отца в Надровию и, выпив полкружки ячменного пива, отправился на морской берег собраться с мыслями.

– Ну что, Гектор, как тебе местные порядки? – вопрос Бэзила застал Пса в момент, когда тот пускал по воде лягушек из плоских камешков.

– Да пока толком ничего не видел. Зачем я здесь?

– Как раз затем, чтобы все увидеть. Я хочу, чтобы ты узнал, как жили твои предки. Возможно, начнешь смотреть на мир другими глазами. Поживешь, познакомишься с их обычаями – глядишь, что-то и поймешь.

– А какой это год? – Пес наблюдал за тем, как лунная дорожка покачивается на морской глади.

– Тысяча сто пятьдесят девятый. Орден еще не создан. Эти земли живут дикими нравами. Скажу сразу, чтобы вернуться обратно, тебе предстоит многое осознать. – Пруссу показалось, что фраза, произнесенная невидимкой, была насквозь пронизана грустью. – Ты колебался, вступать ли на службу к рыцарям? В этих лесах ты найдешь ответы на многие вопросы. А быть может, захочешь остаться навсегда.

– Ну уж нет. У меня свадьба на носу, зачем мне оставаться? Что здесь может быть такого полезного? Спасибо, что дал мне возможность повидаться с родней. Хорошие люди. Я их почти полюбил и, если бы верил в Бога, обязательно за них помолился.

– В прежней Пруссии каждый был просто обязан верить в Бога, и не в одного. Их – целый пантеон. Как у древних греков или римлян. – Пес не мог понять, серьезно настроен Бэзил или опять издевается. – Впрочем, к твоему рождению церковь известными путями сократила количество божеств на этих землях до одного. Суть, правда, не изменилась.

– Так что же я все-таки должен уяснить? Что вера в Бога, наоборот, закрепощает человека в угоду какой-то горстке слепых приверженцев, которые доят его как корову и обращаются с ним как с собакой? Так я это давно уже понял, потому и отверг церковь.

– А как ты собираешься идти к рыцарям? Это же в первую очередь духовный орден.

– Да не смей ты меня: у каждого белого плаща по три жены и пять детей. Их сундуки ломятся от золота и серебра, они гуляют на пирах не хуже, чем наемники, да к тому же гробят людей, – опустившись на трухлявый ствол поваленного дерева, Гектор вспомнил,

кто повинен в смерти его родителей. – И где же здесь Бог? Иерусалим сейчас чей? То-то же! Если Господь и был, то давно их покинул за то, что они сами отвернулись от него. И обрести его вновь у братьев уже не получится. Вывод один – для тевтонов Бога нет.

– Но ты согласен, что вера окрыляет? Многим она придает силы и бодрость духа.

– Согласен, только я не уверен насчет той истории, когда известный нам сын плотника оживил мертвеца и сам вознесся из пещеры, да еще и мать потом забрал к себе. А верить я могу и в любовь, если мне необходимо взлететь. Зачем мне Бог, что он может для меня сделать? Я сам все делаю без Божьей помощи. А если он и есть, то меня это мало трогает.

– Как же можно отвергать Бога? Ты не забыл, что с такими взглядами можно угодить прямиком в ад? – На этой фразе Гектор услышал ироничный смех Бэзила. – Только приняв Христа как единого Спасителя, возможно, но не факт, ты попадешь в Рай. Пожертвования позволят немного склонить весы фортуны в твою пользу.

– Еще мне очень нравятся подаяния церкви, чтобы твои родные поменьше томились в чистилище. Кстати, давно хотел спросить, а почему я собираю «кресты»? – Пес почувствовал усталость и заторопился обратно в свой новый дом.

– Все твоё время и пространство, хочешь ты того или нет, вращаются вокруг этого примитивного символа. Куда ни плюнь, везде две перекрещенные линии. Я уже и сам привык не меньше твоего. А что, кольцо или, например, квадрат лучше бы смотрелись на твоих руках?

Всю последующую неделю Пес помогал обретенному отцу управляться на пасеке – доставать и обрабатывать соты. Он учился ставить рыбацкие сети, бороться с низкорослыми, но очень крепкими прусскими лошадками и даже точить оружие. Гектор с удивлением для себя отметил, что Трудевут лично принимает участие во всей сельскохозяйственной жизни общины.

В Пруссии пятнадцатого века дворяне приезжали на свои угодья лишь затем, чтобы проследить, как отработывается барщина, и всыпать пару плетей лентяям. Но его новый отец относился к своим крестьянам как к равным. Король просто ими руководил в пользу всей общины, а не ради собственной выгоды.

За все время, что Гектор прожил в Бронтекамме, он ни разу не услышал ни малейшей жалобы со стороны пруссов незначительного происхождения. И это притом, что они с Трудевutom во время соколиной охоты объехали почти все остальные подворья своей волости.

Некоторые поселения отличались друг от друга из-за их местоположения. Дома в поселках, отстроенных на болотистой местности, ставили предварительно на сваи, на которые следом укладывали фундамент из бревен. С улыбкой Пес наблюдал за тем, как жители удят рыбу, находясь прямо на порогах своих жилищ.

В любом месте, где бы они ни были, к отцу Прокса относились с нескрываемым почтением. Люди могли идти за ним хоть в морскую пучину, хоть под землю. И это было неудивительно – человеческим отношением к труженикам он давно уже расположил их к себе.

Другое дело, что постоянное запугивание неграмотных простолюдинов жрецами все-таки нашло свое отражение в их покорных сердцах, и те жить не могли без ежедневных молитв и подношений Перкуно, Потримпо и Патолло. На самые верхние ветки самых высоких деревьев все время были привязаны несколько поясов с большим количеством узелков, означавших степень уважения богам.

Поняв, что бороться с подобной заразой бесполезно, Трудевут оставил эту затею. За долгие годы правления жрецов у людей настолько утвердилась вера в их безграничную власть, дарованную богами, что, попробуй ее отнять, последствия могли стать самыми печальными. Поэтому под давлением сложившихся обычаев королю Самбии волей-неволей приходилось иногда посещать языческие обряды в главном городище. Иначе от него отказались бы собственные крестьяне.

Наконец, через неделю после появления Пса в Бронтекамме Трудепут взял его с собой в соседнюю волость Иезекамприс, чтобы память сына восстановилась как можно лучше. Там намечалась громкая свадьба и требовалось присутствие господина. Взяв с собой Прокса, Крукше и еще одного дружинника, король отправился на юго-восток в столицу волости. Впервые за время своего пребывания у предков Гектор выехал на открытую безлесную местность.

Иезекамприс располагался на двух возвышенностях. Первая, что была пониже, представляла собой городские укрепления. Вокруг насыпали высокий заградительный вал, заставлявший путника преодолеть его, прежде чем подойти к откидному мосту, ведущему в город. Поэтому закидать в случае чего неприятеля дротиками или обстрелять из луков сложностей не вызывало.

Вся земля была сплошь залита засохшей кровью и усеяна рытвинами, как будто здесь что-то закапывали. Само поселение окружал тройной частокол, наклоненный под углом в сторону противника. Столица волости насчитывала двадцать пять дворов, но сами дома имели бóльшие размеры, чем в Бронтекамме. Если в личном поместье Трудепута в каждом доме обитало только по одной семье, то тут существовали совсем другие устои.

Семьям в Иезекамприсе прислуживали рабы, и мужчины могли иметь сколь угодно жен. Трудепут всегда любил только свою ненаглядную Скало и, как мог, старался убедить остальных поступать так же. В Бронтекамме и окрестных подворьях народ слушался короля и многоженства там не допускали.

Рабов в родовом гнезде Бронте можно было пересчитать по пальцам. Работы в любое время года хватало, и некоторые из тех, кто совершали набеги, попав в плен, оставались в излюбленной королевской волости. Но спустя некоторое время возвращаться домой все равно никто не торопился.

Правда, так жили только в Бронтекамме. В других волостях царили совершенно иные порядки. Всю Брутению издревле раздирали междоусобицы и взаимная вражда. Миротлюбивые отношения с соседями с незапамятных времен старался поддерживать разве что род Бронте. И в итоге заслужил почти такое же отношение извне: разорительные вторжения в Самбию заметно сократились. Тем не менее время все-таки взяло свое.

Постоянные угрозы и уговоры жрецов глубоко застряли в головах и сердцах многих невежественных обитателей Брутении. Самбийские земли исключением не стали. В конце концов, все королевство, кроме Бронтекамма, переняло образ жизни соседей, где всю хозяйничали жрецы. Именно по этой причине батюшка Прокса счел необходимым оставить Иезекамприс, город, где он жил раньше.

– Приветствую тебя, Трудепут, наш хозяин и благодетель! – посадский староста-вурсхайто, скрюченный и косматый, грязной рукой тронул Трудепута за локоть. – Давненько что-то мы тебя здесь не видели.

– Здравствуй, Дралл, – король хлопнул старика по плечу. – Работы много в лесах и на полях. Сам понимаешь, надо кормить народ, не все козлов резать. Обряды обрядами, но пчелы пока не научились сами мед нам приносить.

– Как сказать, проси больше богов – тебе не только пчелы, но и медведи мед понесут.

– Вот ты молишь – и что, несут тебе? Ну? Я так и думал. Ладно, кто женится?

В отличие от Бронтекамма, в Иезекамприсе главный двор оказался не прямоугольным, а круглым и здесь постоянно горел костер. Вокруг него уже толпился люд – все от мала до велика. По кругу стояли столы с огромными глиняными кувшинами и плошками. К Трудепуту и старосте подошли молодые – мужчина даже не стал наряжаться; зачем на седьмую по счету свадьбу? На невесту все же надели ясеновый венок и потертую бронзовую подвеску. Худенькая бледная девушка, почти девочка, держала в руках небольшое серебряное колечко, чтобы нанизать его уже на седьмой палец мужу.

В обязанности посадского старосты не входило проведение обряда бракосочетания, поэтому, откинув белую козлиную шкуру, из своего чертога выбрался жрец-вайделот⁴³. Это был высокий, жилистый, с неприветливым лицом и холодными равнодушными глазами мужчина средних лет, одетый в светлый длиннополый кафтан, отороченный медвежьим мехом и расшитый понизу белой тесьмой. Грудь его замысловато украшалась двумя белыми шнурами и тремя пуговицами. Такой же белый пояс блестел бронзовой пряжкой. На голове жреца шелестел венок из дубовых листьев. Прежде чем подойти к жениху и невесте, он отвязал серого козла, мирно щипавшего травку, и подвел его к костру.

– Мансурас и Прудайте, в этот знаменательный день вы решили соединить свои судьбы. – Пес подозрительно покосился на вещавшего гулким голосом вайделота. – Всемогущий Потримпо благословляет ваш союз и требует жертву. Кровью этого животного он окропит вам глаза и разум, дабы жизнь ваша длилась как можно дольше. Будьте благословенны.

На этих словах староста деревни зажал козла меж своих ног и взял его за рога. Вайделот достал откуда-то из складок длинный, с зазубринами, кинжал и быстро чиркнул им по горлу рогатой скотины, поставив миску. Из всех присутствующих невесело стало только Гектору и Трудевуту. Они с горечью наблюдали за жалобным блеянием и конвульсиями бедного животного. Староста крепко держал его голову, а жрец двумя пальцами давил на шею, чтобы посуда скорее наполнилась. Наполнив миску доверху, вайделот обмакнул пальцы в кровь и несколько раз брызнул в глаза новобрачному и его родителям. У девушки-рабыни родителей не было, так как муж лично убил ее отца с матерью.

Затем жрец зажал край плошки в зубах и ловким движением резко перебросил наполовину опустошенную посудину себе за голову. Сразу же раздался радостный гогот и улюлюканье, и люд по головам полез к столам. Не успели выпить по шестой чашке медовухи, как мясо недавно убитого козла уже подали на стол. По лицу невесты никто бы не сказал, что она выходит за нелюбимого. Наоборот, худышка ласково ворковала с женихом и остальными женами Мансураса.

– Вот видишь, что мне приходится терпеть? – Трудевут сидел рядом с Гектором во главе стола, отпивая маленькими глотками кобылье молоко. – Козел-то чем виноват? Подожди, Прокс, подожди. Похоже, скоро мы увидим кое-что поинтереснее.

– Почему ты так считаешь, отец? – И хотя ритуальное забивание козла покорило Гектора, он прекрасно знал, что и в его время подобное часто случается в некоторых поселениях, где живут пруссы.

– Помнишь, как некогда дружественная нам Галиндия⁴⁴, учинила набег на Бартию⁴⁵, захватила народ в плен, пожгла села? Галинды выходят из-под влияния Кривайтиса, что приводит его в бешенство. Скоро он заставит нас собирать в Иезекамприсе ополчение.

– И что ты думаешь делать?

– Пока не знаю. Соглашусь – многих моих побьют, откажусь – сразу всем рискую. И нами с тобой в том числе. Наверное, одних дохлецов пригоню, скажу – остальные померли. Пускай приезжают смотреть, – палец с двумя причудливыми золотыми кольцами, незаметно для всех, кроме Гектора, показал в сторону вайделота. – Загоню своих в лес, отсилятся – потом выйдут. А щуплых мужиков кто возьмет? С ними только одна морока. Выход у нас один. Я воевать не собираюсь. Пусть сами дерутся, если им делать больше нечего.

– Верно, отец, я тоже так считаю. У тебя и людей не так много, чтобы ими разбрасываться, – усмехаясь, Пес заметил, что жрец наклюкался больше остальных и призывал всех

⁴³ Вайделот – низший жрец в языческой иерархии пруссов.

⁴⁴ Галиндия – одна из 11 областей древнепрусского государства.

⁴⁵ Бартия – область Пруссии.

известных ему богов помогать молодоженам. – Из этого города пусть забирают кого хотят, здесь все равно один сброд. А сами жрецы воюют?

– Как бы не так! Они сидят в Ромове и посылают своих прихвостней к нам собирать добро. Им бы только набить свои животы и распотрошить чужие.

– Да уж, ничего не скажешь, – мысленно Гектор вернулся в свое время, вспомнив весьма «доброжелательное» отношение церкви к населению. – Тот, у кого власть, всегда загребает жар чужими руками, ведь все боятся слово против сказать. Скорее бы они все посдыхали, тьфу. Как их земля только носит...

– Молодец, сынок, в отца пошел, так же, как я, соображаешь, – Трудевут встал из-за стола, обращаясь ко всем гулякам. – Мы с Проксом переночуем здесь, а завтра отправимся в Бронтекамм – рыба уходит, надо торопиться.

На заре Пса разбудил Крукше и позвал посмотреть на очередной культовый ритуал. Ночью прошел грибной дождик, умывший траву. Теплые солнечные лучики радостно блестя внутри прохладных капель. Цветной край прозрачной радуги находился настолько близко, что, казалось, протяни руку – и вот он. Из-под листьев осоки выбралась зеленая гусеница и поползла куда-то по своим делам с утра пораньше. Безобидное насекомое успело изогнуться всего два раза перед тем, как исчезнуть под сапогом пожилого хмурого мужчины.

Крукше назвал этого человека тулиссоном⁴⁶. Безрукавный наряд жреца, подбитый по подолу мехом куницы, имел на груди три вертикальные черные полосы. Блестящая фибула скрепляла на его шее черную накидку, а на запястье красовался янтарный браслет, вперемежку с кусочками оленьего рога. Рядом с ним молчаливо с ноги на ногу переминалось еще несколько жителей, включая старосту.

Чуть поодаль, склонив голову, стоял босой паренек моложе Крукше, которого Гектор видел, когда они подходили к городу – тогда мальчишка пас скот. Оглядев всех присутствующих, тулиссон глубоко зевнул, прихлопнул на шее комара, вытер руку об одежду и не спеша направился к воротам.

Часовые откинули мост, и вся процессия двинулась на вальное укрепление. Впереди шествовал жрец, за ним староста, опиравшийся на длинную палку, дальше жители, следом Пес со своим слугой и замыкал вереницу пастушок. Гектор то и дело оборачивался, желая заглянуть парнишке в лицо и понять причину его грусти. По дороге прусс обратился к Крукше, но тот тоже склонил голову и ничего не ответил.

Тягостное предчувствие Пса удвоилось, когда за валом шествие вдруг остановилось и мальчик покорно подошел к тулиссону, как будто жрец его позвал. Слуга Прокса, отвернувшись, всхлипнул, но Гектор все равно углядел слезы в глазах парня. Отчего верный паж зарыдал, прусс понял, когда пастушок открыл рот. После этого у путешественника во времени мгновенно подкосились колени и предательски взмокли подмышки.

– Я – молодой пастушок, – писклявый голосок парнишки вспугнул птиц, рассеявшихся на немногочисленных деревьях вокруг, – утренняя звезда, утренняя звезда, освети мою раннюю смерть. Должен я оставить свою жизнь, того хотят боги.

– О великий Патолло, властитель смерти, – тулиссон стал описывать круги и дуги около пастушка, постоянно глядя при этом в землю. – Оказавшись хуже любой твари и скотины, поляк окрестил Галиндию и поднял наш народ на борьбу с нами. Прими эту жертву и сделай так, чтобы вера в крест обратилась против них самих. Видят боги – мы не хотим воевать с нашими братьями, но они первые поднялись против нас.

Пораженный происходящим, Пес заметил неподалеку небольшой валун со сводчатой крышей над ним и с высеченной на нем перевернутой буквой «Т». Рядом с ним стоял деревянный идол с изображением трех главных прусских богов – Перкуно, Потримпо и Патолло.

⁴⁶ Тулиссон – погребальный жрец.

Благоговейно прикоснувшись к тотему, тулиссон затем приблизился к уху пастушка и что-то прошептал.

Парень безропотно лег на землю, приняв позу младенца в утробе матери, и горожане связали его по рукам и ногам. Староста продел прочную осиновую жердь сквозь путы, чтобы люди смогли поднять мальчика как стреноженного зверя, пойманного на охоте. После этого вся процессия устремилась к нагромождению папоротниковых листьев, скрывавших за собой узкий проход в тоннель. Сердце в груди Гектора отчаянно заколотилось, щеки налились пунцом – он отказывался верить своим глазам. Крукше не выдержал и, разрыдавшись, остался ждать у тайного хода.

За тоннелем находилась открытая площадка, в центре которой стоял отполированный сверху жертвенный камень. Жители по приказу вайделота водрузили туда ни живого ни мертвого мальчишку. Тулиссон, приложив палец к губам, продолжал нашептывать что-то известное только ему одному. Гектор моментально вспомнил, как сам недавно находился в похожих обстоятельствах. С точностью до мельчайшей детали он увидел лицо инквизитора Гзанды вместо лица жреца-тулиссона. Не выдержав внутреннего напряжения, прусс хотел кинуться на фанатика, но не смог шевельнуть ни единым мускулом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.